

ГЛАВА 23 УДАР ВОЗМЕЗДИЯ

Я не знаю, почему именно безьерцы, никогда не отличавшиеся отвагой и воинственностью, решили вдруг противостоять огромной армии, которой ещё никогда не видела Франция. Среди крестоносцев далеко не все принявшие крест, взялись за оружие во имя Господне. Было в наших рядах множество дикого и свирепого народа, никогда не помышлявшего о спасении души и алчущего только грабежей.

Эти люди без рода и племени, бродяги и убийцы, назывались тавердинцами.¹ Они своим нечестием превосходили язычников, разрушали церкви и монастыри, преследовали христиан, которых они иногда заставляли умирать в страшных мучениях и не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Поклонялись тавердинцы только золоту, за которым готовы были лететь хоть на край света и повсюду проливать кровь.

С секирами, в одних белых рубашках, а некоторые, на манер викингов, обнажённые по пояс, с двумя мечами в руках, они бросились на приступ с ужасающими воплями.

Атака была столь яростной и стремительной, что защитники Безье, стоявшие на крепостных стенах, оцепенели от страха, а когда они увидели рассечённые тела и отрубленные головы, валявшиеся под ногами бегущей на них истошно вопящей полуголой толпы, они, побросав оружие, побежали в единственную в городе церковь Сен - Назер, надеясь укрыться за её стенами.

Однако тавердинцы, залитые кровью с ног до головы, ворвались туда и, впад в совершенное неистовство, убивали всех, кого видели перед собой. Алтарь Сен – Назера превратился в место казни. Здесь рубили головы тем, кто незадолго до штурма, творил на нём блуд с уличными девками. Жестокой справедливости обрекли себя святотатцы. И мне их было совсем не жаль.

Но вместе с ними лишились жизни старики и дети, неспособные к оскорбляющему небеса разнузданному разврату. Их безжизненные тела, лежали в кровавых лужах, растёкшихся по мощёной серым камнем церковной площади.

Я сожалел о невинно убиенных, но никого ни в чём ни винил, потому что смотрел на эту страшную картину сквозь прорези опущенного забрала.

Мы разбили тараном крепостные ворота и неудержимым потоком понеслись по узким улицам. Над городом повис туман смерти. От ударов наших мечей погибли тысячи еретиков. Но крестоносцы не предавали смерти тех, кто просил пощады во имя Господа. Мы рассеяли пьяную от крови толпу тавердинцев и на какое -то время помешали продолжить ужасную резню. Однако это только ухудшило положение побеждённых, если его в тот момент можно было ухудшить.

Тавердинцы, в ответ на заступничество рыцарей, подожгли город.

Пламя быстро распространилось и он превратился в ад. Людей погибло без счёта.

Я думаю, что подобно растленным жителям Содома и Гаморры², никому из безьерцев спастись не удалось.

Такова была расплата за ересь и богохульство, кои Господь терпел в этих местах две сотни лет³. Но и Его явленный гнев не образумил альбигойцев.

Сами «совершенные» воевать не умели. Да и вера их запрещала им прикасаться к оружию. А вот в душах многих заражённых ересью знатных рыцарей, известных своей ратной славой, после сожжения Безье, запылал огонь мести.

И они облачились в боевые доспехи. Виконт Раймонд Роже Безьерский, графы Арманьяк, де Фуа и Комменж, барон Мирепуа и их многочисленные вассалы преисполнились лютой ненавистью ко всему католическому. Они захватили врасплох отряд латников, шедших из Клермона в лагерь крестоносцев и почти всех перебили, а взятым в плен вырвали языки и выжгли глаза лезвиями раскалённых кинжалов. Аббат Арнольд, стоявший во главе крестоносцев, поклялся отомстить и двинул войска на Каркассон.

Примечания к 23

1. Тавердинцы (другое название «рутьеры») - шайки разбойников, нередко служившие наёмниками в феодальных армиях.
2. Содом и Гоморра - упомянутые в Библии города, уничтоженные Богом за непомерные похоть и сластолюбие (Бытие, 19:24-25.).
3. Первое упоминание о катарах на юге Франции относится к концу 10 века

ГЛАВА 24 ПОГНУТАЯ СЕКИРА И РАЗОРВАННЫЙ ШЛЕМ

Взятие Каркассона связано в моей памяти с двумя обстоятельствами, не имеющих прямого отношения к ходу военных действий. Я имею ввиду приезд в наш лагерь арагонского короля дона Педро¹ и начало возвышения графа Симона де Монфора, смертельного врага лангедокских баронов.

Благородный дон Педро приехал просить об освобождении виконта Раймунда Роже, своего каркассонского вассала, сидевшего в кандалах в одной из башен своего замка. Аббат Арнольд готов был отпустить виконта с несколькими баронами, но город со всеми его жителями и богатством должен был сдаться на его милость.

Посредничество короля было неудачным и он вернулся в Сарагосу окорблённый и полный жажды мести. Пытаясь её утолить он, погиб. Но об этом позже.

Сейчас же я расскажу тебе, мой досточтимый читатель, о графе Симоне де Монфоре, будущем герое альбигойской войны.

Впервые о его доблести заговорили герольды после взятия Зары², где он разбил палицей голову воина, едва не пронзившего копьём маршала Жоффруа Виллардуэна³ и выбил из седла другого, под чьим мечом шлем маркиза Бонифация Монферратского треснул как

ореховая скорлупа. Отличился он и под стенами Каркассона. Когда Годри де Рувруа, Анри Суассонский и Модилар де Вентамар овладели укреплениями первого предместья и подожгли его, граф Симон, стоя на краю крепостной стены, посёк своим острым мечом множество воинов, пытавшихся сбросить его оттуда. Я, посланный ему на подмогу аббатом Арнольдом, привёл с собой полусотню копейщиков. С ними мы ворвались на городские улицы. Никто не мог устоять перед Монфором в открытом бою. С стонущим скрежетом разрубал граф железо доспехов и этот ноющий звук смерти долго потом не давал мне спать.

В другой раз, Симон де Монфор, отбиваясь одной рукой от нападавших на него альбигойцев, вынес из глубокого оврага Робера де Бовилье, получившего опасную рану.

Однако, не смотря на свирепую доблесть Монфора и других храбрых рыцарей осада Каркассона затянулась.

У многих крестоносцев, рассчитывавших на скорую победу, воинственный дух начал исчезать, а вместо него появилось коварство.

Рыцарь Гийом де Леннар сумел убедить виконта Раймунда поехать в лагерь крестоносцев и обсудить условия перемирия, дав ему в качестве гарантии безопасности своё рыцарское слово.

Раймунд Роже согласился и попал в ловушку, расставленную бесчестным лжецом. В лагере крестоносцев неосторожного виконта взяли под стражу латники герцога Бургундского.

Когда весть о пленении Раймунда Роже дошла до каркассонцев, они, не ожидая очередного штурма, бежали по подземному ходу в Тур де Кабардэ, небольшой городок, находившийся в двух лигах от Каркассона. Кто-то из них потом скрылся в Тулузе, кто-то нашёл убежище в Марселе и Арле, а некоторые осели в Сарагосе и Барселоне.

Аббат Арнольд отдал распоряжение посадить виконта в подземелье башни Трезо⁴ и не спускать с него глаз. Всё имущество горожан, тоже по приказу аббата, было собрано в кафедральном соборе Сен-Назер. Им был оплачен ратный труд крестоносцев. Удачное начало святого дела вдохновило его участников. На совете прелатов и знатных сеньоров было решено покончить с ересью навсегда.

Рим тоже был не против продолжения войны. Аббат Арнольд, являвшийся с санкции его святейшества, организатором и высшим руководителем крестового похода, предложил герцогу Бургундскому возглавить крестоносную армию.

Герцоги Бургундский и Неверский от главнокомандования отказались, а граф де Сен-Поль, чья симпатия к тулузскому государю не для кого не была секретом, и вовсе наотрез отказался от продолжения войны с Раймундом, считая поражения, понесённые им послужат всем хорошим уроком и удовлетворят святой престол.

«Господа,-сказал тогда граф, - Раймунд Тулузский,не смотря на все свои заблуждения,один из нас.С благородными рыцарями Сен -Жилльского дома, к коему он принадлежит,едва ли не все здесь собравшиеся находятся в ближнем и дальнем свойстве. Я полагаю,что наказание, которое он понёс,соразмерно его прегрешениям и я не вижу необходимости продолжать крестовый поход.».

Несколько человек поддержало де Сен - Поля. Появилась возможность уладить лангедокские дела мирными переговорами. Однако это не устраивало аббата Арнольда, мечтавшего о сане архиепископа и герцогском титуле, которые получить без успешной войны было невозможно.Поэтому он предложил встать во главе крестоносцев Симону де Монфору, искоренявшему ересь по зову сердца.

Тогда это ни у кого не вызывало сомнений и все были согласны сражаться под его началом.

Граф Симон де Монфор был знатен, но не богат. Зато жаждой власти, как и невероятной силой, он был наделён без меры.Я сам свидетель.

За несколько дней до Мюрейского сражения, на пиру,бальбонский аббат Готье уговаривал графа отказаться от сражения с объединёнными силами Арагона,Тулузы и Фуа.

«Благородный граф,-наставительно говорил прелат,- ваш противник король Арагона- великий воитель. В поединке его может одолеть только Сам Господь Бог.Вы только подумайте. На турнире в Авиньонеб,он у всех на глазах руками,словно бумажный лист, разорвал шлем маркиза Росселина Прованского.»

В ответ граф Симон показал пальцем на висевший на стене красный орденский щит Сант- Ягоб с изображённым на нём зелёным ящуром и серебрянным крестом.Справа и слева из - под его верхнего края, наполовину выдвинутые, торчали боевые секиры с серповидными лезвиями.

Слуга,стоявший позади графа, подошёл к щиту,вытащил секиру и подал её своему господину.Монфор,взяв топорище левой рукой у самого лезвия,ладонью правой дважды медленно согнул его так,оно стало похоже на свиток бумажной грамоты и молча протянул согнутую секиру узумлённому аббату.

Ходили слухи,что Монфор хотел стать королём Арелата,но мне думается,что не столько граф желал стать венценосцем,сколько его жена Алиса Монморанси мечтала стать королевой возрожденного древнего королевства.

Граф Симон был не прихотлив,набожен и воистину пылал гневом на лицемерных катаров.Реки крови были пролиты им во имя торжества матери нашей римско- католической церкви,а после своей победы он заставил жителей Лангедока заплатить за своё богоотступничество.С рыцарей,вставших под знамёна альбигойцев, причиталась кругленькая

сумма в сто солидов.С горожанина,торговца и ремесленника-пятьдесят,а со всех остальных по двадцать. Деньги вразумили еретиков куда быстрее меча и многие отреклись.

Лишь «совершенные» будоражили народ и,взыскав для себя мученический венец , пели псалмы в пламени костров.

Их страдания умножали число еретиков.Но мученичество «совершенных» могло быть бесполезным,как это уже не раз бывало в прежние времена.

Но в Лангедоке,святость альбигойских епископов соединилась с доблестью,искушённых в военном деле знатных сеньоров,чьи неприступные замки были для них надёжной защитой.

Говорили,что в одном из них «совершенные» скрывали чашу Грааля⁷, в которой никогда не иссякал чудодейственный напиток,ибо он содержал капли крови Господа нашего Иисуса Христа,пролитой Им на Голгофском кресте.

Вкусивший его становился обладателем сокровенных знаний,недоступных простым смертным.Это была ложь.

Просвещенным людям было хорошо известно,что легенду о святом Граале выдумали труверы Фландрии⁸,жившие при дворе графа Филиппа Эльзасского⁹.Он,желая угодить своей жене,любившей слушать их песни и стихи, пообещал триста серебряных марок тому,чья благочестивая поэма заставит заплакать прекрасную графиню Изабеллу Вермандуа¹⁰.

Слёзы из её глаз потекли тогда, когда она услышала вдохновенные стихи о чаше крови Господней, которые прочитал Кретьен де Труа¹¹. Как поэтический замысел превратился в глубокую тайну «совершенных», я не знаю.Но мне не раз приходилось слышать, как они говорили народу,что один лишь взгляд на изображение чаши Грааля,заменяет мессу,а размышление о ней-чтение и слушание Библии. Благоденствие,мир и покой на том и этом свете обещали «совершенные» всем,кому чаша Грааля заменит слова Священного Писания.

Но не Христос ли завещал нам избегать идолопоклонства,не творить себе кумиров, не верить лжепророкам и нигде,кроме собственной души,не искать Царствия Небес- ного.

Однако беспечные аквитанцы,забыв предупреждения Господа,поверили мудрецам в халдейских колпаках и пепел злосчастья засыпал их цветущий край,ибо учение катаров от дьявола,а он непревзойдённый обманщик.Он сумел подменить христианскую веру мерзкой ересью так,что многие искренне верующие в Святую Троицу,считали альбигойцев добрыми людьми,несущими бремя тяжких кар из-за козней римских прелатов,жадных до денег и удовольствий.

Никто не думал о том,что Господь наш Благословенный самоубийственных жертв от верующих в Него не требует.

Еретики же,бросаясь на копья крестоносцев или восходя на костёр с именем Божьим на устах,убивают себя не ради Спасителя нашего Иисуса Христа- Отца Милосердия,а во имя безжалостного сатаны,набирающемуся сил от

человеческой крови, пролитой во время всякого рода войн, мятежей, смут и восстаний.

Размышляя о катарах я, мой досточтимый читатель, по своему обыкновению, отвлекся и совсем забыл о том, что эту главу я начал с рассказа о Симоне де Монфоре и сейчас вновь к нему возвращаюсь.

*****

Для того, чтобы поразить ересь в самое сердце, нужно было иметь талант стратега и сильное войско. Граф Симон обладал всем этим в полной мере.

Он взял Каркассон и объявил его своей столицей. Оттуда его воины наносили мощные и быстрые удары по замкам тулузских баронов и вскоре они признали его власть. Потеряв своих вассалов, граф Раймунд не мог противостоять Монфору и унижался перед ним до крайности. В тоже время, надеясь найти поддержку у его святейшества папы, он писал ему слёзные письма, жалуясь на утеснения сурового крестоносца. Правитель Тулузы был человеком пёстрым, с душой неустойчивой и непостоянной.

Его речь была не в ладах с сердцем. На уме он имел одно, а на устах другое.

Его высокое благородство не было подкреплено мудростью государственного мужа. Честность графа Раймунда была не твёрдой, а великодушие случайным и редким. Он мало думал о благе своих подданных и в конце концов вверг их в пучину бедствий.

Симон де Монфор, не умеющий читать, оказался более проникательным, чем просвещённый Раймунд де Сен—Жилль — лицемерным.

Сумел граф Симон усмирить и воинственного графа де Фуа, принудив его оставить в заложниках своего сына. Не избежал наказания и соседний Прованс. Аббат Арнольд наложил интердикт на маркиза Росселина Марсельского, а консулы и сенаторы Арля и Авиньона были отлучены от церкви.

Графа Раймунд, не выдержав выпавших на его долю испытаний, одолел жестокий недуг. Он не вставал с постели и временами впадал в забытье на несколько дней.

Думая, что он стоит у смертного порога, граф написал завещание.

Кроме своей семьи, часть своих доменов он отдавал Филиппу-Августу, владения в Провансе - императору Оттону, а остальное жаловал рыцарям Храма и госпитальерам.

Супруга и дети графа проливали слёзы и готовились к похоронам. Но граф неожиданно для всех встал на ноги и, в считанные дни, обрёл утраченные силы. Их ему вернул бальзам эллебора¹², приготовленный для него по просьбе благородного дона Педро севильским лекарем Саидом Абенамаром, знавшим секретные книги исцелений арабского врача ибн -аль-Хайсама¹³.

Граф ободрился и, уповая на справедливость его святейшества папы

Иннокентия, отправился в Рим.

Хотя папе со всех сторон твердили, что граф Тулузский продолжает оставаться врагом Бога и церкви, первосвященник принял его приветливо и подарил ему великолепного испанского жеребца и графскую мантию, отороченную мехом соболя.

Мягкие и пушистые шкурки этого редкого зверька иногда присылали в Рим потомки самого далёкого вассала папы Изяслава¹⁴, правителя Рабасции, далёкой страны снегов у Рифейских гор.

Кроме того, Раймунд получил драгоценный византийский перстень, на крупном изумруде которого угловатыми греческими буквами была вырезана библейская строка «Нет памяти о прежнем»¹⁵.

И ещё папа предложил созвать собор, где граф Раймунд смог бы освободиться от тяжести возводимых на него обвинений. Скорее всего так бы и случилось. Среди друзей графа было немало красноречивых знатоков богословия и юриспруденции. Но он, как всегда, не сумел воспользоваться благоприятными для себя обстоятельствами. Забыл граф старую истину о том, что лучшим щитом от опасности является предосторожность и совершил роковую ошибку, разрешив епископу Тулузы Фулькету, смертельно

ненавидевшему еретиков, поселиться в Нарбоннском замке. Фулькет, ставший почти недостижимым, начал плести интриги и заговоры против не отличавшегося предусмотрительностью пособника ереси. И владетель Тулузы погиб, а вслед за ним и вся лангедокская знать, дававшая «совершенным» приют в своих владениях, а их мыслям - в своих душах. Помятуя об этом я, мой досточтимый читатель, прежде, чем продолжить свои дальнейшие воспоминания об альбигойской войне, снова сделаю отступление и расскажу тебе о том, какими способами сокрушает нас дьявол и как можно этому противостоять.

Примечания к главе 24

1. Педро 2-король Арагона. Союзник графа Раймунда. Погиб в битве при Мюре в 1213 году.
2. Зара-христианский город на берегу Адриатического моря. Конкурент Венеции в морской торговле. Взят и разграблен крестоносцами в 1203 году по настоянию дожа Энрико Дандоло. За это папа Иннокентий отлучил венецианцев от церкви.
3. Жоффруа Виллардуэн-знатный рыцарь, участник 3 и 4 крестовых походов. В 80-летнем возрасте написал интересные воспоминания.
4. Лига-5,5 километра. Лигами измеряли расстояния в Испании и Южной Франции
5. Башня Трезо-башня у Нарбоннских ворот, в кольце знаменитых крепостных стен Каркассона. Перестроена в конце 13 века.
6. Авиньон-город в Провансе. В 12-13 веках находился под властью тулузских графов.
7. Орден Сант-Яго-рыцарский орден, основанный во времена короля Леона Фернандо 2 в 1170 году. Целью его создания была защита паломников, идущих в Сант-Яго де Кампостела на поклонение гробнице святого апостола Иакова, считающегося покровителем Испании. Эмблема ордена: крест, изображаемый в форме меча. Вместе с ним, на щитах рыцарей Сант-Яго рисовали или отчеканивали яшура.
8. Чаша Грааля-сосуд, в который Иосиф Аримафейский собрал кровь Иисуса Христа, пролитую Им на Голгофском кресте. В Библии этот факт не упоминается. В ней говорится, что богатый человек из города Аримафеи по имени Иосиф, был одним из учеников Христа. Он, после распятия Спасителя, получил разрешение Понтия Пилата на Его

погребение.Купив всё необходимое для этого,Иосиф забрал тело Иисуса и,обернув покрывалом,положил Его во гроб,высеченный в скале и закрыл вход большим камнем.(Евангелие от Матфея,27:57-60;от Марка,154:43-46;от Луки,23:50-53;от Иоанна,19:38-41.)Покрывало,на котором чудесным образом отпечатался лик Иисуса,сохранилось до наших дней и называется ныне туринской плащаницей.

9.Труверы-общее название поэтов Центральной и Северной Франции в 11-13в.в В творческом отношении они значительно уступали своим современникам-трубадурам, поэтам Прованса и Лангедока.

10.Филипп Эльзасский,граф Фландрский(1142-1191г.г.) был покровителем наук и искусств.

11.Изабелла Вермандуа(умерла в 1182г)-жена графа Фландрского.

12.Одна из поэм Кретъен де Труа называется «Персеваль или Повесть о Граале».

13.Эллебор-чимерица.В её корнях содержится парализующий яд.В средние века применялось как рвотное и слабительное средство.Использовалось и как эффективное успокаивающее средство при лечении душевных болезней.

14 Ибн-аль-Хайсам (965-1039 г. г.)-в средневековой Европе известен под именем Альгазен. Знаменитый арабский учёный-физиолог.Труды по оптике, математике, астрономии и др.7 книг его трактатов переведены на латинский язык и изучались в университетах Европы, начиная с 1-ой половины 12 века.1-ое печатное издание в 1572г.

14.Изяслав Ярославич(1024-1078г.г.)-киевский князь.Несколько раз изгонялся с княжеского престола, но возвращался при помощи польских войск.

15.Экклезиаст,1:11.

ГЛАВА 25 ЛЕКАРСТВО ОТ ДУШЕВНЫХ РАН

«Мишель,-часто говорил мне архиепископ Арнольд,беседуя со мной долгими зимними вечерами – становись священником и Господь Бог будет всегда с тобой.

Посвяти Ему себя целиком. Не дели Его любовь ни с женщиной,ни с семьёй, ни с деньгами и Он пребудет с тобою во веки веков».

Я не был уверен в том, что любовь к Спасителю будет единственной в моей жизни и поэтому продолжал оставаться конверсом. Но иногда я,надломленный ужасными зрелищами, виденными мною на альбигойской войне, мечтал об уединении в горной обители. Кто знает, может быть, желая избавиться от преследовавших меня душевных мук, я и закрылся бы в каком – нибудь монастыре, одиноко стоящем на вершине горы, если бы не подаренная мне отцом Бенедиктом книга.Она рассказала мне о тайнах обретения душевного покоя. Для этого нужна лишь искренняя вера в Бога и неугасимое желание идти путём добра и любви,поэтому необходимости замуровывать себя в монастырских стенах нет. Сегодня это моё твёрдое убеждение,а тогда,когда я впервые прочитал несколько страниц «Лестницы в небо» то,не найдя там ничего такого,что могло бы заставить меня немедленно взяться за её изучение,я поставил книгу на полку до лучших времён.

Скорее всего там бы она и осталась,если бы не одно призрачное происшествие,породившее в моей душе ни с чем не сравнимый ужас.

После взятия Безье меня преследовали жуткие ночные видения,после которых я по многу дней подряд не мог прийти в себя.

Иногда мне казалось, что я, укутанный темно-серой мглой свинцового тумана, медленно бреду по мрачной долине, по краям которой пылают четыре громадных огненных столба. Печальный голос говорил мне, что эти огни сожгут мир.

Один из них - огонь лжи, ибо люди не выполняют даваемого ими при крещении обета отречься от сатаны и его присных.

Другой огонь - огонь любостяжания, ибо страсть к земным богатствам люди ставят выше любви небесной. Огонь раздора - третий.

Люди, сжигаемые им, не страшатся вредить своим близким даже по пустякам, а в пылу ссоры готовы убить любого, кто противоречит их словам. Четвёртый огонь - огонь несправедливости, ибо беззаконие и утеснение слабых распространилось по всей земле. По левую сторону долины царил невыносимый холод и бушевала снежная буря, а по правую стеной стояло багровое пламя. Между ними метались сонмы несчастных человеческих душ. Когда они не могли выносить нестерпимого жара, они оказывались в объятиях невыносимого холода.

Перед моим взором возникали языки ревущего пламени, вырывавшегося из глубокого колодца, и несшего в себе горестно стеновавшие грешные тени. Подобно искрам огромного костра, они взлетали и вновь погружались в смердящую бездну.

Я слышал крики страдания и боли и видел злобных демонов с хриплым хохотом уносивших души грешников в кромешный мрак бездонных подземелий.

Рыдания жертв и торжествующий рев бесов сливались в единый гул, резавший мне уши нестерпимой болью.

Однажды шестеро чёрных горбатых демонов со стоящими дыбом острым иглами длинной шерсти вылетели из пучины огня и, окружив меня косматым обручем, начали увлекать в адское пекло. Ожидание страшной и мучительной казни сковало меня доселе неведомым мне страхом. И когда я, подготовившись к злой смерти, уже расстался с последней надеждой остаться в живых, появились два крылатых воина в кольчугах пшеничного цвета. Их лица сияли неземной красотой. Взмахами своих белоснежных крыльев, излучающих ослепительный свет, они в мгновение ока рассеяли несущуюся им навстречу хищную стаю чёрных херувимов¹, уже протягивавших ко мне свои когтистые перепончатые лапы, с которых капала зловонная слизь.

Поймавши меня за руки, посланцы Небесного царства вынесли меня на свет Божий.

«Живи и ничего не бойся, - улетаая, крикнули они мне на прощание. - У тебя же есть книга.»

Очнулся я в холодном поту, дрожа, как нищий, стоящий в лахмотьях на перекрёстке дорог под пронзительно-холодным осенним ветром.

Понемногу ко мне вернулась способность размышлять и я подумал, что

ангельское напоминание о книге совсем не случайно. О ней, как о лекарстве против страха говорил мне отец Бенедикт. Но тогда я не придавал значения его словам. И вот чуть было не пропал.

Как ни странно, но демоны, едва не унесшие меня в преисподнюю, оказали мне хорошую услугу. Они разбудили во мне почти совсем уснувшую привычку к чтению и я, отложив все дела, сел за книгу.

«Лестница в небо»-книга, волей Господа оказавшаяся в моих руках, была составлена на двух языках благочестивым византийцем, прикрывшимся ничем незначительным именем Анонима Логографа².

В ней он собрал греческие и латинские энтимомы³ из декреталий⁴ и *motu proprio*⁵ римских епископов⁶, а также множество душеполезных рассуждений о смысле нашей христианской веры, ересях, их опровержениях и воспитании души. Есть в ней апофтегмы⁷ языческих и сарацинских мудцов, утверждающих те же истины, что и святые отцы христианской церкви. Отец Бенедикт, а, может быть, брат Григорий по его просьбе, сделал простой перевод этой замечательной книги на понятную для меня французскую речь. Зачем красота языка, если, запутавшись в понимании смысла прочитанного, не можешь оценить его по достоинству?

Начала веры должны быть доступны разуму самых темных людей, а её сокровенные тайны могут быть раскрыты лишь избранным. Тем, кто слушая голос Святого Духа в собственной душе, неустанно ищут благодатного союза с Господом и мира с самим собой.

Но как быть, если Его голос еле слышен, а остановить будоражающий душу поток мыслей, рождаемых подвластной дьяволу грешной плотью, нет сил?

«Душа христианская, - говорил мне отец Бенедикт, - должна быть спокойна, как зеркальная гладь горного озера, на которой не бывает пятен, хотя в ней отражаются чёрные громады окружающих его скал».

О том как избежать пятен греха и научиться обуздывать свою плоть, всегда готовую восстать против духа, рассказал мне со страниц своей книги Аноним Логограф. Для тебя, мой досточтимый читатель, я сделал из неё полезные извлечения и надеюсь, что отобранные мной поучения укрепят тебя в вере во Спасителя и приведут твои мысли в надлежащий порядок.

*****

«Серебра и золота нет у меня, а что имею, то даю⁸»-говорит нам константинопольский инок. - «Лестницу в небо» я, служитель церкви святых Бессребренников, писал в тиши моей кельи в Космидийском аскетирии⁹, в дни правления императора Василия^{2,10}, ради спасения моих братьев - христиан от ядовитой лжи еретиков - богомилов, влекущих в ад добронравный народ.

Я, смиренный раб Божий, призываю христианский, люд зовом апостольским: «Духа не угошайте»¹¹ и своим негромким голосом хочу поведать о том, как это сделать. Моя книга должна стать добрым собеседником для всех, кто ищет тропу надежды на путях страданий.

На бедного заблудшего странника следует смотреть с состраданием, а не с презрением и по возможности ему помогать».

Примечания к главе 25

1. Чёрные херувимы-ангелы ада, составляющие ближайшее окружение сатаны.
2. Аноним-автор сочинения, скрывший своё имя. Логографами называли первых греческих писателей и историков, писавших на исторические, философские и нраво-учительные темы прозой в отличие от тех, кто писал на эти же темы стихами. Первым логографом считается Кадм из Милета (6 в. до н.э.), автор труда «Об основании Милета и всей Ионии».
3. Энтинома (греч.)-извлечение из сочинения, длинная цитата.
4. Декреталии-послания римских пап частного характера.
5. Моти ргоргио-послания, написанные по личной инициативе папы и касающиеся внутрицерковных проблем или вопросов церковного управления.
6. Епископ римский-в соответствии с древней традицией важнейший титул папы римского. Второй, идущий от средних веков, наместник (викарий) Иисуса Христа. Есть и другие.
7. Апофтегма (греч.)-изречение.
8. Слова апостола Петра. Деяния, 3:6
9. Аскетирий (греч.)-монастырь. В Космидийском монастыре в Константинополе, занимавшем обширную площадь на берегу бухты Золотой Рог, находился храм Святых Бессребренников. В нём похоронены некоторые византийские императоры.
10. Василий 2 Болгаробойца (976-1025 г.г.)-император Византии, известный своими походами против болгар, значительная часть которых была еретиками-богомилами, которых греки называли эвхитами.
11. Послание Фессалоникийцам, 5:19

ГЛАВА 26 ПОУЧЕНИЯ АНОНИМА

Горящий костёр дабы не угаснуть нуждается в хворосте. Так же и огню духовному нужна поддержка. Ею является чтение, размышление, молитва и принуждение себя ко всякому труду, ибо сонливому духу и ленивому телу не будет радости ни в той, ни в этой жизни.

Знай. Не обретается Царство Божие едой, питьём, сном, играми да забавами.

Напротив, только преодолевая препятствия, найдёшь ты его в своей душе. Знай. Когда начнёшь свою душу выправлять для Бога, то все вокруг тебя превратятся в твоих противников. Среди них окажутся твои друзья, с которыми ты веселился на пирах, праздниках и всяческих игрищах, а ныне, думая о Господе и спасении души, отказываешься. Плоть твоя с тоской вспоминающая обильные угощения и женский дурман – тоже твой недруг. Самый же злой твой враг есть сатана – Люцифер, только и ждущий предлога для обращения тебя в своего вечного раба.

Знай. Душу человека можно уподобить цветущему саду, а его самого садовнику.

Что будет с яблонями, если он не будет следить за ними, оберегая от вредоносных сорняков и насекомых? Он зачахнет. Так и душа требует

ухода и труда, а труд самопринуждения. Тело человека создано из праха, принадлежит земле и влечётся к ней. Дух его, произошедший от дуновения Божия, принадлежит миру невидимому и влечётся к Богу. Любовь к Нему вложена в человека, а вместе с ней стремление к истине, поиски прекрасного и желание счастья. Эти благодатные качества присущи человеку с момента его сотворения. Он должен ходить перед своим Создателем не как раб подневольный, а как бессмертный и свободный сын, любящий Отца своего и сам любимый Им. Так оно было в раю. Но человек, поддавшись плотскому желанию, внушённому дьяволом, принявшим вид змея - искушителя, встал на путь греха, который помрачил и исказил в нём образ Божий.

Ум человеческий, получивший свет и тепло от Бога, как от солнца вечных истин, отвернулся от Творца и стало в нём тёмно, а душе - холодно. Предоставленная самой себе душа наша становится опасной как бунт простонародья, таинственной как заговор вельмож и любопытной как женщина. Непослушание Богу свело бессмертных Адама и Еву, проводящих свои дни среди божественной красоты земного рая в сумеречные долины смертного бытия. Скорби и болезни, смерть духовная и смерть телесная тоже следствие измены своему Создателю.

Спасти падшего возможно лишь Творцу. И вот Он облачается во всю природу Адама, делается безгрешным человеком и всю вину рода людского возлагает на Себя и несёт за неё смертное наказание. Ныне нет на человеке греха вечного и смертного.

Для восстановления в себе божественного образа и подобия даруются человеку и необходимые силы. Однако человек по собственной воле отпавший от Бога, должен так же по доброй воле и вернуться к нему. Добровольно стал рабом греха, добровольно должен и восстать на грех и одолеть его при помощи Святого-Духа.

Что более всего бережёт человек? То, что ему всего нужнее и дороже. А что нужнее для человека? Душа. О чём человек должен более всего заботиться?

О спасении души. А на деле как бывает? Совсем не так.

Человек менее всего думает о душе своей. Вот о теле он заботиться хорошо. Питает, греет и украшает его. Про душу чаще всего даже не вспоминает. Вот она, неприкаянная и забытая, голодная и холодная ходит в сшитой для неё дьяволом безобразной одежде пороков и страстей. Если бы меня, до прихода в этот мир, спросили бы кем бы я хотел стать, я бы сказал, что менее всего я бы желал быть душой человеческой, потому что покинута она своим хозяином и забыта им ради плотских радостей. Душе нужно знание, нужна истина, а мы, питая её ложью и обманом, оставляем в невежестве. Ей нужна любовь, а мы подносим ей ненависть, вражду и озлобление. Душе нужно, чтобы поступали по закону, вложенному в неё Богом, а мы попираем Господнии заповеди. Душа произошла от Бога и стремиться к Нему, как дитя к своей матери, а мы препятствуем Ему войти к ней. Оттого и тревожно душе в сытом

теле и жалуется она Богу: «Изведи меня из этой темницы недугов, чтобы могла я исповедаться и помоги мне уйти туда, где мне будет светло и тепло.»

Что же нужно делать человеку, что бы успокоить свою бессмертную, но болезненную душу? Вот первое, о чём надлежит всегда помнить.

Знай. Душе нашей нужна, также как и телу, пища и одежда.

Пища для души - Слово Господне, молитва и благодать, подаваемая в святых таинствах. Одежда - благие нравы, терпение, смирение, милосердие, любовь и исполнение всех заповедей, данных нам Господом в Нагорной проповеди¹.

Знай. Прежде чем начать питать душу доброй пищей, нужно перестать питать её дурной. Прежде чем одеть её в хорошую одежду, нужно снять с неё срамную, ту, в которую мы её облекли.

Знай. Дурные мысли, греховные желания и похотливые речи - вредная пища для души. А срамная одежда - это дурная привычка лгать и обманывать, чревоугодие

пристрастие к вину, разврат и гордыня.

Видел ли ты, как смердящий труп гложут псы, клюют вороны, облепляют черви и разного рода гнус? Подобное происходит и с душой беспечного человека. Она облеплена нравственными мерзостями: завистью, гордостью, богохульством, прелюбодеянием, любострастием, коварством, злобой, корыстолюбием, воровством, убийствами и бесстыдством.

Вот от этого гнуса и нужно сначала освободить свою душу, а затем начать её питать доброй пищей и одевать в красивое платье. Ими являются чистые мысли, благочестивые размышления, благие пожелания, скромные речи, чтение душеполезных книг, искреннее покаяние и исповедание грехов. И так, будем более всего заботиться о спасении души. Она у нас одна. Если погубим её, другой не будет. Позаботимся о душе более, чем о теле. Языческий мудрец Сенека справедливо говорил, что, то, что для всего мира - Бог, для человека - душа. То, что для всего мира материя, для человека - тело. Пусть менее совершенное служит высшему.

Каков же должен быть первый шаг к спасению души? Пусть им будет мысль о своей греховности и покаяние. Затем нужно начинать борьбу со своими пороками

и страстями. Помощниками в этом многотрудном деле будут правильные мысли и слова и преходящие вослед за ними бодрое расположение духа и добронравное поведение.

Знай. Мирянин, живущий по желаниям плоти, должен уметь, время от времени от них отвращаться. В этом - исцеление для души.

Знай. Человеку, отвергающему посещение храмов и пытающемуся внести изменения в принятое церковью толкование Священного Писания, не верь, ибо, предупреждает апостол, будут лжеучителя, которые введут пагубные ереси и, поверившие им, злословя то чего не понимают, в растление своём истребятся.²

Знай. Любое насилие - следствие испорченности человека. Оно достойно

презрения,но неизбежно,ибо люди забывшие заветы Иисуса сами сеют и пожинают зло.

Знай. Тому, кто принадлежит Господу,принадлежит и Сам Господь

Знай. Тот, кто нравится толпе,почти всегда вносит в неё смуту.

Знай. Церкви нужно жертвовать и жертвовать щедро,ибо она существует в миру,где всё что -нибудь да стоит.Свою цену имеет строительство соборов, монастырей, церквей и часовен. Есть она и у других богоугодных дел. Так что не скупись,если Бог наделил тебя богатством, а если ты беден,то давай на нужды церкви столько,сколько тебе не в тягость. При этом помни,что единственные жертвы, которые Господь жаждет принять от тебя есть чистая совесть,смирение духа и любовь к ближнему.Ему угодно,что бы люди вспоминали Его установления и заповеди для их же блага. Но они делают это весьма редко. Религиозное рвение начинается тогда, когда их настигают беды и несчастья. Не будь похож на двуличных лицемеров.

Как окна дома летом,держи своё сердце открытым настежь для Господа и не открывай свою душу тому,к кому она не лежит.Если ты научишься в своих мыслях беседовать со Спасителем, то станешь воистину свободным и счастливым, ибо тогда душа твоя,обретя силу от Божьего присутствия в ней,снимет с себя, придавившую её ненасытную тяжесть плоти.

Я, грешный, коему милостливый Господь позволил однажды вкусить целебной силы Его благодати,восхотел помочь своим братьям - христианам найти верную дорогу к познанию собственной души,дабы она цвела и еретическое коварство не могло её погубить.

Не мне судить о том,что из этого получилось, но, видит Бог,я отдал этому все свои силы.

ЧЕТЫРЕ СТУПЕНИ В НЕБЕСА

Степень1. Семена души.

Сатана и его демоны ведут в разуме каждого человека нескончаемую войну.

Они заполняют его злыми мыслями и пустыми мечтаниями, уводящими с пути добродетели. Бог есть добро,а дьявол - зло. Мысли Бога прекрасны и живительны, а мысли дьявола -пагубны и отвратительны. Дьявол хочет, чтобы человек в мыслях своих был похож на него, дабы он погубил себя под их гнётом.

Но человек, Божье создание, не должен идти на поводу у нечистого.Он должен следовать мудрости Библии, где сказано,что уклонение от зла есть путь праведных.³

Мысли человека подобны семенам, а пожинаем мы только то, что сеем⁴, учит нас апостол Павел.Плотские размышления ведут нас к смерти, а духовные дают жизнь и мир⁵. Если мысленно срезать розу в саду, однажды её стебель окажется высохшим. Попробуй.И ты убедишься в справедливости моих слов.

Степень2. Древо жизни.

Слова-это оружие, которое можно использовать во благо и во зло.Слова, произносимые тобой, имеют огромную силу.Поэтому проси всегда Святого Духа помогать тебе держать свой язык в подчинении,ибо сказано«кроткий язык-древо жизни, а необузданный сокрушение духа.»⁶ Слово и дело суть одно и тоже. Молитва действует,если она правильно произнесена. Следи за этим,ибо дьявол собирает в мешок недоговорённые и неверно произнесённые слова молитвы и в смертный час обвинит тебя в нерадивости перед Господом.

*****

Ступень 3. Уверенность в невидимом

Наше настроение чаще всего неустойчиво, ибо человеческая природа вообще изменчива, особенно если для изменений есть серьёзные внешние причины.

Не менее разительно меняют настроение и причины внутренние.

Поэтому настроению - верному слуге бездомно- блуждающих мыслей- верить нельзя. Если ты привык ему доверять, то тебе не избежать бед и опасностей.

Принимая важные решения руководсвуйся наставлениями Святого Духа, ибо в них заключена вечная мудрость божественного разума.

« Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом ⁷».

Дабы устоять под напором демонов - злых ангелов сатаны и сохранить свою душу, поучает нас апостол, надобно отложить гнев, ярость,злоречие и сквернословие⁸ и облечься в доспехи добродетели,выкованные Словом Божиим.

Но прежде чем ты опояшешься мечом высокого духа и вступишь в борьбу с тёмными силами зла, ты должен ещё приобрести ещё и некоторую сумму необходимых сведений о великой нашей христианской вере.

*****

Ступень 4 Радость надежды

Надежда сильнее сомнений. Всегда пребывай в полной уверенности в том, что Господь никогда не оставит в горе и печали истинно верующего в Него. По слову Бога,свидетельствует пророк Иезикииль, даже мёртвые кости ожили и составили сильное войско⁹.Когда ты полон надеждой, ты радостен.

Не об этом ли пел царь Давид:« Что ты плачешь,душа моя и что смущаешься! Надейся на Бога и терпелво ожидай Его,ибо я ещё буду славить Его»¹⁰.

Дьявол ненавидит освящённые сердца и боится светлой радости, ибо в ней, лучезарно исходящей от веры во Спасителя, сокрыта сила человеческая. Вот поэтому я,смиранный инок Космидийского монастыря, по малой своей возможности хочу воздать хвалу Господу нашему Иисусу Христу и пытаюсь научить каждого, открывшего эту книгу, жить под сенью Божьей благодати.

СЕМЬ ЗАКЛИНАНИЙ ЧИСТОЙ ВОДЫ

Возьми семь тонких хорошо выструганных дощечек. На гладкой поверхности каждой из них напиши синей краской нижеследующее.

Дощечка 1

Господь изливает на меня благодать свою. Я полон любви и добра. Мой дух необорим .

Дощечка 2

Вера моя неугасима. Я трудолюбив и невозмутим. Господь ведёт меня к преуспеянию во всех моих делах.

Дощечка 3

Божественный покой царит в моей душе. Никакие козни дьявола меня не пугают. Дух Господень делает меня бесстрашным.

Дощечка 4

Я господин своим мыслям и чувствам. Пороки, сотворённые дьяволом, не касаются моей души. Только Господь руководит моими мыслями и чувствами.

Дощечка 5

Господь хочет наградить меня. Я усерден в трудах , исполнять которые мне указывает Дух Святой. Господь поможет мне одолеть все препятствия, воздвигаемые демонами и людьми и достичь тех целей, которые стоят перед моим внутренним взором.

Дощечка 6

Господь дал мне добрую власть над окружающими. Я наполнен могуществом добра и любви. Никто из людей, пытающихся склонить меня ко злу и пороку, не сможет этого сделать.

Дощечка 7

Господь дал мне счастье жить в мире и согласии с повелевающимися и подчиняющимися, богатыми и бедными. В моём доме царит благополучие. Удача сопутствует мне во всех моих делах. Я всегда здоров, радостен и иду, с помощью Господа путём добра и любви.

Каждый вечер, перед отходом ко сну, уединись. Тебя должна окружать полнейшая тишина. На стол перед собой поставь чашу с чистой водой и, рядом с ней, положи одну табличку, На дно чаши положи освящённый в церкви крест, сядь и, изгнав из своей головы все мысли, смотри на него в спокойствии сердца сквозь воду.

Затем прочти то, что ты написал на табличке. Продумывай каждое слово, представляя себе как с голубого неба опускается на тебя легкое покрывало дуновения Святого Духа. Семь раз повтори слова написанные на дощечке и каждый раз становись под дождь Господень. От этого на душе у тебя станет легко и радостно. Затем выпей воду из чаши и, умиротворенный, засыпай.

На каждый вечер-одна дощечка. Через три седмицы ты начнёшь внимать Святому Духу и, если сам не прекратишь свои беседы с ним, Он не

оставит тебя до глубокой старости,а после окончания твоих земных дней,доведёт твою душу до ворот рая, где апостол Пётр, ласково улыбаясь, распахнёт их перед ней, ибо имя твоё будет записано на стене, окружающую обитель праведников¹.

*****

На этом месте я прерву изложение нравственных наставлений византийского монаха и вернусь к дальнейшему повествованию о ходе альбигойской войны.

Я снова возвращаюсь к её началу и сообщу прежде о том, что вызвало те или иные события. Многие думают, что Лангедок был опустошён крестоносцами в погоне за добычей, но, я скажу, что дом обязательно рухнет, если размыт фундамент. Беспечные южане были скорее детьми языческого бога Мома², чем христианами.

Они весело воспевали свои грехи вместо того, чтобы их горько оплакивать.

Очарованные величественным благочестием «совершенных», подданные графа Раймунда, не сумели распознать в кружащих голову речах еретиков дьявольские козни и, потеряв истинную веру, подняли руку на мать нашу римско - католическую церковь.

Суровое возмездие не заставило себя долго ждать. Поразмысли над этим, мой досточтимый читатель, и, следуя поучениям константинопольского Логографа, возмись за укрепление собственной души.

Пусть твои добрые мысли предшествуют добрым словам, а они - добрым делам. Тех, кто забыл дорогу к храму, блаженный Августин называл шайкой окаянных. Не становись одним из них, ибо их участь достойна жалости.

Примечания к главе 26

1. Нагорная проповедь - проповедь, произнесённая Иисусом Христом апостолам. В ней изложены нравственные заповеди христианства. (Еванг. от Матфея, гл. 5-7; от Луки, гл. 6).
2. 2-ое послание Петра, 2:1:12
3. притчи, 16:17
4. Галатам, 6:7
5. Римлянам, 8:6
6. Притчи, 15:4
7. К евреям, 11:1
8. К колосянам, 3:8
9. Книга пророка Иезекииля, 37:4:10
10. Псалом, 41:6

ГЛАВА 27. НАЧАЛО ВОЙНЫ

Мне неведомо почему люди, испокон веков мирно живущие рядом, вдруг начинают со злобой и яростью истреблять друг друга. Не иначе как сам сатана заставляет каменеть их сердца, изгоняя оттуда доброту и сострадание. Даже искренним католикам, всем сердцем преданным престолу святого Петра, сатане удаётся запутывать мысли так, что они по собственной воле идут к неминуемой гибели.

Так случилось с королём Арагона, благородным доном Педро. Не меркнувшей славой покрыв он себя в жестоких битвах с потомками Измаила¹, а пал от руки единоверца. Об обстоятельствах его гибели я подробно расскажу в другом месте. Сейчас же лишь упомяну о её причинах. Их было несколько, но лишь одна из них — защита еретиков — оказалась роковой.

Дон Педро, не испытывавший к альбигойцам ни малейшей симпатии, вдруг неожиданно встал на их сторону и восстал на крестоносцев.

Речи «совершенных», которые он часто слышал в Тулузе и Монпелье, не в пример графу Раймунду, имевшему привычку их расспрашивать, не производили на него никакого впечатления и, храня молчание, он не проявлял никакого любопытства. Проповеди альбигойских епископов он называл болотными пузырями, а их самих пустейшим племенем. Тем не менее он оказывал им сильную поддержку. Поводы для этого у короля были

весьма веские.

Один из них — политический. Арагон граничит с Лангедоком. В случае победы Монфора над дружественным ему графом Раймундом, бывшим к тому же дону Педро свояком, он получал себе в соседи сильного и воинственного графа Симона, коего он смертельно ненавидел. Так что в успехе крестоносцев арагонский король был совсем не заинтересован.

О другом же поводе, лично для него не менее важном, дон Педро никогда не говорил, но тайной он не был. Король, не любивший свою жену Марию, был страстно увлечён прекрасной Анной Луизой, племянницей графа де Фуа, и она отвечала ему нежной взаимностью. Графиня была еретичкой. Несмотря на увещевания легата Арнольда оставить ересь и вернуться в лоно католичества, Изабелла от альбигойства не отказалась. Тогда, по его указанию, отряды Монфора отняли у неё два замка. Графиня пожаловалась своему царственному поклоннику и он дал ей слово вернуть утраченное. Дон Педро полагал, что граф Симон де Монфор не посмеет отказать королю в его вежливой просьбе, составленной по всем правилам рыцарского этикета. Но он ошибся.

Монфор не отказал знаменитому королю. Он ему не ответил.

Дон Педро, оскорблённый до глубины души, поклялся отомстить Монфору чего бы это ему не стоило. Через своих посланцев он сообщил закоренелым еретикам виконту Безье Роже и графу Раймунду де Фуа, что он поднимает свой меч против крестоносцев. Зная, что им на помощь придут арагонские рыцари во главе с могучим королём, придут, виконт и граф, а вместе с ними и их многочисленные вассалы, воспрянули духом и взяли за оружие. Вскоре на донжонах² почти всех замков, захваченных крестоносцами, вместо знамён с гербами Монфора развивались красно-жёлтые стяги катаров.³

Племянник безьерского виконта Пьер Роже разбил Бурхарда де Марли, близкого друга и верного соратника графа Симона и, заковав его в цепи, посадил в кишашее крысами холодное подземелье. Жерар де Пепье, верой и правдой служивший крестоносцам, оказался гнусным предателем.

Посланный за фуражём,он обманом захватил замок, названия которого я сейчас уже не помню, но зверства которые совершил там этот тайный альбигоец мне не забыть никогда.

Он отрезал несчастным католикам уши, носы и губы, выколол глаза, вырвал языки и в сопровождении поводырей,которым отсекали кисти обеих рук,отправил их в Каркассон донага раздетыми.Был среди них и брат тулузского епископа Фулькета Бернар д,Отуаз. Пятьдесят католических рыцарей,отказавшихся плюнуть на святое распятие,было утоплено во рву замка.Их оруженосцам размозжили головы кузнечными молотами. Простых латников вешали без разбора.Боевая удача окрылила еретиков и они решились на внезапный штурм каркассонского лагеря.

Крестоносцы не ожидавшие атаки,были застигнуты врасплох и погибли все, не успевши взяться за оружие.Граф Симон и его рыцари, прискакавшие туда через день после ночной резни,увидели своры бродячих собак с окровавленными мордами, полуобглоданные трупы и стаи воронов, кружащихся над ними.С этого злосчастного дня участь пленных еретиков была столь страшной,что для её описания я не нахожу нужных слов.

Среди катаров тоже было немало палачей, знающих толк в этом дьявольском ремесле. Поэтому крестоносцы, раненые на поле боя, пытались покончить с собой лишь бы не оказаться в их руках. Воистину прав блаженный Августин,сказавший, что тот, кто может думать о войне и переносить её без глубокой скорби,тот навсегда потерял всякое человеческое чувство.

Смерть брата лишила Фулькета сна и покоя. Души замученных католиков,ведомые его братом Бернаром,являлись к нему по ночам и,стенав, зывали к отмщению.

И Фулькет стал его орудием.Забыв о своём сани,он облачился в доспехи и с верными ему людьми ночью напал на безмятежно спавших в своих домах еретиков.Среди жителей Тулузы их было большинство.Сотни лет, они жили в столице Лангедока не скрывая своей веры и никого не опасаясь.И вот впервые на них обрушилась ярость католического гнева.

Альбигойцев резали как скот и не было пощады ни старикам,ни женщинам,ни детям . Улицы и площади Тулузы были залиты кровью и завалены трупами . От полного истребления еретиков спасли два десятка рыцарей и сотня копейщиков барона Годри де Пейрака.

Он по своим делам направлялся из Монтобана⁴ в Мас д,Азиль⁵и остановился на ночлег в предместье Тулузы.Епископ Фулькет не смог одолеть барона Годри. В поединке с ним на площади Сент-Этьенн,у Мьежвиля⁶,епископ на куски разрубил ему щит,но барон выбил у него меч и Фулькет,в знак признания своего поражения, поднял правую руку. Де Пейрак, принимавший у себя в замке «совершенных» и никогда не ходивший в церковь, убийцей священника становиться не захотел.Он отдал свой меч оруженосцу и снял шлем.

Кровопролитие в Тулузе утихло,но в других местах Лангедока оно

продолжалось .

Монфор удалось взять Минерву, неприступный замок в самом центре Чёрных гор, дорогу к которому знали лишь несколько сервов, живших в лесной чаще, у подножия высоких скал. Они, испугавшись пыток и за шесть серебряных монет, провели воинов графа Симона к стенам неприступной крепости и Монфор оказался первым, кому удалось её захватить. Теперь для того, чтобы привести к покорности весь Лангедок, надо было взять замок Терм, повисший, как орлиное гнездо, на уступе высоких скал. От северных границ Нарбонна до самых Пиренеев ему не было равных. Его стены, на которых отчаянные смельчаки устраивали скачки, возвышались одна над другой. Хозяином замка был барон Раймунд, еретик в третьем поколении, всей душой преданный «совершенным» и ненавидящий крестоносцев лютой ненавистью.

К Терму подошли, славившиеся своей доблестью, бретонцы под командованием епископа Филиппа Бовэ, знаменитого тем, что на турнире в Пуатье, он, не меняя копья, раз за разом, выбил из седел всех своих противников. Под стать ему были епископ Шартрский и архидьякон Парижский Гийом, искусный плотник, выстроивший огромную катапульту. Эта машина принесла большой вред осаждённым и защитники замка решили её уничтожить.

В предрассветный час они напали на спящую стражу и почти всех перебили.

Но катапульты осталась цела. Единственный из оставшихся в живых рыцарь из Тарба по имени д.Артаньян до восхода солнца отчаянно рубился с еретиками так, что в замок вернулось лишь трое нападавших. Да и те еле держались на ногах .

Осаде было не видно конца. Уныние поселилось в сердцах крестоносцев и многие рыцари, по истечению срока службы⁷, собрались покинуть лагерь. Не мало было и тех, кто предлагал заключить перемирие. Но Господь не дал уйти от возмездия термским еретикам, умертвивших столько католиков.

У них кончилась вода и гордый барон сдался, поставив свою подпись на грамоте, подтверждающей его поражение. Но не успели на ней высохнуть чернила, как разверзлись небеса и хлынул ливень. Он в мгновение ока заполнил все бочки и колодцы, стоявшие открытыми. И барон отказался от сдачи замка . Однако дождь ему не помог.

Дождевая вода оказалась ядовитой. Все, пившие её умерли в муках, корчась от боли в животе. Защищать Терм стало некому и барон с десятком своих вассалов и несколькими слугами по подземному ходу ушёл из замка. Когда же старый рыцарь был уже в безопасном месте, на расстоянии целой лиги от своей крепости, он вдруг вспомнил, что забыл снять со стены своей спальни меч его деда, подаренный ему кастильским королём доном Санчо, восхищённым мужеством барона Терма, проявленным им в боях у стен Таруэля⁸. Барон вернулся в замок, забрал меч, но на обратном пути попал в

засаду. Копьём он был ранен в бедро, а ударом секиры ему раскололи шит. Но и после этого он насмерть поразил Анри де Комисса и Армана де Сузи.

Его пленили, когда он, обливаясь кровью, рухнул на тела убитых им крестоносцев, сжимая рукоять дедовского меча, с которым он не захотел расставаться даже ценой собственной жизни.

После падения Терма сопротивляться армии Монфора больше не имело смысла и все окрестные замки сдались на милость победителя.

Крестоносцы торжествовали.

Я тоже с радостью думал о том, что война во имя спасения матери нашей римско-католической церкви закончена и я, в скором времени, вернусь к своим мирным обязанностям дефензора. Но, как оказалось, радовался я преждевременно. Война ещё только начиналась.

Примечания к главе 27

1. Потомками Измаила в средние века называли мусульман.
2. Донжон-главная башня средневекового замка.
3. Флаги катаров представляли из себя прямоугольные полотнища размером 1м х 2м с вертикальными чередующимися желтыми и красными полосами.
4. Монтобан-город в Лангедоке.
5. Мас д'Азиль —этот замок сохранился до наших дней и ныне охраняется государством как археологический памятник.
6. Мьежвилем в 13 веке назывался южный портал собора Сен-Сернен в Тулузе.
7. Срок военной службы вассалов своему сюзерену равнялся 40 дням.
8. Таруэль-испанский город, освобожденный от власти арабов в 1171 году.

ГЛ

ГЛАВА 28 ЕРЕТИКИ ЛАВОРА

Иногда Господь, дабы укрепить дух верующего в Него и посрамить тех, кто живёт, забыв о Нём, даёт нам понять, что всё в этом мире совершается по Его предначертанию. Поэтому, когда ожидается блистательная победа, происходят позорные поражения, неожиданные, как гром среди ясного неба. И, наоборот, нечаянное спасение приходит тогда, когда гаснет искра последней надежды и, кажется, что сама смерть стоит на пороге.

Воздаяние Господа за дела наши есть справедливость Его. Оно - утешение для истинно верующих и предупреждение тем, чья совесть и страх перед Спасителем спят непробудным сном.

К таким заблудшим душам можно причислить и графа Раймунда.

Вера его была не твёрдой и зависела от настроения, в котором он пребывал. Если оно было плохим, то он дышал гневом против благочестия, а свита его поносила католический клир, изрыгая из своей безбожной пасти постыдную брань.

Папа Иннокентий, полагая, что тулузский граф внемлет его словам и примерно накажет своих подданных, впавших в ересь, поначалу благоволил ему, но затем, видя, что Раймунд - католик только на словах, прямо

заявил ему в своём послании, что Лангедок перейдет под руку того, кто излечит его от альбигойской заразы, распространившейся до самого Рима. Прелаты Лангедока и Прованса на соборе в Арле назвали графа Раймунда еретиком и подписали составленное аббатом Арнольдом письмо папе, где владетель Тулузы назывался носящим христианское имя вероотступником, душа которого враждебна церкви, мысли богопротивны, а речи злонамеренны. Его святейшество поддержал своих епископов и Раймунд был отлучен от церкви. Кроме того, графу был предъявлен унижительный ультиматум. Все его вассалы лишались права жить в укрепленных замках, носить оружие и ездить верхом на лошадях. Одна шпора, черная одежда и осёл без седла-таковы были отличия, устанавливаемые отныне для лангедокского рыцарства. Горожане облагались непомерными штрафами. Им запрещалось пользоваться услугами публичных женщин и гулять на постоянных дворах более одного раза в неделю. Сам же граф должен был, распустив свои войска, простым рыцарем отправиться воевать в Святую Землю или в далёкие холодные страны, где в дремучих лесах сражаются с дикими племенами язычников ревнители веры тевтоны.

Это покаяние должно было продолжаться до тех пор, пока господин папа не вернёт ему его страну.

Ультиматум граф получил в соборе, после вечерней мессы. Этой же ночью, оставив его неподписанным, он, вместе с королём Арагона доном Педро, тоже получившему римское оскорбление, тайно бежал из Арля. Ничего позорного в этом не было. Любой рыцарь, на щите которого есть герб и девиз, лишённый возможности сопротивляться, поступил бы также. В Тулузу, к графу Раймунду, желая помочь своему сюзерену в час испытаний, начали съезжаться верные ему вассалы.

Столица Лангедока гудела как растревоженный улей. Горожане спешно вооружались. Пытаясь сбить накал бушующих страстей, епископ Фулькет попробовал утихомирить не на шутку разошедшихся тулузцев, но был едва не растерзан рассвирепевшей толпой.

С него сорвали митру, и, отобрав посох¹, сломали его о его спину. Фулькет, сняв отлучение с городов и селений своего диоцеза², спешно покинул еретический город и уехал искать помощь для борьбы со своими прихожанами. И он её нашёл.

Могучие воители Энгерран де Куси, Робер де Куртене, Алан де Руси, Леопольд Австрийский и многие другие рыцари, менее известные, но ни в чём не уступающие им, приняли крест и повели свои войска на Лангедок.

Владельцы замков Тулузского графства, хотя и жалели своего графа, но помочь ему ничем не могли. Противостоять многочисленной армии у них не было сил и они начали сдаваться без боя.

Племянник безьерского виконта Раймунд, тот самый, что держал в мрачном подземелье замка Кабарет друга Монфора Бурхарда де Марли, отпустил его с извинениями и дорогими подарками. А когда к замку

подошёл сам граф Симон,он опустил подъёмный мост и открыл ворота.

Примеру сеньора Роже последовали все окрестные бароны. Только хозяйка Лавора, баронесса Жиро, всем сердцем преданная «совершенным», не пала духом однажды утром увидевшая знамена крестоносцев, развевающиеся на катапультах,расставленных вокруг стен её замка. Она надеялась на мощь лаворских бастионов и храбрость сотни рыцарей во главе с Амори Монреальским и сенешалем 3 Тулузы Раймундом де Ренальдом,а также чудодейственные заклатья «совершенных».

В могущество альбигойских тельхинов⁴ я не верил,но был совершенно убежден в том, что силами, имеющимися у баронессы, удержать замок было нельзя. Но можно было избежать страшной участи, на которую она обрекла себя и защитников Лавора.

Рыцарям - крестоносцам победа над женщиной воинской славы не прибавляла. Поэтому они готовы были удовлетвориться контрибуцией и примерным наказанием не раскаявшихся «совершенных».

И только дьявольская жестокость осажденных,превратившая их в настоящих людоедов,во множестве встречавшихся здесь во времена Рауля Глаубера⁵, сделала из католических воинов беспощадных палачей.

Альбигойцы меткими выстрелами из катапульты сбили несколько знамён с осадных башен крестоносцев и,попав камнями в большое распятие Христа,отбили ему обе руки.Это их сильно воодушевило и они, намереваясь уничтожить огромный каменёт, решились на вылазку. Стража вовремя заметила в вражеский отряд и подняла тревогу . Нападавших встретила ошетилившаяся копьями шеренга крестоносцев . Завязался жаркий бой. Два саксонских рыцаря, Генрих фон Регеринг и Зигфрид фон Дерлинберг, рубились насмерть. Из полученных ими ран струилась кровь и серая сталь доспехов их панцирей стала ярко - красной.Десяток катарских воинов лежало вокруг них. Альбигойцы, опасаясь смертоносных ударов длинных мечей германцев, расступились,пропуская вперёд арбалетчиков. Поражённые короткими стрелами храбрецы упали навзничь и оказались руках лаворцев. На стенах замка их тела, в которых ещё теплилась жизнь, были разрублены на куски и сброшены в низ.

«Накормите своих псов,-кричали альбигойцы,-наших рвёт от католического мяса».

Раненого Рауля д,Амора,тоже попавшего в плен,еретики ржавыми гвоздями прибили к деревянному кресту, который, опираясь на железное древко катарского знамени, стоял на нижней стене замка.

Рядом с ним,в огромном железном ящике без верха,заполненным горючей паклей, маслом и сухим хворостом, был разведён костёр, в который были брошены связанные по рукам и ногам трое оруженосцев.

Острыми иглами ужаса пронзали наши сердца их крики, а в душах, подобно раскалённой лаве в жерле вулкана, клочкотала жгучая ненависть, породившая тысячи мстителей.

Граф Симон стоял на коленях перед вонзённым в землю мечом и, горько плача, молился за своих воинов, принявших адские муки. Встав с

колен, он взял лезвие меча двумя руками и вырвал его из земли. Подняв крестообразную рукоять над головой он, смотря на потрясающих копьями еретиков, стоящих на стенах, закричал так, словно раздался глас боевой трубы: «Гнев Господень падёт на головы этих проклятых слуг сатаны. Я никого не оставлю в живых! Да простится мне грех кровопролития во имя справедливого возмездия!».

В едином порыве крестоносцы пошли на штурм. Их ярость была необоримой. Лаворцы не продержались и часа. Первыми на стены замка ворвались нормандские и бретонские пехотинцы. Пощада была им неведома. Их тяжёлые палицы разбивали головы лаворцев и они, обезумев от страха, бросились бежать, ища спасения в паутине узких улиц. Но повсюду их ждала смерть.

Навстречу им, сомкнув щиты и выставив вперёд тяжелые копья, шли латники Монфора и, объятые жаждой мести, они убивали всех, кто оказывался у них на пути.

Резня продолжалась до утра, а с рассветом начались казни.

Сотня «совершенных», которым предварительно выбили все зубы и обрили все волосы на телеб, нашли свой конец на медленном огне огромного костра, сложенного из сырых дров. Столько же пленных рыцарей было повешено.

Саму баронессу сбросили в глубокий колодец и завалили камнями. Ещё два дня оттуда доносилось её пение «и свет во тьме светит и тьма не объяла его»⁷. Простых солдат и жителей замка отдали на растерзание нищим богомольцам, видевших смерть своих единоверцев на крепостных стенах. Будь у меня и сто языков, я бы всё равно не сумел бы правдиво рассказать о их мучениях.

Гнев Господень поразил еретиков Лавора в день позднего благовещения.⁸ Да постигнет он каждого богоотступника и да истребит Он навсегда злоречивое племя нечистивцев!

Примечания к главе 28

1. Посох епископа является символом его власти.
2. Диацез - в католической церкви территориальный округ, подчинённый власти епископа.
3. Сенешаль - глава сенешальства - судебного-административного округа в средневековой Франции
4. Тельхин (греч.) - одно из средневековых названий чародеев, знахарей и клдунов.
5. Рауль Глаубер - французский монах-историк конца 10-первой трети 11 в.в.
6. Всем обвиняемым с связях с нечистой силой перед казнью обязательно выбивались все зубы и сбрасывались все волосы на теле для того, чтобы лишить их возможности внятно шептать заклинания и прибегнуть к магической силе, скрытой в волосах. Нечётко произнесённые заклятья не доходят до Сатаны и силы не имеют.
7. От Иоанна, 1:5. Из всей Библии альбигойцы признавали 16 первых стихов Евангелия от Иоанна и некоторые фразы из посланий апостола Павла.
8. День позднего Благовещения - 8 сентября.

ГЛАВА 29 НА ПОЛЯХ КАСТЕЛЬНОДАРРИ,

Устрашённые жутким уроком, катары притаились. Но не надолго. Граф Жеральд Арманьяк устроил коварную западню для вышедших из Монтиньяка¹ швабских и лотарингских² крестоносцев. На ночь лег они остановились в замке Фон де Гом³, хозяин которого в тайне исповедовал альбигойство. После сытного ужина и хорошей попойки, устроенной радушным бароном, рыцари, не сомневаясь в своей безопасности, не выставили стражи и беззаботно спали в своих палатках и шатрах. Все они, до последнего человека, были вырезаны нападшими на них ночью альбигойскими воинами. Граф фон Эберсгейм и граф фон Мербург, отдыхавшие в отведённых им комнатах, были зарублены самим Арманьяком в своих постелях. Некоторых знатных крестоносцев заколол барон де Гом, ворвавшийся в их спальни в окружении вооружённого отряда своих слуг. Четыре тысячи защитников Христа нашли свою смерть в ту злосчастную ночь. Граф

Симон послал опытных лазутчиков выяснить все обстоятельства гибели шедших ему на помощь германцев. Через несколько дней они вернулись, привезя с собой трёх тулузцев, слуг графа Раймунда, захваченных ими в окрестностях Лавора. Поднятые на дыбу, они не стали запыраться и сразу же выложили все, что знали о намерениях своего господина и графов Комменжа, де Фуа и Арманьяка, готовивших восстание против Монфора. Мятежников поддерживал король Арагона благородный дон Педро, который должен был, по их условному знаку, вторгнуться в Лангедок, к тому времени почти полностью завоёванный крестоносцами. Граф Симон решил опередить заговорщиков и повёл свою армию на Тулузу.

.....
Узнав об этом, граф Раймунд впал в бешенство. Во время мессы в соборе Сен - Сернен⁴ он сорвал митру с головы епископа Фулькета. В ярости он топтал её ногами и грязно ругался. Пришедшие с ним графы Комменж и де Фуа поддерживали своего сюзерена и объявили всем присутствующим, что эта месса в Тулузе будет последней. Гнев знатных еретиков не испугал прелата.

«Qui fortiter emungit, elicit sanguinem»*-твёрдо сказал он, смотря графу Раймунду прямо в глаза. Не выдержав взгляда епископа, тулузский сеньор отвернулся и молча вышел из собора. Но вельможи Лангедока угрозы своих не прекратили и, не скрываясь, готовились к расправе. Опасаясь за свою жизнь, католики начали покидать родной город и под пение псалмов медленно пошли в лагерь крестоносцев. Не решившийся на открытое убийство епископа и не найдя выхода своему гневу, вспыльчивый Раймунд внезапно бросился на крестоносцев Монфора. В стремительной битве на берегу Лера граф был разгромлен и сам едва не попал в плен.

Монфор гнал его до стен Тулузы. Под широкими копытами неумолимых испанских лошадей, легко несущих на себе закованных в сталь всадников, гибли вилланы и виноградники. Видя открытые крепостные ворота, граф Симон хотел было на плечах Раймунда ворваться в предместье Тулузы и закрепиться там до подхода основных сил. Тогда дни еретической столицы были бы сочтены.

Спас город граф де Фуа. По его приказу катапульты и франдебулы⁵ без остановки метали огромные камни в нестройные ряды нападавших. Подоспевший из города отряд латников в скоротечной схватке взял вверх и отбросил от города изрядно уставших крестоносцев почти на половину лье. Удар де Фуа был столь быстр и силен, что Монфор, отступая, не смог забрать с собой своих раненых и все плененные католики нашли свою смерть в руках палачей. Монфор в долгу не остался. Он взял несколько окрестных замков и истребил там всё живое. Легат Арнольд захватил в Кассерибоколо сотни «совершенных». По своему обыкновению, они не оказали никакого сопротивления, от ереси не отреклись и с радостным пением взошли на костёр. Граф Бернар де Фуа поклялся отомстить аббату за его злодеяние и вместе с Раймундом Тулузским вторгся в земли, занятые крестоносцами. Городки и замки сдавались своим бывшим сеньорам без сопротивления, зная, что они их не обидят. Зато воинам католических гарнизонов рассчитывать было не на что и они умирали, сжимая рукояти мечей. Пленников же альбигойцы бросали в бушующее пламя костров, разведённых в специально вырытых для этого глубоких ямах, четвертовали, им рубили головы и вешали друг на друга на крепостных стенах, называя это гроздьями римского винограда. Особенно усердствовали свирепые баски Савари де Молеона⁷, многие из которых тайно исповедывали альбигойство. О страшных преступлениях пиренейских палачей мне рассказывал брат архиепископа Кантерберрийского Готье Лангтон, чудом избежавший гибели в катарском плену, но сверх всякой меры претерпевший жестокие

---

*Кто сморкается с усердием, тот досмаркается до крови (лат.)

побой и мерзкие издевательства от графа Раймунда.

Повсюду реяли флаги Тулузы и Фуа. Казалось Господь отвернулся от своих защитников. Всё изменилось после сражения на полях

Кастельнодарри⁸, где наш Спаситель даровал горстке своих рыцарей неслыханную победу над несметными полчищами альбигойцев.

Поначалу всё складывалось в пользу еретиков. Они рассеяли отряды Гюи де Монфора, брата графа Симона, а его самого тяжело ранили. Он наверняка бы погиб, если бы его не прикрыли своими щитами Франсиску д'Алвейда и Энрике ду Суареш, два португальских рыцаря, выдержавших яростный натиск тулузских ополченцев.

Сам Симон де Монфор, понимая, что ему с тремястами рыцарей не одолеть многие тысячи врагов, решил погибнуть на поле брани. Он отдал своему другу Франсуа, аббату монастыря Сан-Круа из Бордо, завещание, отстоял мессу, принял причастие и сел на коня.

Посмотрев в небо, граф, рукой уже одетой в железную перчатку, медленно перекрестился, опустил забрало и, наклонив копьё, пустил коня в галоп. Остальные рыцари, тоже осенив себя крестным знаменем,

устремились вслед за ним в свой последний бой. Но не смерть он принёс отважным крестоносцам, а славную победу, которую можно назвать чудом Господним.

Сначала альбигойская армия была отравлена ядом собственной жадности, а затем её поразило христианское оружие.

Еретики, опрокинув редкие ряды католиков, подумали, что они уже победители и, сбросав мечи и копья, кинулись грабить павших и добивать раненых. Альбигойцы не заметили, что справа на них надвигаются подошедшие на помощь крестоносцам сомкнутые шеренги панцирной пехоты графа Амори де Крюна⁹, а слева неудержимо как ураган, несется стальная лавина рыцарской кавалерии Симона де Монфора.

Предчувствуя поражение, Роже де Фуа бесстрашно бросился на атакующих. Немало известных своей храбростью крестоносцев пало в тот день от его руки, но мощь графа – еретика была в тот день бесполезной.

Он так и не смог вновь построить свои войска в боевые порядки.

Латники графа Крюна смяли занятых грабежом альбигойцев, а сокрушительный удар рыцарей Монфора превратил их в объятые ужасом стадо животных.

Обезумев от страха, они бежали по высокой зелёной траве и, обливаясь кровью, падали под копыта лошадей преследующих их крестоносцев.

Такого разгрома ещё не бывало. Десятикратное превосходство в численности ничем не помогло еретикам, а лишь преумножило славу Монфора.

Граф, спешившись в городских воротах, снял с себя доспехи и в одной длинной льняной рубахе, босым пошёл в церковь, где страстно молился за дарованную ему Господом победу.

На равнине Кастельнодарри мечом и секирой прославили имя Божье аббат Арнольд, епископ Тулузы Фулькет, архидьякон Парижский Гийом и многие другие священнослужители. Их отвагою на поле брани и усердием в устройении церковных дел в Лангедоке и Провансе была сохранена христианская вера и мать наша римско-католическая церковь вновь заняла там подобающее ей место.

Заслуги аббата Арнольда были по достоинству оценены святым престолом.

Его возвели в сан архиепископа Нарбона. Правда, сам аббат больше епископской митры хотел получить герцогскую диадему, но папа Иннокентий его желания не одобрил и не поддержал.

Тем временем война продолжалась. Не раз граф Симон был на волоске от смерти. Под Муассаком у него была убита лошадь и он, лежащий на земле получил удар боевым топором. Спас его крепкий панцирь и то, что воин, нанёсший его, держал топор в левой руке. В правом плече у него торчала стрела. Ударить графа во второй раз он не успел. Копьё барона Армана де Левуара¹⁰ пронзило его насквозь. Выронив топор и

судорожно пытаюсь вырвать копьё из груди, в которое он вцепился обеими руками, едва не убивший предводителя крестоносцев альбигоец, замертво упал на

Монфора. На его забрало изо рта еретика текла кровь и когда графу сняли шлем его лицо походило на багровую маску.

*****

Весь Лангедок, кроме его столицы, склонился перед силой крестоносцев. Непокорённым ещё оставался Монтобан. Его жители поклялись умереть, но не сдаваться ненавистному им Монфору и отрезали себе путь к спасению.

Во время одного ночного нападения на лагерь осаждавших город крестоносцев, им удалось захватить в плен Джованни Савелли, молодого племянника кардинала - настоятеля собора святых Иоанна и Павла Ценцио Савелли¹¹.

В Монтобане альбигойцы отрубили ему голову, вырезали сердце и отправили их его дяде, в Рим, в грязном мешке, вымазанном нечистотами.

Узнав об этом, Монфор поклялся на распятии покарать убийц и немедля выступил в поход.

На его пути стоял обширный и крепкий город Мюре. Сопротивление он оказал слабое и был взят в два дня. Разрушений при штурме почти не

было и поэтому граф Симон сделал его на время войны своим постоянным местопребыванием. Столицей Лангедока был объявлен Каркассон, а Тулузу должна была постигнуть участь Карфагена¹².

Только тогда граф Раймунд понял, что Монфор, вместе с еретиками, решил уничтожить его и его семью. Потому что только в случае гибели всей династии де Сен-Жиллей, могли осуществиться честолюбивые планы графа Симона де Монфора стать законным государем Тулузского графства и всего французского Юга.

Ошеломленный своей догадкой и уверенный в том, что в одиночку ему войны с Монфором не выдержать, он направился в Сарагосу за помощью к королю Арагона благородному дону Педро.

Примечания к главе 29

1.Монтиньяк-город в герцогстве Гиень

2.Швабия и Лотарингия-германские герцогства

3.Фон-де-Гом-замок недалеко от Монтиньяка.Сохранился до наших дней и охраняется государством как историческая достопримечательность.

4.Сен-Сернен-собор в Тулузе.Построен в период с 1096по1221 год.

5.Франдебулы-вид метательных машин.

6.Кассери- замок в Лангедоке.

7.Савари де Малеон-английский вассал графа Раймунда.Предводитель отряда басков,живших в Пиренейских горах.

8.Кастельнодарри-город в Лангедоке,недалеко от Тулузы,где в конце августа 1210 года произошла описываемая битва.

9.Амори де Крюн-граф,участник битвы при Кастельнодарри и осады Тулузы.

10.Арман де Левуар-барон,участник альбигойских войн.Погиб во время убийства членов инквизиционного суда в Авиньоне.

- 11.Ценчио Савелли-будущий папа Гонорий 3 с1216по1227г.г Ближайший сотрудник папы Иннокентия 3.Опекал доходы папской курии.
- 12.Карфаген-город-государство в Северной Африке(совр. Тунис).Основан в 9 в. до н. э. Соперник Рима.К результате Пунических войн был полностью разрушен(146 г. до н.э.) и больше не восстанавливался.

ГЛАВА 30 ПРАВДА БОЖЬЕГО СЛОВА

На этом месте я, пожалуй, прерву свой рассказ о ходе альбигойской войны, ибо он должен неизбежно превратиться в однообразное описание осады городов, штурмов замков, сражений в чистом поле и следующих за ними мирных переговоров.

Опасаясь того, что, ты,мой досточтимый читатель, утомлённый скучным пересказом, без сожаления закроешь моё сочинение и справедливо предпочтёшь хороший сон скучному чтению, я отказался от унылой роли монастырского хрониста,равнодушно ведущего счёт разнообразным делам и фактам, происходящим за стенами его обители и забывающего о их подлинном смысле.В одинокой тишине кельи можно усмирить восстание собственной плоти, но уразуметь и распутать хитроумную завязь гордиевых узлов¹ светской и церковной политики - нельзя. Они разрубаются рыцарскими мечами на полях жестоких сражений.

Смиренному монаху неведома изнуряюще - неутолимая жажда власти и золота,со времён Каина² ведущая людей от преступления к преступлению и от войны к войне.Найдя сердечный покой в молитве и похоронивший в себе тревожащие душу радости грешного бытия, он повествует о мирских делах так,что они становятся мало похожими на то, что происходило на самом деле.

Я, рыцарь так и не сумевший стать монахом, но порою искренне к этому стремившийся, был участником и свидетелем многих событий долгой войны.Многих, но далеко не всех. Поэтому, размышляя над своей ещё не написанной книгой, я решил отказаться от составления подробной истории крестового похода, а рассказать о неотвратимости воздаяния за тяжкий грех ереси и о том ,как укрепляя собственную душу, можно его избежать.

Сказано в книге Левит : «Если пойдёте против Меня , то и я пойду против вас и поражу вас всемеро за грехи ваши и наведу на вас мстительный меч»³.

То,что обещал Господь Саваоф сынам Израилевым за отступничество от Его заветов, сполна получил народ Лангедока за презрение к Слову Его.

Орудием Божьего гнева стали крестоносцы.Они сломили мощь лангедокского рыцарства и лишившаяся его поддержки альбигойская ересь,тяжко ранившая Тело Христово, вместе с дымом костров мало-помалу исчезла с берегов Гароны и Тарна.

Один лишь перечень происшествий,случившихся за двадцать лет

непрерывных боёв и походов составил бы весьма солидный фолиант, дочитать который до конца не у всякого хватит сил.

Помятуя об этом я, опустив всё мелкое и незначительное, уделил должное внимание событиям важным и знаменательным.

Таковыми я, по своему разумению, считаю сражение при Мюре, взятие Тулузы, Латеранский собор, кончину его святейшества папы Иннокентия 3, смерть Раймунда Тулузского и гибель Симона де Монфора.

Кроме всего вышеупомянутого, имеющего прямое отношение к альбигойской войне, я хочу особо выделить великую христианскую битву с сарацинами на испанской земле, у Лас Новас де Толоса⁴.

Никогда ещё агаряне и любящие Христа не стояли друг против друга с оружием в руках в таком несметном множестве и рассказ о ней должен быть весьма пространным и щедрым на слова.

Сейчас же, отложив в сторону военные реминисценции⁵, которые, благодаря советам отца Бенедикта и книге Анонима Логографа, давно уже перестали мучить меня ночными кошмарами, я задержу твоё внимание, мой досточтимый читатель, на некоторых обстоятельствах своей лишённой внешнего блеска частной жизни. Однако я не променяю её на несметные сокровища Креза⁶, ибо помню, что они ему принесли жуткую смерть во цвете лет. Мне же наставления отца Бенедикта и поучения монаха Логографа подарили ни с чем не сравнимое счастье жить в мире с самим собой. Я полагаю, что тебе, мой досточтимый читатель, узнать о них будет не менее полезно, чем о скорбной участи тулузских ткачей.

Примечания к главе 30

1. Гордиев узел-по легенде, этот узел, завязанный царём Гордием, было невозможно развязать. Тот, кто всё же сумеет это сделать получит власть над миром. Александр Македонский разрубил его своим мечом.

2. Каин-сын Адама, совершивший первое среди людей преступление- убийство своего брата Авеля.

3..Левит,26:23;24:25.

4.Имеется ввиду битва при Лас Навас де Толоса, произошедшая 16 июля 1212г.

5.Реминисценции- воспоминания, отголоски давних событий.

6. Крез-последний царь Лидии в 595-545г.г до н.э..Был разбит,взят в плен и казнён персидским царём Киром 2.Богатство Креза вошло в поговорку.

ГЛАВА 31 Земля Люцифера и земля Христа

Книга « Лестница в небо » состоит из нескольких частей, каждая из которых разоблачает ересь, удерживает от заблуждений и указывает верный путь к спасению души. От благодатных слов этой книги оживляется ум, а в сердце рождается желание понять самого себя, почувствовать бег времени и постичь истинные причины человеческих поступков.

Альбигойским епископам в этой жизни, кроме воздержания, поста да

тоскливого ожидания сомнительной радости расставания с собственным телом,ничего не нужно. Многие принимали это за святость и смотрели на «совершенных» еретиков как на воскресших апостолов. Но сподвижники нашего Спасителя никогда не покушались на власть придержащих. Сам Христос приказал святому Петру вложить меч в ножны, когда тот, защищая Его, отсек ухо рабу Малху¹.

«Совершенные»-верные слуги князя тьмы, желая гибели христианской вере, призывали к низложению высшего пастыря вселенской церкви и обещали манну небесную всем последующим за ними.

Зачем нужна была власть полуживым аскетам, считавшим своё временное пребывание на земле страшным наказанием, мне было не понятно. Ведь согласно их учению, мир людей,созданный дьяволом, должен был сгинуть в очищающем огне, в урочный час прольющимся с небесных высот другого мира.

Впрочем, я не особенно утруждал себя такими вопросами.Однако это совсем не означает, что они никого не занимают и на них не следует искать ответы. Византийский Аноним, к примеру, посвятил этому три главы своей книги, ибо греческие иконоборцы² и болгарские манихеи, именуемые богомилами³, едва не погубили его родное Отечество.

И вот что он пишет:« Ради христоролюбивого народа я изобличу учение манихеев и масалиан⁴ и раскрою смысл их лукавых речей, дабы никто не попал в расставленные ими сети, но, уразумев происки дьявола, обман и святотатство, уклонился бы от того,чему они наущают. По внешности еретики, как овцы, кротки и смиренны.

Они молчаливы, бледны, не скажут лишнего слова, громко не засмеются,не проявят излишнего любопытства, хоронятся от нескромного взгляда и на вид, всё делают так, что нельзя их отличить от богобоязненных христиан. Люди,видя их скромность и благочестие, подходят к ним и спрашивают о спасении души. Еретики, видя перед собой простого и не учёного человека,с воздыханиями отвечают, что сначала нужно избавиться от священников и монахов, а потом уже спастись. Никто из вас, читающих эти строки, да не будет им другом, ибо много горя, бед и всяческой неправды утвердится на земле, если манихеи отнимут бразды правления у церкви Христовой и встанут у кормила духовного корабля. Что говорят еретики.

Мы больше вас Бога молим,бодрствуем и трудимся,а вы, церковные слуги, в лениости пребываете.

Чем же вы хвалитесь,высокоумные еретики - говорю я им. Удивить вы можете многим, но я не вижу ничего такого, за что вас можно похвалить. Вы кресты разрубаете и делаете из них орудия для полевых работ. Иконам вы не поклоняетесь, на святое распятие плюёте, над костями праведников насмехаетесь.

Вы воистину выкормыши сатаны,ибо учите своих приспешников Бога ненавидеть, детей против родителей,а работников против господ настраиваете, раздоры да кровопролитие за вами следом идут ».

Не почитают манихеи преславную Богоматерь, но много такого говорят о ней, что передать их речи истинно верующий в Святую Троицу не может, ибо за пов-торение богохульных слов злое наказание будет в той и в этой жизни.

Еретики не признают святого крещения и проклинаят крещеных детей. Они внушают тёмному народу, что власть императора – власть бесовская и призывают к её уничтожению. Рабам они не велят работать на своих господ и благославляют их на раззор и грабежи поместий нобилей⁵, а париков⁶, зевгаратов⁷ и технитов⁸ подстрекают к неповиновению Экономам⁹ и гипологам¹⁰. Всё сущее, одушевлённое и неодушевлённое, учат зловредные манихеи, есть творение сатаны, ибо только он, а не всеблагий Господь, мог создать такую обитель зла, коей является мир, в котором живёт человек. Здесь торжествует ложь и насилие, сильный побивает слабого, богатый гнёт бедного, заставляя его тяжело трудиться, тут голод, война болезни и смерть. Такой создал землю Люцифер и вся власть на ней-от него. Жилища сатаны-дворцы, храмы, соборы и монастыри. Поэтому их надо разрушить, а живущих там истребить. Тогда души манихейские возликуют, ибо уничтожив престолы повелителя тьмы, они освободятся из своих телесных темниц и унесутся в звёздные выси, где обретут счастливый покой на вечные времена, а земля - порождение дьявола -сгорит в огненном смерче третьего времени¹¹. А вместе с ней и все те, кто отринул манихейство.

Те же, кто его принял, пусть и в последнюю минуту своей жизни, будь они хоть трижды убийцы и воры, обретут блаженное бессмертие в небесном эфире. Придумки еретиков избавили пенетов¹² от страха перед посмертным Судом и Божьим наказанием за содеянное зло и они, потеряв по подсказке дьявола, остатки собственной совести, начали избивать христианских пастырей.

Были среди них и мечтавшие о красных сандалиях¹³ domestiки¹⁴ и патрикии¹⁵. Это они собрали из забывших Бога простолюдинов большое войско и повели его на Константинополь, надеясь занять Влахернские палаты¹⁶. Однако епарх¹⁷ и императорские гемилохиты¹⁸ рассеяли презренных, умертвив при этом, как исчислялось, до ста тысяч человек. Большинство из них с камнями на шее было брошено в морскую пучину и распято на стволах лесных деревьев¹⁹.

Духовная и телесная смерть - вот единственная награда, коей отец лжи-дьявол, всегда щедро одаривает всех легковых. Пути, ведущие к ней многочисленны, хитроумны и причудливы. Любой из нас может стать добычей лукавого, ибо никому из людей не дано знать всех его коварных уловок, которыми он искушает смертных и губит их доверчивые души. Но они не могут принести вред тем, кто помнит записанные в Библии слова святой истины, сказанные Соломоном: «Бойся Господа и удаляйся от зла Тогда ты уразумеешь правду. Мудрость войдёт в твоё сердце и знание будет приятно душе твоей. Разум будет охранять тебя от человека,

говорящего ложь».20.

Завершая свой рассказ о многоликой и богомерзкой ереси манихеев я, напоследок, поразмышляю о ней так, как следует размышлять доброму христианину, осведомлённому в подлинном смысле Священного Писания Имеющий уши да услышит!

*****

Господь наш создал мир для блаженства сотворенных им людей.

Он предопределил им постигать тайны мироздания и делать свою жизнь в нём всё лучше и лучше. Адам и Ева не знали болезней, старости и смерти. Заповедовал Господь мужам услаждаться с женами своими и не обнимать груди чужой²¹

Мужчины и женщины должны жить в супружестве и телесном, единстве, ибо сказано Творцом: «Плодитесь и размножайтесь»²². Через несколько поколений божьему народу стало бы тесно в райских кущах и он, выйдя за их пределы, постепенно превратил бы необжитые земли в цветущие сады и поля. Счастливое бессмертие в праведных трудах на благословенной Богом прекрасной земле - вот замысел Всевышнего относительно людей, созданных Им по образу и подобию Своему. Для того, чтобы он исполнился, первым людям в послушание вменялось два завета.

Первый завет заключался в признании Создателя Господином всех человеческих дел и помыслов, ибо управлять самим собой человек не умеет. Сказано: «не в воле человека путь его»²³.

Второй завет понуждал человека ограничить своё своеволие законами Бога, ибо дал Он ему не как зверю лесному, по запаху находящему себе пропитание, а как существу разумному право выбирать то, к чему стремиться его душа. Люди, искушаемые дьяволом, не послушались своего Создателя. Сказано: «Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы.»²⁴

Души их склонились к беззаконию и порокам. И тогда вошло в мир всяческое зло, а вместе с ним болезни и смерть. Господь изгнал людей из рая и покался, что создал род человеческий.²⁵ Сказано было Адаму: «Проклята земля за тебя, со скорбью будешь питаться от неё во все дни жизни твоей»²⁶.

Однако не отдал Всевышний всех нас, грешных, на потраву нечистому духу. Скорбящий о проступках своих детей, Он дарует прощение и не оставляет их без поддержки Своей. Сказано через Азарию: «Если будете искать Его, Он будет вами

найден. Если оставите Его, Он оставит вас».²⁷

Всецело ли человек виновен в рождении зла и греха? Нет, не только.

До людей Бог создал ангелов-небожителей. Они тоже имели свободу выбора и имели право служить Ему или отринут Его. Главный из них, Люцифер, удостоенный чести воочию лицезреть Создателя, побуждаемый точившей его гордыней и завистью к славе Божией, восстал против Господа и соблазнил к неповиновению множество других.

Все примкнувшие к нему и он сам волею Творца были низринуты во тьму подземных пространств.

Там падшие ангелы, утратили свою небесную чистоту и превратились в злобных демонов. По сей день по указанию Люцифера, они сеют смуты, раздоры и ересь между людьми, пытаясь обратить их в своих слуг.

Не знающие истин Божьего Слова, человеки, как неразумные птицы, не видящие ловчих силков на ветках и кронах деревьев, впадают в заблуждения, грозящие смертью и вечными муками в геенне огненной. Отчего Всемогуший Господь сразу не истребил всех отпавших и восставших?

А вот отчего. В неистощимом милосердии Своём, Он дал им время одуматься и понять, что без Него горе-злосчастье будет их вечным спутником. Сказано: «властвует человек над человеком во вред ему»²⁷ и поэтому люди доныне стенают и мучаются.

Но будет так не всегда. Перед Царствием Своим вернётся Господь на землю и сокрушит дьявола. Тогда в мир людей вернётся бессмертие и он снова станет раем.

Ничем незамутнённый разум, данный людям Богом, будет трудиться ради познания божественного замысла Всевышнего Творца, создавшего весь видимый и невидимый мир. И конца этому не будет во веки веков.

Вот что говорит нам Святая Библия о том, что ждёт род человеческий в будущем. Еретики же обещают пожар и гибель. Растространяемые ими ложь и обман захватили обширные провинции нашего великого государства и даже в императорском городе²⁹, в местах скопления народа, можно услышать речи манихеев, а на рынках купить книги, зовущие в объятия сатаны.

Не будь скудоумцем! Не касайся страниц, отравленных богопротивными суждениями и не слушай тех, кто толкует Священное Писание на базарах и площадях среди праздношатающегося люда!

Если нет у тебя знаний и сведений, необходимых для почтительных и глубоко-мысленных рассуждений над смыслом христианского вероучения, хорошо усвой то, что говорит священник и - достаточно.

А если тебя влечёт богословие и ты в нём наставлен соответствующим образом в храмах и монастырях, то размышление о Господе для тебя полезно, ибо сказано: «Он даёт мудрость, знание и радость»³⁰

Но при этом ты должен помнить, что три вещи не допускают ни отрицания, ни сомнения, ни осуждения. Это бытие Бога, духовное единение верующих в церкви и посмертное воздаяние».

Я полагаю, что эти истинно мудрые слова Проспера Аквитанского³¹ глубоко запали в твоё сердце и вера твоя получила прочное основание. Тем не менее, я считаю необходимым ещё раз призвать тебя, мой

досточтимый читатель, сдерживать ухищрения своего ума и укреплять свою душу, ибо она, подобно вулкану, в одно и то же время, извергает из своей глубины дым, золу, пламя и свет.

Привести её к разумному покою весьма непросто. Заниматься этим надобно с усердием, ведь познавая себя, мы даём Богу возможность навести порядок в нашей жизни, а это, для каждого из нас, является делом первостепенной важности.

Исполняя его мы должны преодолевать свою леность и различные препятствия, воздвигаемые перед нами дьяволом и неразумием людей.

Если мы не будем настойчиво трудиться, возвращая в себе во имя Господне семена Святого Духа, душа наша никогда не сможет расправить скрытые в ней крылья счастья и радости.

*****

Человек - жертва своих греховных склонностей. Потакая им, он рискует потерять свою душу, а вместе с ней и саму жизнь. Сказано: «нечестивый падёт от нечестия своего». ³² Сдерживая порывы своих страстей, человек обретает душевное равновесие и тогда, чем бы он не занимался и к чему бы не стремился, успех и удача пойдут с ним рука об руку.

Иноверец Авемпас ³³, коего Бог наградил великим умом и многочисленными талантами, тоже придерживается такого же мнения и, указывая на Священный Коран, говорит «Аллах не меняет того, что с людьми, пока они не поменяют того что с ними». ³⁴

Его мысли, составляющие одну из ступенек «Лестницы в небо», показались мне весьма благотворными и я, мой досточтимый читатель, охотно тебя с ними познакомлю, ничего не добавляя и не изменяя. Так как передал их в своей книге Аноним Логограф.

Примечания к главе 31

1. Евангелие от Иоанна, 18:10.
2. «Высший пастырь вселенской церкви» - один из титулов римского папы.
3. Греческие иконоборцы - еретическое движение манихейского толка в Византии в 8-9 вв. поддержанное императорами Исаурийской династии и сопровождавшееся массовыми казнями священнослужителей и грабежом церковного имущества. Во времена императора Константина 5 (8в.) в Византии были проданы вместе с утварью все мужские и женские монастыри, а их земли конфискованы. Папа Григорий 3 (731-741 г.г.) предал иконоборцев анафеме и пытался использовать войска в борьбе с ними.
4. Болгарские богомилы - еретики - манихеи, ересь которых названа по имени священника Богомила (10в.). Наибольшее распространение она получила во времена 1 Болгарского царства. Её искоренение связано с длительными войнами в 8-11 вв. Богомилы считаются духовными наставниками альбигойцев.
5. Массалиане - распространённая в 9-13 веках в Византии и балканских странах религиозная секта, близкая к манихеям.
6. Нобили - сословие «благородных» в средневековой Византии, знатные сановники и крупные землевладельцы.
7. Парики - крепостные крестьяне в Византийской империи.
8. Зевгараты - свободные крестьяне, имеющие скот и надел земли.
9. Техниты - городские ремесленники.
10. Эконом - управляющий частным поместьем.

11. Гиполог-чиновник финансового ведомства, сборщик податей
12. Альбигойцы исповедовали систему трех времен. В «первом времени» вечно противостоящие друг другу добро и зло, свет и тьма существовали раздельно. Свет (добро) занимал север, восток и запад, а тьма (юг).
«Второе время»- время вторжения. Зло (тьма) и торганти в царство добра (света). Борьба между ними определяет ход человеческой истории.
«Третье время»- торжество света. Остатки материального мира сгорают во вселенском пожаре, а чистые души альбигойцев обретают вечную жизнь среди звёзд в просторах Космоса.
13. Пенеты-«убогие». Так назывались в Византии деклассированные элементы; беглые рабы, преступники, нищие и т. п.
14. Красные сандалии были частью торжественного облачения императора. Никто, кроме него, не мог носить такую обувь. В редких случаях монарх награждал ею особо отличившихся высших сановников-членов императорской семьи.
15. Доместик-гражданский и военный титул. Доместики играли обычно роль заместителей и непосредственных помощников крупных должностных лиц.
16. Патрикий-один из высших византийских титулов.
17. Влахернские палаты-императорский дворец на берегу бухты Золотой Рог.
18. Эпарх-префект Константинополя, подчинявшийся лично императору.
19. Гемилохиты-командиры воинских отрядов, имевшие право набирать солдат и создавать крупные соединения.
20. Речь идёт о подавлении восстания павликиан во время правления императрицы Феодоры в середине 9 века.
21. Притчи, 3:7, 2:9:10:11:12.
22. Бытие, 1:28.
23. Иеремия, 10:28
24. Экклезиаст, 7:29.
25. Бытие, 6:6
26. Бытие, 3:17.
27. 2 Паралипоменон, 15:2.
28. Экклезиаст, 8:9
29. Имеется ввиду Константинополь.
30. Экклезиаст, 2:26.
31. Проспер Аквитанский (умер после 455 г.)-руководитель канцелярии папы Льва I Великого (440-461 г.г). Автор ряда произведений о чистоте веры. При нём вышли первые официальные сборники литургических молитв на латинском языке. Требовал государственной поддержки в борьбе с еретиками. Друг Августина Блаженного.
32. Притчи, 11:5
33. Авампас-латинизированное имя Абу Бекра Мухаммада ибн Баджа, знаменитого арабского мыслителя, поэта, музыканта и государственного деятеля 11-12 в.в. Основные произведения: «Книга о душе», «Послание о соединении разума с человеком» и др. Ибн Бадж считал, что человек всегда может достичь личного счастья, если будет работать над развитием своих духовных качеств. Он сделал ряд научных открытий в естествознании, психологии, астрономии, математике, логике и других науках. Долгое время был вазиром у альмохадских халифов. Умер в Сарагосе в 1139 году.
34. Коран, сура 13 аят 12

ГЛАВА 32 МУСУЛЬМАНСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ ДЛЯ ХРИСТИАНСКОЙ ДУШИ

«Как добиться безмятежности духа, не удаляясь при этом, по

обыкновению отшельников и аскетов, в пустынные местности. Если действительно хочешь укрепить стену своей души гранитом праведности, а желание проникнуть в тайны мироздания не даёт тебе покоя, попробуй последовать моим наставлениям.

Возможно, по прошествию некоторого времени, Всезнающий Аллах поможет тебе разглядеть несколько секретов сотворённого им мира, но я не думаю, что их знание сделает тебя по настоящему счастливым. Зачем тебе они? Лучше научись управлять самим собой и будь сведущ в житейской мудрости. Сказано: века текут, а люди не меняются.

Если ты будешь благочестив и усерден, Аллах поможет тебе добиться успеха в этом нелёгком деле.

Когда у тебя появиться чудесный дар внушать им доверие к себе и ко всему, что ты говоришь, то тогда, куда бы ты не пришёл, тебя всегда и везде будет ждать радушный приём. Для того, чтобы это произошло в действительности, а не в пустых мечтах ленивого ума, ты должен запечатлеть в своей памяти мои поучения и до конца своих дней придерживаться их во чтобы то ни стало. Запоминай.

В толпе нет спасения. Будь выше предрассудков народа, к которому ты принадлежишь и помни, что все умеющие говорить - Божьи Создания. Никого не презирай. Каждый человек равен другому. Между людьми существует только одно подлинное различие. Это разница в уме и природных способностях, коими они, по воле Аллаха, наделены в разной степени.

Ежедневно думай о высоком, подсказанным тебе аятами Корана¹, словами пророка и изречениями улемов². Не говори о религии, но искренне верь в Бога и Его Священное Писание, хранимое под Его престолом.

Всем сердцем люби заветы Всемилоостливейшего Аллаха, остальное предай равнодушию. Делай добро всегда, в том числе и тайно, ибо говорил нам Величайший: «кто творил благое, то для себя. А кто творил злое, то тоже для себя».³

Исполняй основной человеческий закон, повелевающий тебе делать другим только то, что ты желаешь делать себе сам.

Всегда держись золотой середины среди волнений и отдыха. Предпочитай невозмутимое одиночество с мудрой книгой избытку наслаждений, оглушающих чувства.

Пусть слово твоё будет верным, ибо Аллах Всеведающий предупреждает: «исполняйте обещания, ибо об обещании будет спрошено»⁴. Будь чистосердечным и умеи благодарить. Избегай лжи, низости, подлости, предательства и вероломства. Живи без всякого беспокойства. Не будь чувствителен к страху, являющимся наихудшем из зол. Никогда не погружайся в горестные мысли об ожидающих тебя возможных страданиях и, помня о том, что будущее человека не может быть ясным, всегда надейся на лучшее.

Мужественно взирай на конец своего жизненного пути и спокойно думай о своём смертном часе. Смерть, какой бы страшной не рисовало её

человеческое воображение, не должна заставлять тебя трепетать от ужаса. Я полагаю, что умереть не так трудно, как многие думают. Ведь смерти мы никогда не почувствуем, ибо не живут более с того момента, когда смерть настает, а живут только тогда, когда её нет.

Мгновение перехода от жизни к смерти неощутимо, как засыпание. Оно не причиняет нам ни худа, ни добра. Оно есть безболезненное нечто и ничто, поскольку вместе с ним приходит утрата всех чувств. Смерть не страшна, ибо бескрылая жизнь куда страшнее ухода в другой мир.

Однако существуют предсмертные страдания, предшествующие переходу человека за неуловимую для его разума грань жизни. Их можно помногу раз ощущать в молодости и в старости, если душа человека не подготовлена к загробной жизни.

Я думаю, что нам не следует печалиться от мыслей о том, что исход наших земных дней заранее предопределён и не надо страшиться неизбежного и неизвестного конца. Опасаясь его, мы никогда не вырвемся из мертвящих объятий страха, калечащего нас бесконечным ужасом ожидания смерти, который, подобно наёмному убийце, поразит нашу душу задолго до дня, определённого Всевышним.

Что же касается меня, то я, так и не раскрыв тайный смысл своего прихода в этот мир, с неудовлетворённой жаждой знания и чистыми намерениями, тихо умру, повторяя в последнюю минуту слова своего Учителя: 5 «Аллах Всемилоостливейший, прости меня и сжался надо мной».

Примечания к главе 32

1. Аят-стих в Коране. Несколько аятов составляют суру (главу) в священной мусульман.

2. Улемы (от арабского «улама» - учёные) - сословие мусульманских богословов и законоведов. Улемами часто называют все категории мусульманских духовных наставников, тех, кто совершил паломничество в Мекку, а также образованных уважаемых мусульман.

3. Коран, сура 41 аят 46.

4. Коран, сура 17, аят 36.

5. Своим Учителем ибн Бадж называл иранца Абу Халида Мухаммада ибн Мухаммада аль Газали (!058-1111 г.г.), который отказавшись от поста мудариса (профессора) в медресе, 11 лет вёл жизнь странствующего дервиша, а затем затворника. Познание Бога, по Газали, возможно лишь путём экстатических переживаний души. Основное произведение «Воскрешение наук о вере» (4 тома). Автор ряда философских и богословских трактатов. Умер в Хорасане.

ГЛАВА 33 СТРАНСТВИЯ В БЕСПРЕДЕЛЬНОМ

Из книги «Лестница в небо» я узнал ещё о том, что, кроме всевозможных сведений, передаваемых ученикам монастырских школ и городских университетов, существует ещё некая причудливая премудрость, раскрываемая лишь вдохновенным и дисциплинированным умам, которые благодаря своей любви к наукам и искусствам, заслужили право к ней приобщиться. Ей посвящена обширная глава, называющаяся «Странствия в

беспредельном или сокровенное знание об укрощении плоти, обретении счастья и различных чудесах при этом происходящих». Прочитал я её многократно и, как мог, усвоил содержание. Однако особо я в этом не преуспел. И не поверю никому, кто скажет, что он владеет тайными знаниями от начала и до конца, ибо они есть то, что называется *nin finita*.*

Из тёмных глубин сокровищницы секретных уроков, я извлёк светлое золото душеполезных упражнений, от усвоения которых разум мой наполнился божественной радостью внутреннего умиротворения и я спешу поделиться ею с тобой, мой досточтимый читатель, хотя и знаю, что неизъяснимое нельзя выразить словами. Его можно лишь ощутить и почувствовать.

Прошу тебя не порицать меня за то, что я в очередной раз, вместо рассказа о судьбе альбигойских еретиков, вновь начал говорить о вещах прямого отношения к ним не имеющих и о самом себе

На этот счёт у меня есть убедительное оправдание. Я уже говорил о том, что написал свои воспоминания о войне с еретиками, костры которой ещё не погашены, для того, чтобы её событиями доказать неотвратимость Божьего возмездия за грех ереси и предостеречь от богопротивного пустомыслия тех, кто будет пытаться вновь разжечь смертоносное пламя религиозных мятежей.

Поэтому я стремлюсь привлечь внимание каждого читающего эти строки к занятиям, оберегающим от нападок сатаны, к коим я сам приобщился с легкой руки отца Бенедикта и под влиянием книги Анонима Логографа.

Всем нам надлежит помнить о том, что помимо обязательного посещения церкви, необходимо и вне её стен, очищать свою душу от проникающей в неё всевозможной скверны. Борьба с ней, как и освобождение Гроба Господня, трудна и длительна.

Assidue addiscens ad senium venio sub iudice lis est.**

И, добавлю я от себя, закончено оно не будет, ибо познание человеческой души также бесконечно, как и постижение мудрости Господней. В разное время, в разных странах люди разных религий искали прочную защиту своей души от губительных стрел демонов зла. Находили они её на путях добра

Об этом говорили мне замечательные наставления сарагосского мевляни¹ Авемпаса, старательно выписанные Анонимом Логографом из старых сарацинских книг.

Спустя много лет после того, как в моих руках оказалась «Лестница в *Неопределённая бесконечность(лат.) **Непрестанно учась, подошёл я к старости, но дело ещё не закончено(лат.)

небо», мой старый друг, комендадор¹ Этьенн из аббатства Пюи Сен-Фрон², привёз мне в подарок аббревиарий проповедей папы Григория³, где я, к своему не малому удивлению, прочитал то же самое, о чём через пятьсот лет размышлял славивший Аллаха

арабский мудрец Абу Бекр –ибн- Бадж, известный учёным мужам латинских стран под именем Авемпаса.

*****

«Один из лучших рецептов долгой и уравновешенной жизни,- писал его святейшество, в равной степени почитаемый христианами Востока и Запада,-это пребывание в свободном и радостном расположении духа в часы еды сна и различных занятий, коим посвящает свой день человек. Что же касается страстей и увлечений, то следует избегать зависти, тревожных страхов, затаённого гнев путанного разбирательства собственных мыслей,чрезмерного веселья и неразделённой печали.Необходимо питать надежду,иметь непоколебимую веру в СвятуюТроицу и уметь растворяться в неге спокойной радости.

Кроме того, особенно полезно всегда, когда есть тому возможность, занимать свой ум и размышлением о красоте окружающего мира,созданного Премудрым Творцом.».

Видимо, думаю я, Предвечный Господь порождает созвучные мысли в просветлённых умах, сколько бы веков их не разделяло.В митре или чалме, поистине достоин восхищения священник, если он умудрён знаниями,сеящими мир и покой в людских душах.

Как-то вечером мы с его преосвященством архиепископом

Арнольдом играли в тавлеи⁴ в монастырском саду. Изредка он наливал себе вино из серебряного кувшина. Чистотой веяло от льющейся прозрачной струи золотистого вина. «Для счастья в этой жизни, Мишель,- говорил мне прелат,подняв перед собой высокий стакан из зеленоватого стекла и любясь игрой закатных лучей солнца на его гранях-нужны всего-навсего три вещи.

Духовный наставник,чьим советам хочется следовать всю жизнь, прекрасная книга,чтение которой никогда не наскучит и добронравная красавица,чьи объятия в молодости будут вдохновлять на подвиги, в зрелости успокаивать,а в старости-утешать.В этом-всё для человека, как для его души-страх Господень.».

Архиепископ умолк и, сделав глоток,с улыбкой добавил:

«Перичисленное мною имеет смысл только в случае наличия надёжного источника дохода.».

Всё упомянутое его преосвященством у меня есть.

Наверное, поэтому я пришёл к старости насыщенный прожитыми днями и готов без печали и страха открыть заветную дверь,за которой меня обнимет неизреченная радость вечного покоя.Его обретут все,кто,желая найти счастливое блаженство по обе стороны бытия,воспользуются для этого«Лестницей в небо», книгой,

написанной византийским монахом Анонимом Логографом с помощью богобоязненных мужей Востока и Запада. В ней сказано о том, что ищущему истину Господь облегчает дорогу в рай.

А теперь, мой досточтимый читатель, я расскажу тебе о том, что я сам испытал и чему сам научился.

Сначала по совету отца Бенедикта, я стал метриопатом⁵. Дело это, надо сказать, не слишком трудное, но и лёгким его тоже не назовёшь. Заставь себя, например, на неделю отказаться от вина, заменив его упражнениями с мечом и щитом, если ты рыцарь, а если простолюдин, то игрой с шарами, стрельбой из лука или боем на шестах.

Каждый день тверди себе, что завтра ты отведёшь душу и непременно выпьешь никак не меньше дюжины кубков крепкого лепе. При этом замечай, что будет происходить с твоими мыслями. Они будут заставлять тебя сесть за вино. Но в тот момент, когда кажется, что уже ничто не может помешать тебе выпить, что-то, едва ощутимое, вдруг заставит тебя отказаться от своего желания. Через некоторое время эта живущая в тебе немая сила, о которой ты, скорее всего даже не подозревал, прервёт своё молчание. И тогда для тебя наступит время перемен.

Душа твоя оживёт и потянется к Богу. Вот тут ты должен усердно молиться и просить у Господа то, чего больше всего не хватает твоей душе.

В жизни же поступай так, как будто Он тебе это уже дал.

Я, даже в зрелые годы, часто бывал не уверен в себе и излишне доверчив. Порою, обычная среди людей, боязнь совершить ошибку превращалась в самый настоящий страх, сковывавший меня по рукам и ногам.

Коварный хитрец, он навещал меня в самое неподходящее время и ставил в весьма незавидное положение.

Избавиться от него мне помогли заклинания чистой воды. Ушло на это три месяца усердных занятий, после которых в моей душе свершилось чудо: со мною заговорил мой ангел-хранитель. Он советовал мне как поступать в том или ином случае и удерживал от неверных поступков. Однажды он предложил мне заменить вечерние занятия с заклинаниями пришедшиеся мне по вкусу, на новые называемые «жемчужным ожерельем».

Суть их состоит в следующем.

Представь себе, мой досточтимый читатель, ожерелье из матово светящихся больших жемчужин. На каждой из них следует мысленно тоненькой кисточкой написать слово, смысл которого наставляет на путь праведности.

Я написал «Иисус», «церковь», «вера», «надежда», «любовь»,

«трудолюбие», «терпение» и «благочестие».

Ежевечерне, перед отходом ко сну, а, научившись, то и в любое время, когда позволяли обстоятельства, я начинал в своём воображении рассматривать белый шарик блестящей бусины, пытаюсь представить себе картину, которую заключало в себе написанное на ней слово.

Когда я думал о вере или церкви мне представлялись величественные соборы и монастыри, где аббаты, епископы, кардиналы, а иногда и сам папа, облачённые в великолепные одеяния, служили торжественные мессы или проповедывали с кафедр Слово Божье. Я часто замирал от восторга, видя в небесах сияние креста, окутанного прозрачным дымом молочных облаков, ангельское воинство, сверкавшее в лучах солнца серебряными доспехами и потоки кристально чистой воды, низвергавшиеся с высоких скал.

Жемчужные размышления стали моим любимейшим занятием. Меня озаряла необыкновенная любовь к Богу и созданному Им миру. Мысль носилась в поднебесье, откуда моему внутреннему взору открывалась вся земля, становились близкими звёзды, а в сердце рождалась надежда, что когда-нибудь, среди кровопролитных войн, еретического мракобесия и костров возмездия, возникнет другая жизнь.

Та, о которой говорил нам Христос, где каждый живущий на этом свете будет другому братом. Я понимал, что ждать этого придётся бесконечно долго, ибо мы не хотим изменять свою душу, а без этого закрытые двери в Царство справедливости и благополучия не откроются для нас никогда.

Изумительные сны и чарующие душу видения, давали мне простые и ясные ответы на все тайны бытия. Я верил им всей душой, но никогда не решался говорить о них вслух. Не буду делать этого и сейчас, ибо сказано «тайнства-только чистым»⁶

Тот, кто пойдёт вослед за мной по пути, указанным отцом Бенедиктом и ощутит в себе то, что ощущал я, тот поймёт меня и, радуясь полученному откровению, будет хранить молчание посвящённого.

*****

По мере освоения искусства визионеров⁶, я писал всё новые и новые слова на тех бусинах, где их не было. Так появились жемчужины «ума», «совести», «мудрости», «проницательности», «добросердечности», «могущества» и ещё много других.

По прошествии 12 недель все 33 жемчужины были подписаны, а слов, над значением которых мне хотелось поразмышлять, становилось всё больше.

Я решил завезти себе новое ожерелье, но оно не понадобилось.

Размышляя над последней бусинкой с надписью «счастье» я вдруг ясно увидел, как она отделилась от жемчужного кольца и стала медленно от него удаляться, пока совсем не исчезла в тёмно-синей высоте неба. Ожерелье, висевшее передо мной на расстоянии вытянутой руки, распалось, но его 32 жемчужины не разлетелись, а выстроились в прямую линию. К ней начали быстро добавляться откуда – то появившиеся маленькие перламутровые раковины. Мгновение и от моих закрытых глаз до пропавшего в ночном мраке жемчужного счастья, протянулась светящаяся нить, мерцающая всеми цветами радуги. В этот момент меня встряхнуло.

Ласковые волны пушисто катились по спине и груди, раскачивая тело из стороны в сторону.

И тут я увидел фелиокве⁷-великую тайну триединого божества в образе трех равных кругов разных цветов. Один из них, бог-сын, казался мне отражением бога-отца, словно радуга рождённая радугой, а Святой Дух был пламенем, рождённым обеими кругами. От невыразимого восторга я потерял самого себя.

Но вот волнения тела прекратились и вместе с ними подошло к концу моё первое плавание в волшебном море Божьей благодати. Не открывая глаз, я долго сидел, думая о том, что её ощущение и есть настоящее счастье. Мне припомнилось, что отец Бенедикт когда-то говорил мне, что усердие в душеспасительных занятиях в конце концов приведут терпеливого неопита⁸ к божественному состоянию всепоглощающей радости. Оно сделает его жизнь понятной и простой, а неустанные поиски однажды испытанного блаженства, спрятанного в глубине души, придадут её единственно верный смысл. Тот который человеку позволено найти в бесконечной суете неуловимого времени. Господь не витает в неведомом далеке. Он дремлет внутри тебя, мой досточтимый читатель. Разбуди Его и лучи счастья будут согревать твою душу до конца твоих дней.

Добавить к этому пожеланию более нечего и мне пора возвращаться в еретический Лангедок.

Хотя нет. Можно ещё немного повременить и дополнить уже сказанное тремя весьма любопытными и поучительными историями. Слышал я их от трубадуров в разных местах Аквитании, когда, предаваясь покаянию, я, босоногим кордильером⁹, бродил там с братом лимитуром¹⁰, собирая подаяние для нашей обители Фонфруа.

Примечания к главе 33

1. Комендадор(лат)-управляющий имуществом монастыря.

2. Пюи Сен Фрон- аббатство, возникшее в 5 веке на берегах реки Иль, на месте нынешнего города Перегё, на юго-западе Франции.

3. Римский папа Григорий I Великий (590-604 г.г.) в равной мере почитается католиками и православными. Он не ввязывался в доктринальные споры. Его произведения были в основном посвящены вопросам личной религиозности и нравственности человека.
4. Тавлеи - настольная игра, род кавказских нард.
5. Метриопат (греч.) - в дословном переводе - «сдерживающий свои желания»
6. Искусство визионеров - способность средневековых мистиков посещать прошлое и будущее, а также потусторонний мир, принимая участие в событиях происходящих там.
7. Фелиокве (feliocue - лат.) - и сына. Догмат римско-католической церкви, признающей в отличие от православной, исхождение Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына. Фелиокве не приняла православная церковь, что в середине 11 века послужило одним из поводов для разделения церквей.
8. Неофит - новый приверженец какой-либо новой религии или учения.
9. Кордильер (лат.) - «подпоясанный веревкой», монах, собирающий милостыню.
10. Брат лемитур - монах, имеющий право собирать милостыню только в определённой местности.

Рассказ о пропавших мужьях

Эта история очень древняя. Говорят, что её рассказал апостолу Фоме Дидиму¹, приговоривший его к смерти индийский царь Гандрофорус².

В одном из царств Индии, населявшие его люди верили, что их бог родился от семицветного луча³ и безумно любили свою правительницу.

Когда же она умерла, тысячи её подданных в знак глубокой скорби лишали себя жизни. Самоубийствам не было конца. Желая их прекратить, жрецы объявили народу, что бог, видя такую любовь к умершей царице, подарил ей бессмертие и вернул её на трон. Вернувшись из туманного мира теней, она объявила плачущему от счастья народу, что всем её супругам, кои отныне должны были ежегодно избираться из числа целомудренных юношей знатных родов, отвага и ум которых были известны всей стране, тоже даруется вечная жизнь.

Сотни молодых воинов посвящали себя служению божественной царице.

Во имя её они бились насмерть на рыцарских турнирах и блистали умом на ристалищах красноречия.

День выбора царского супруга был большим праздником. На площадях городов устраивались шумные представления, а в громадном зале дворца, тысячная толпа гостей жадно пыталась разглядеть необыкновенную красоту богоравной повелительницы, скрытую от

вожделенных взоров искрящейся пеленой алмазных нитей, свисающих из-под золотого обруча двурогой короны.

Перед ней, восседающей на рубиновом троне, висящем на золотых цепях между громадными нефритовыми статуями крылатых обезьян, стояли на коленях два доблестных победителя состязаний, длившихся

почти год и готовились к последнему испытанию. Они должны были поймать жёлто-красный персик, брошенный им с высоты престола. Тот, кому это удавалось, поднимался с колен и ведомый жрецами, лица которых были скрыты плоскими масками, исчезал за открывшейся перед ним спрятанной в стене дверью, обтянутой блестящей тканью, разрисованной смеющимися бирюзовыми драконами, держащими в пасти свои чешуйчатые хвосты, перевитые гирляндами белых лилий.

Переступивших порог царской опочивальни потом никто и никогда больше не видел.

Так продолжалось веками, пока одному воину не удалось вырваться оттуда и он, мечом проложивший себе дорогу назад, раскрыл убийственный секрет бессмертной царицы, к ласкам которой стремилась его пылкая душа.

В полумраке роскошных покоев он увидел хрупкую фигуру, закутанную в драгоценный виссон³. Не в силах сдержать себя, он бросился к желанной новобрачной, сорвал с неё покрывало и замер, словно поражённый смертельным ударом. Перед ним стояла дряхлая старуха с копной седых всклокоченных волос, слезящимися красными глазами и криво улыбающимся беззубым ртом.

И тут он понял, почему бесследно пропадали её молодые мужья. Каждый из них свято верил в то, что в его объятиях окажется вечно юная красавица, которая подарив ему неземные наслаждения, сделает небожителем, не знающим смерти.

Даже в страшном сне никто не мог себе представить, что на божественном ложе его ждёт мерзкая старая ведьма-безобразное порождение чёрных знаний безликих жрецов.

Народ, случайно узнавший правду, поднял кровавый мятеж. Война никому не принесла победы. На поле последней битвы восставшие и армия царицы уничтожили друг друга.

На опустошённую землю пришли люди из сопредельных стран. Они засеяли её и поселились в разрушенных домах. Вновь, как и раньше, в полях колосилась густая пшеница, а в лугах паслись стада упитанного скота.

И никто из земледельцев и скотоводов, поклонявшихся другим богам, не помнил того, что было здесь прежде.

Примечания к рассказу о пропавших мужьях

1-2. Апостол Фома Дидим («Близнец») — считается первым христианским миссионером в Индии и автором так называемых «Секретных слов Иисуса, сказанных Им при жизни и записанных близнецом Иуды Фомой», являющихся неканоническим Евангелием. Апостол Фома после смерти Христа, прошёл с проповедью христианского учения Палестину, Сирию, Месопотамию и Аравию, достиг пределов Индии, где в 52 году основал Малабарскую или Сирийскую православную церковь. Он обратил в христианство многих индийцев, воздвиг 7 церквей во имя Девы Марии, рукоположил в священники

четырёх представителей из высшей касты Намбудри. Далее Фома направился на восток и достиг Восточного Китая, а в 72 году снова вернулся в Индию, где в том же году царь Гандрофорус, поддавшись уговорам брахманов, предал его мученической смерти. Поводом к казни было обвинение Фомы, зодчего по профессии, в том, что он раздал царские деньги, предназначенные на строительство дворца, нищим на построение церкви Христовой на небесах. Апостол был «воздет на копье» близ Мадраса, у горы, носящий теперь его имя. Мощи святого Фомы перенесены в Месопотамскую Эдессу.

3. Виссон-тончайшая льняная ткань, атрибут богатства и знатности в древнем мире.

*****

Рассказ о трёх яблоках

Говорят, что падишах Тугтегин, чьё благородное имя славили муэдзины² со всех минаретов³ страны Шам⁴ в юности был очень беден и частенько ложился спать натошак. Однако бодрости духа он не терял, хотя тоскливый мотив, который напевало ему урчание пустого желудка, настраивал на тоскливые мысли.

Как-то раз означенный Тугтегин, прогуливаясь в роще фруктовых деревьев у городских стен Дамаска, закусывал незрелыми яблоками, так как дома у него не было даже сухой лепёшки.

Вдруг он увидел как трое презренных оборванцев, окружили препоясанного зуннаром⁵ почтенного старца с явным намерением его ограбить. Недолго думая, Тугтегин выхватил висевший у него на поясе ханжал⁶ и бросился на разбойников. Увидев храброго юношу с обнажённым клинком в руке, они в страхе разбежались, а тот, кого он спас, весело расмеялся.

Тугтегин с почтительным поклоном подошёл к старцу и, назвав своё имя, спросил его о причине смеха.

«Благодарю тебя, отважный Тугтегин, - отвечал старик. - Мне не нужна была твоя помощь. Я бедный паломник, странствующий в Святой Земле. Меня, слабого человека, обременённого годами, обидеть, конечно, не трудно. Но, те, кого ты принял за грабителей, не желали мне зла. Это были голодные нищие, которым я собирался дать им по дирхему⁷ для того, чтобы они купили себе пищу и для этого отвязал от пояса кошель с деньгами. Жаль, что ты их так напугал. Теперь поесть им долго не придётся. Ну, да Бог с ними. Видно, Он хочет, чтобы они ещё попостились. А вот ты, от чистого сердца решивший помочь гяуру⁸, рисковал жизнью и потому достоин настоящей награды. Выбирай любую.»

С этими словами старик-христианин извлёк из незаметного кармана своей просторной хламиды три яблока. Одно было зелёным, два других - красным и жёлтым.

«Юноша, - сказал пилигрим, показывая пальцем на зелёное яблоко, - если ты возьмёшь его, то станешь мудрым как Сулейман⁹. Если же тебе не хочется печалить свою жизнь, - старик указал на красный

плод,-то ты можешь обрести сокровища,о которых не могли мечтать даже персидские цари.Но если и богат-ство тебя не влечёт,возьми жёлтое яблоко,Тогда, где бы ты ни был,тебя беззаветно будут любить пожилые женщины. Выбирай.Только быстро и не задумываясь».

Тугтегин, сам не зная почему, выбрал жёлтое.Ему почудилось, что оно слегка светилось призывным рассеянным светом, в котором, как в чаше Джемшида¹⁰, ему виделась красивая седая женщина. За её спиной струился золотой дождь, а в руках она держала коричневую книгу с синими страницами.

«Это Фатима-мать султана Дукака¹¹,-прервал видение голос старика. –Иди к ней. Она ждёт тебя».

И Тугтегин,не попрощавшись со странным христианином,пошёл во дворец султана бедный,голодный и известный только самому себе. А ныне кто в подлунном мире не знает могучего,справедливого и щедрого падишаха Тугтегина Барида.

Примечания к рассказу о трёх яблоках

- 1.Падишах Тугтегин-основатель династии Баридов (Буридов),правителей Дамаска с 1104 года.
- 2.Муэдзин(араб. «муаззин»)-объявляющий,приглашающий)-служитель мечети,призывающий верующих на молитву.
- 3.Минарет-башня,которая воздвигается с внешней стороны и над крышей мечети,с которой муэдзины призывают к молитве.
- 4.Страна Шам-средневековое название Сирии. Дамаск-столица Сирии.
- 5.Зуннар- пояс,которым в мусульманских странах опоясывали иноверцы.
- 6.Ханжал-род длинного кривого конжала.
- 7.Дирхем-монета в арабских странах разного достоинства.
- 8.Гяур(араб)-иноверец
- 9.Сулейман-библейский царь Соломон,считающийся у мусульман одним из пророков и воплощением мудрости.Согласно Корану,Сулейман обладал способностью повелевать духами и ветрами,обладал знанием языков животных и птиц и мог творить чудеса.
- 10.Джемшид-царь Ирана,владевший волшебной чашей,в которой он видел картины прошлого, настоящего и будущего,где бы они не происходили.Считая, что это поможет ему,он начал войну против арабского царевича Закхака,но был им разбит.По приказу царевича взятый в плен Джемшид был распилен надвое деревянной пилой.
- 11.Дукак-сельджукский султан, правил Дамаском в конце 11века до захвата власти Тугтегином.

Рассказ о несостоявшейся свадьбе

В те времена, когда торговый город Арль назывался Арлезиумом, проживал там некий патриций по имени Квинт. Была у него красавица дочь Юлия, славившаяся своим необыкновенным умом, скромностью и красотой.

Женихи из лучших арелатских семей мечтали соединиться с ней узами Гименея. Но никто из них не знал,что её отец,потеряв во время морской бури все свои торговые корабли,был совершенно разорён.И денег на богатое приданое и свадебное пиршество,

достойное римского нобилия, у него не было. По этой злосчастной причине он решил обратиться с просьбой о ссуде к известному всей Нарбоннской Галлии ростовщику Мозесу, старому еврею, слывшему большим хитрецом. Вместе с дочерью, Квинт посетил Мозеса в его загородном доме.

Ростовщик внимательно выслушал просьбу Квинта и пригласил его и Юлию прогуляться в великолемном саду. Они медленно шли по тенистой аллее. Под ногами чуть слышно поскрипывал мелкий гравий, которым были аккуратно посыпаны садовые дорожки.

«Благородный Квинт, невидимо ухмыляясь, начал Мозес, - деньги я тебе, конечно же, дам. Как можно отказать патрицию, коего трижды удостоивал личной аудиенции сам богоравный император Константин II и, к тому же, отцу такой замечательной девушке, которой является твоя дочь Юлия.

Только ей безраздельно принадлежит моё старое сердце, израненное стрелами Амура. Я не питаю иллюзий. Шансов на взаимность у меня нет никаких. Поэтому я воспользуюсь выпавшим мне счастливым случаем. Им я считаю твою просьбу. Условия моего займа будут просты и необременительны. Я выдаю тебе указанную тобой сумму, а ты выдаёшь за меня замуж свою дочь. Приданное и свадебный праздник за мой счёт.»

Квинт задохнулся от гнева.

«Не волнуйся, благородный Квин, - спокойно продолжал старый еврей. - Твоё достоинство не пострадает. Более того. Оно преумножится, ибо о тебе все будут говорить как о человеке, для которого верность данному слову дороже всего на свете. Мы заключим устную сделку».

Мозес нагнулся и поднял с гравийной дорожки два камушка.

«Вот, два камушка. Чёрный и белый. Если ты выбираешь чёрный, то дочь твоя Юлия становится моей женой, а ты получаешь просимое тобой золото. Если же тебе выпадет белый камушек, то к Юлии у меня претензий не будет, а деньги всё равно остаются у тебя. Идёт?»

Условия, предложенные Мозесом были бы не совсем бессовестными, если бы не одно обстоятельство.

Квинт заметил, что камушки, зажатые им в ладонях за спиной, были оба чёрными. Не зная, что ответить, Квинт растерянно молчал. «Я согласна, почтенный Мозес, - неожиданно заговорила стоящая рядом Юлия.

– Но у меня тоже будут два необременительных условия.»

«Я выполню любое твоё пожелание, о прекрасная», - радостно заулыбался ростовщик.

« Деньги должны быть перед нами. Прикажи их принести сюда.И, будь любезен, пригласи в качестве свидетелей не менее трёх жителей Арлезиума,имеющих римское гражданство.».

«Я согласен. Елиазар»,-громко крикнул Мозес,

Из густого зелёного кустарника вышел и молча поклонился рослый слуга. Ростовщик что-то тихо сказал ему на ухо и он, ещё раз поклонившись, ушёл. Вскоре он вернулся вместе с двумя молодыми прислужниками, согнувшимися под тяжестью мешков, которые они несли на своих спинах.

По знаку Мозеса они поставили их перед Квинтом и удалились, Немного погодя появились и свидетели. Им объяснили в чём суть дела.

Мозес вытянул перед Юлией два сжатых кулака. Немного подумав, она своей розовой ладонью коснулась правой руки еврея. Он тут же разжал его. Пальцы девушки,прикрывавшие камушек, слегка шевельнулись и он упал к её ногам, на гравийную дорожку, сплошь усыпанную белыми и чёрными камушками, так что никто ничего не мог сказать о цвете упавшего.

«Какая жалость,-воскликнула дочь Квинта.-Но ничего страшного.

Уважаемый Мозес, разожми левый кулак и свидетели сразу поймут, что было в правом.

Не так ли?». Все согласно кивнули головами. Не ожидавшей такого поворота, ростовщик разжал левую ладонь и присутствующие увидели чёрный камушек.Трое римских граждан подтвердили, что сделку выиграла Юлия, Мозес лишился значительной части своего состояния. С горя он впал в душевное расстройство. а затем, безутешно страдая,он и вовсе потерял рассудок,день и ночь повторяя одну и ту же фразу:«Дело было верное. Оба камушка были чёрные. Как же так вышло,что ни девушки,ни денег?».

А вышло так потому, что Мозес думал только о двух камушках, а Юлия о гравийной дорожке.

Здесь я закончу своё обширное отступление, посвящённое духовным наставлениям.Оно оправдано, ибо *haec studia adolescentiam alunt senectutem oblectant resornant adversis perfugium et solutium praebent**

Для человека, говорит нам древний писатель², добрые нравы имеют большую силу,чем хорошие законы. И ещё важнее для него научиться управлять самим собой.

Вкусивший чудесного снадобья самообладания в один прекрасный день почувствует,что не заживающие долгие годы язвы душевных обиди огорчений, начинают затягиваться. Вместо них в душе разливается благодатный покой, который уже никто не может нарушить.Занимаясь воспитанием собственной души, ты , мой досточтимый читатель,излечишься от слепящих тебя заблуждений.

К душе твоей, свободной и тихой, вновь вернётся зрение. Ты, наконец, поймёшь в чём скрыт смысл твоей жизни, а, может быть, догадаешься о том, что его нет вовсе. И это открытие тебя несколько не огорчит.

Однако довольно об этом. Пора возвращаться в лагерь крестоносцев и готовиться к битве с еретиками.

Примечания к рассказу о несостоявшейся свадьбе.

1. Римский император Константин 1 Великий (306-337 г.г.) некоторое время жил в Арле, избрав его своей резиденцией.

2. Тацит.

---

*Эти уроки воспитывают юношество, успокаивают в старости, скрашивают одиночество, а в несчастье дают прибежище и утешение (лат.)

ГЛАВА 34 ПИРЕНЕЙСКАЯ КОЛДУНЯ И НАРБОНСКИЙ ДИСПУТ

После жестокого урока, полученного на полях Кастельнодарри, где, как ты помнишь, мой досточтимый читатель, мы оставили торжествующего Монфора, защитники « совершенных » наглухо заперлись в своих замках. Некоторые не надеясь на их стен, готовились умереть с оружием в руках. Но таких было немного. Большинство же рассчитывали договориться с графом Симоном и, заплатив за поражение вассальной присягой и весомой контрибуцией, надеялись сохранить себе жизнь, владения и титулы. Монфор, удовлетворённый унижением лангедокской знати, почти всегда соглашался на это. Он, за редким исключением, не задевал рыцарской чести разбитых врагов.

Я помню лишь один случай позорной казни титулованных рыцарей. За предательство крестового дела и тайное пособничество еретикам, по приговору суда при большом скоплении народа, были торжественно повешены бароны Гюи де Люс и Мартин д'Альге. Альбигойцы тоже не церемонились с изменниками. Без помощи судьи, они наградили пеньковой верёвкой родного брата графа Раймунда Болдуина, а принца Вильгельма Оранжского четвертовали в Авиньоне.

Что же касается простых солдат обеих сторон, то их уделом были изуверские казни. Поэтому, проиграв битву, они во весь дух бежали с поля брани во, лишь бы не попасть в руки победителей.

Иногда обстоятельства складывались в пользу побеждённых и им вдруг приходила помощь оттуда, откуда они её не ждали. Так, как я уже упоминал, к разбитым и не помышлявшим более о сопротивлении альбигойцам, неожиданно протянул руку помощи отважный король Арагона благородный дон Педро, снискавший себе громкую славу в великой Толосской битве с африканскими сарацинами, где непоколебимая доблесть рыцарей Христа сломила неудержимую ярость воинов Аллаха.

Воинское счастье арагонского короля, поддержавшего еретиков было недолгим, а гибель столь же печальной, как и участь мавров, нашедших свою смерть на каменистой земле Андалузии.

Воистину его судьба назидание для всех, поднимающих оружие против воли Божией!

*****

Сердца бесстрашных предков благородного дона Педро были полны рыцарской отвагой и чувственными вожделениями. Иногда это вело к торжеству благородства и царственному величию, а иногда к плебейскому тщеславию, вспышкам необузданных страстей и горечи тяжких поражений.

Альфонс Воитель², сын первого короля Арагона Санчо Рамиреса, поймав влюблённый взгляд Эрменгарды де Порталес, пожелавшей присутствовать при осаде Сарагосы, в одном кожаном колете³ и с мечом в руке, бросился к штурмовой лестнице, увлекая за собой своих воинов. В мгновение ока он оказался на крепостной стене и свистящая сталь его клинка, обагрённая кровью мавров, светлым багрянцем отражала лучи полуденного солнца. В яростной схватке он едва не погиб, но разве не стоит жизни рыцаря благосклонный взгляд его прекрасной дамы!

Альфонс Второй⁴ безжалостно опустошил земли графа Тулузского Раймунда Пятого⁵ в ответ на его непристойную шутку. Владелец Тулузы, находясь в изрядном подпитии, весело доказывал своим хохочущим собутыльникам, что основой могущества арагонского дома является мужская сила. После побед на брачном ложе, территория их королевства расширяется, но мощь, потерянная в постельных сражениях не позволяет им сохранить приобретённое.⁶ Сказано: «Под полом живут мыши, а мышей есть уши».

Граф не предполагал, что его слова, сказанные в узком кругу близких друзей, станут известны королю, и оскорблённый монарх предаст огню и мечу цветущие города и селения невоздержанного на язык графа.

Любовь стала причиной гибели самого дона Педро. Многие, правда, с этим не согласны и считают, что виновником смерти короля было корыстолюбие легатов папы, заманивших его в придуманную ими хитроумную ловушку войны с еретиками.

Я не буду оправдывать папских посланцев или рассуждать о злом роке, приведшем арагонского короля на Мюрейское поле, а расскажу о том, что мне доподлинно известно.

Жену свою Марию, принёсшую ему в приданое Монпелье, король не любил и подолгу с ней не виделся. Когда же дон Педро узнал от её приближённых, что она, желая во чтобы то ни стало, привязать его к себе, обратилась через доверенных лиц за помощью к старухе Розалинде, то он оставил её навсегда.

Ведьма Розалинда, живущая в никому неизвестной пещере почти у самой вершины Амето⁷, была известна всем женщинам Лангедока, Прованса и Арагона. Только она знала секрет приворотного зелья,

состоящего из порошка, полученного из кожи лягушки, крыльев летучей мыши и чёрной муки горных трав. Приготовленные из этой смеси лепёшки стоили немалых денег, но заказов у старухи было так много, что даже самые знатные сеньоры ждали её хлебцы по многу месяцев, а их мужья боялись выпечку ведьмы больше, чем суда церковного трибунала.

Съеденная лепёшка старухи Розалинды, полностью лишала их интереса ко всем женщинам на свете, кроме законной супруги, страсть к которой, напротив, увеличивалась многократно. Мужья, отведавшие хлеба пиренейской колдуньи, устраивали на неё настоящую охоту, но никому не удавалось заставить её врасплох.

Дон Педро настойчиво просил у папы диспенсации⁸, но его святейшество, ранее отказав в ней Филиппу - Августу, не счёл возможным дать её и дону Педро.

Не скрывая раздражения от постигшей его в Риме неудачи, король щедро оделял своих бастардов⁹ всевозможными пожалованиями, а законному наследнику Хайме¹⁰, коему по воле Господа будет суждено стать великим государем, он отказывал в самом необходимом.

Дон Педро считался верным католиком. Однако альбигойцы, к вере которых он был совершенно равнодушен, жили в его владениях в полной безопасности и, не таясь, там, где им заблагорассудится проводили свои собрания и службы.

Не раз посланцы Латерана укоряли короля на недопустимость подобной снисходительности к еретикам, а тулузский епископ Фулькет часто видевшийся с ним, даже грозил ему анафемой. В ответ дон Педро смеялся и говорил рассерженному прелату: «Господин епископ, видимо, забыл, что я не вассал его святейшества,¹¹ поэтому моё наказание не в его власти. Что же касается моей веротерпимости, то она угодна Богу. Пророка Осию¹² почитают все народы, живущие на родине нашего Спасителя, а в славном королевстве Рожера Сицилийского¹³ мирно уживались христиане, мусульмане и иудеи. За это Господь дал ему могущество и несметные богатства. Сын же его Гийом, взявшийся во имя Божие истреблять сарацин и евреев, обнищал и едва не потерял корону.»

Не обращая внимания на замечания прелатов и письма самого папы дон Педро водил дружбу с андалузскими факихами и с одинаковым воодушевлением устраивал как рыцарские турниры, так и богословские диспуты, привлекавшие народ не меньше, чем бои на ристалищах.

Каждый удачный довод участников словесных сражений вызывал такую же бурю восторга, как и ловкий удар турнирного бойца.

Однажды в Нарбон поспорить о Господнем преопределении, смысле жизни и местонахождении рая собрались со всего Лангедока католические епископы, альбигойские «совершенные» и доктора теологии из Болоньи,¹⁴ Саламанки¹⁵ и Парижа¹⁶.

Послушать их приехали знатные рыцари и пришёл простой люд. Прибыл и король Арагона вместе со знаменитым философом 17 аль-Араби из Мурсии¹⁸, где его называли альфаки¹⁹ и он почитался за первого мудреца. Король и учёный сидели рядом и, делясь впечатлениями от услышанного, изредка переговаривались между собой. Оратор сменял оратора, наступил вечер, но победитель так и не был назван. Тогда попросил слова аль-Араби. Председательствующий на диспуте аббат Арнольд Амори из Сито, посоветовавшись с капитулом, разрешил ему выступить. Мусульманин встал и, прижав правую руку к сердцу, поклонился собравшимся: «Благородные жители Лангедока и высокочтимые гости, ради познания истины приехавшие сюда из далёких мест. Я благодарю вас за то, что вы дали согласие выслушать человека чуждой вам веры в столь представительном собрании и от всего сердца говорю всем собравшимся здесь эйваллах.*

---

*Спасибо. (араб.)

Argumento ponderantur non numerantur*. Поэтому я буду краток и расскажу вам одну маленькую историю.

Однажды Гарун-ар-Рашид¹⁹.-да приветствует Аллах его в своих обителях - пребывая в скверном настроении, спросил Абу Новаса,²⁰ придворного поэта, отличавшегося легкомысленностью нрава: «Скажи мне мне, о поносимый мухтесебами²¹ проницательный житель Карха²², куда должен стремиться сокрушённый сердцем правове́рный и есть ли смысл в его жизни?».

Стихотворец, немного подумав, ответил: «Есть, о владыка. Каждый, кто свидетельствует, что нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммед его посланник, должен стремиться попасть в рай, который заключён в мудрости строк Корана, на спине коня и на груди женщины. Понимание этого наполняет каждый день нашей жизни великим смыслом, делая его к тому же простым и приятным».

«Это воистину так,- улыбнулся халиф.- А ты, персиянин, заслуживаешь награды».

Мне, скромному лекарю, лишённому остроумия Абу Новаса, добавить к сказанному им нечего».

Аль-Араби сел на своё место рядом с королём, а слушатели громко засмеялись. Даже аббат Арнольд, чьё лицо обычно было непроницаемым, добродушно усмехнулся и сказал: «Если бы вместо Корана была упомянута Библия, я не стал бы возражать против такого ответа».

«Можно сказать Священное Писание и все будут удовлетворены. Верно я говорю?»- обратился к аудитории поднявшийся со своего кресла дон Педро. Все одобрительно зашумели.

Только «совершенные» сидели с окаменевшими лицами и с молчаливым презрением смотрели на оживившийся народ, радостно рукоплещущий развратному иноверцу, по наущению дьявола подменившему, богодухновенную мудрость коварной шуткой, льстящей человеческому пороку и толкающих людей на путь греховных наслаждений.

«Всякое удовольствие, идущее от женщины губительно для рабов Божиих,»- начал говорить один из альбигойских епископов. Но его никто не слушал.

Аббату Арнольду ничего не оставалось делать, как возложить на зеленую чалму кордовского философа золотой венок победителя

Примечания к главе 34

1. Вильгельм Оранжский- знатный крестоносец, принц небольшого южнофранцузского княжества, между Авиньоном и Монтелимаром. Разбитый в одном из сражений, он попал в плен к альбигойцам и после страшных пыток был изрублен на куски.

2. Альфонс I Батаљдор (Воитель)- король Арагона и Наварры в 1104-1134 г.г. Воевал с маврами и сарацинами.

3. Колет- род кожаной куртки.

4. Альфонс II- король Арагона в 1162-1196 г.г.

5. Раймунд V- граф Тулузский и нарбоннский герцог в конце 12 в, отец Раймунда

6. Намёк на то, что король Арагона Рамиро выдал замуж свою дочь Петронию за барселонского графа Раймунда IV Беренгария, после чего Арагон приобрёл новые земли и выход к морю. Усиление Арагона привело к ряду войн с Кастилией и Леоном в следствии чего владения Арагона то уменьшались, то увеличивались. Все эти события имели место в 1-ой половине 12 века. Альфонс II был сыном Беренгария и Петрониллы.

7. Амето- одна из самых высоких вершин в Пиренеях.

8. Диспенсация- церковное разрешение на развод.

9. Бастарды- так в средние века назывались незаконнорожденные дети знатных особ.

10. Хайме I Завоеватель (1208-1276 г.г.)- король Арагона с 1213 г. Отвоевал у арабов Болеарские острова и Валенсию.

11. Педро II Арагонский один из немногих государей Европы отказался принести вассальную присягу папе, но позже, уступив давлению Рима, признал папский сюзеренитет.

12. Пророк Осия –библейский пророк, одинаково почитаемый христианами и мусульманами и иудеями. Его могила находится на вершине Джебель-Оша, самой высокой в Галаадских горах Палестины.

13. Рожер II Сицилийский (1104-1154 г.г.)- король создавший на Сицилии сильное процветающее государство, которому платили дань ряд мусульманских князей в Северной Африке. Его сын Гильом (Вильгельм), прозванный Злым, Фанатичный враг мусульман и евреев, быстро разрушил державу созданную отцом.

14. Факих- в широком смысле учёный богослов. В некоторых мусульманских странах- представитель высшего духовного сословия.

15. Университет в Болонье (Италия) основан в 11 веке и является старейшим в Европе.

16. Саламанкская школа теологии и медицины была особенно популярна в 11-13 в.в.

17. Парижская богословская школа монастыря святой Женевиевы была основана в 1180 году.

18. Альфаки (араб.)- «учёный», учёный правовед, проповедник..

19. Аль Араби- ибн Араби Абу Бекр Мухаммед ибн Али Мухиддин. Родился в испанской Мурсии, в 1165 году. Арабский мыслитель и поэт, суфий. Жил в основном в Испании и Северной Африке. Побывал во всех частях мусульманского мира. Его произведения «Мекканские откровения», «Геммы мудрости», «Святой Дух» и другие были хорошо известны в средневековой Европе. Под влиянием его идей находился известный учёный

и философ Раймунд Луллий(1235-1315г.г.),а также другие христианские теологи.Идеи аль Араби находят в произведениях Данте Алигьери.

19.Гарун ар-Рашид-багдадский халиф в 786-809г.г,покровительствовавший учёным и поэтам.Персонаж многих арабских сказок «Тысячи и одной ночи».

20.Абу Новас(747-813г.г.)-знаменитый арабский поэт,уроженец Западного Ирана.Жил при дворе багдадских халифов.Оказал заметное влияние на поэзию суфийских лириков,а также провансальскую поэзию трубадуров.Убит по приказу халифа аль-Амина,сына Гаруна ар-Рашида.

21.Мухтесебы-чиновники,следящие за соблюдением мусульманами нравственных норм в повседневной жизни.

22.Карх-район Багдада,где в 8-13в.в.находилось много винных лавок,принадлежащих христианам и иудеям.

ГЛАВА 35 РАЗГОВОР НА ПЕРЕВАЛЕ

Об этом необычном диспуте¹ мне рассказал аббат Арнольд, недавно ставший архиепископом Нарбонна, когда мы с ним, ведя неспешные беседы, верхом на лошадях, медленно переходили Пиренеи. Далеко под нами были видны фигурки вилланов, работавших на своих маленьких полях, похожих на квадраты шахматной доски.

---

*Сила доказательств не в количестве, а в вескости (лат.)

Над головой раскинулось атласное небо, поддерживаемое снежными вершинами гор.По дороге, проложенной в незапамятные времена², его преосвященство вёл французскую армию на помощь кастильскому королю Альфонсу³, коему, волею небес, была уготована роль защитника христианского мира от нашествия бесчисленных полчищ альмохадского халифа Мухаммада ан-Насера⁴. Властитель Магриба решил, истребив с лица земли всех верующих в святое распятие, раз и навсегда покончит с христианством. Он мечтал овладеть Римом, казнить папу, а церкви, монастыри и соборы превратить в мечети.

Узнав о его намерениях, папа Иннокентий объявил крестовый поход. Набатный звон церковных колоколов собирал крестоносцев на великую битву и они, преисполненные желанием защитить свою веру и церковь, не страшась смертельной опасности, шли в Толедо, столицу Кастилии, объявленную местом сбора христианской армии. Архиепископ был мрачен. Его душу тяготила подлая измена королей Леона и Наварры, отказавшихся принять крест. Уверенные в непобедимости Насера, они, за спиной крестоносцев, вели с ним предательские переговоры, рассчитывая на милость

Узнав о его намерениях, папа Иннокентий объявил крестовый поход. Набатный звон церковных колоколов собирал крестоносцев на великую битву и они, не страшась смертельной опасности, шли в Толедо, столицу Кастилии, объявленную местом сбора христианской армии. Архиепископ был мрачен. Его душу тяготила подлая измена королей Леона и Наварры, отказавшихся принять крест. Уверенные в

непобедимости Насера, они, за спиной крестоносцев, вели с ним предательские переговоры, рассчитывая на милость халифа, который сокрушив Альфонса, не тронет их небольшие королевства .

«Глупые надежды,-говорил мне архиепископ.- Враждебность сарацин предсказана ангелом Господним, возвестившим беременной Агари, что Измаил, сын, носимый в её чреве «будет, между людьми как дикий осёл. Его руки будут на всех, а руки всех на него».5 Ныне предсказание сбывается и агаряне вознамерились уничтожить народ Иисусов . Но не допустит этого Господь, ибо сказано Им: « отмщу врагам Моим и ненавидящим Меня воздам, умою стрелы Мои кровью и меч Мой насытится плотью.. убитых и пленных.»6

Архиепископ замолчал и, вдруг, воодушевлённый библейскими словами, воскликнул: «Господи, дай мне силу для справедливого возмездия нечестивцам и их пособникам».

«Господин Арнольд,-решил я осторожно перевести наш разговор в более спокойное русло,- вы меня удивляете».

«Чем же, сын мой?»

«Своим отношением к нашим врагам. К еретикам вы всегда беспощадны. К сарацинам же бываете снисходительны, а иногда даже благоволите.»

«Э, Мишель, - вопросительно взглянул на меня архиепископ,- Да ты никак сочувствуешь альбигойцам ?»

«Нет, что вы, ваше преосвященство,-- забеспокоился я, сразу же почувствовав разницу между собой и легатом его святейшества папы римского,- я думаю, что мавры – наши исконные враги, заслуживающие того же, что и катары .»

«Тут ты не прав, сын мой,- миролюбиво произнёс архиепископ и у меня отлегло от сердца,- все люди грешны перед Богом, но не всех следует мерить одною меркой,

Сарацины, от набегов которых вот уже много веков страдают христиане, рожают в их душах, кроме ненависти к ним , ещё и любовь к матери нашей римско католической церкви, благословляющей своих верных сынов на святое дело защиты от мусульманских вторжений. Кто обнажает оружие во имя веры, учит преподобный Иоанн Кассиан7, возможно, не заслуживают одобрения, но, несомненно, заслуживают любви .

Как видишь, Мишель, мусульмане, как бы это тебе не показалось странным, укрепляют христианский дух и нашу церковь.

Что же касается еретиков, то они богоотступники и предатели, колеблющие устои веры и государства. Они плетут нити заговоров и зовут к мятежам . Воистину они - выкормыши сатаны и десница Господня занесена над ними.»

Его преосвященство сделал паузу и, остановив лошадь, приказал

шагающему поодаль копейщику принести воды. Солдат повернулся и громко закричал: « Воды его преосвященству!».

Из повозки, запряженных парой низкорослых лошадей, еле-еле ползущих в полусотне туазов от нас тут же выскочил коренастый паренёк и бросился выполнять приказание. В левой руке он держал за вытянутое горлышко круглый шар кожаного меха с водой, а в правой - большую оловянную кружку. Поравнявшись с нами, он остановился, наполнил её водой и с поклоном протянул архиепископу.

Арнольд осушил её несколькими глотками и показал на меня пальцем. Юноша снова поклонился и налил мне. Вода была превосходной, наверное, недавно набранной из горного источника. Растягивая удовольствие , я медленно тянул её из кружки .

В голове у меня вертелся один вопрос, который я всё не решался задать архиепископу. Почему альбигойские «совершенные», подобно епископу Поликарпу⁸ и лионским мученикам⁹, между костром и отречением от своей веры, всегда выбирали косёр?

В конце концов, я не утерпел и поделился занимающими меня мыслями с архиепископом .

«Ириней,¹⁰- не упустил я возможность щегольнуть своей учёностью,- говорил, что только человек глубоко верящий в свою правоту , может без страха взойти на эшафот, ибо казнь для него - ступень в Царствие Небесное».

Моё глубокомысленное замечание ожидаемого впечатления на архиепископа не произвело.

«Человек, не дорожающий своей собственной жизнью, опасен для окружающих,»¹¹- весьма неопределённо прокомментировал его преосвященство суждение знаменитого богослова. Ответ Арнольда мне показался довольно странным, но я, благоразумно вспомнив о том, что праздное любопытство почти что ересь, переспрашивать не стал. Время досужих разговоров, коими всегда полна дальняя дорога, истекло. Архиепископ, свернув за крутой поворот, остановился. Привстав на стременах и показывая вниз вытянутой рукой, он устало проговорил: «Слава Богу,ужинать будем в Сарагосе.»

Я посмотрел туда, куда указывал архиепископ и увидел вдалеке, устремлённую в небеса узкую громаду собора Ла Сео. Его тонкие шпили тревожно блестели в лучах заходящего солнца.

Примечания к главе 35

1.Диспуты с участием мусульманских учёных и теологов не были редким явлением. В соседней Испании,где мусульманская культура порой оттесняла христианскую на задний план, они были самым обычным делом.Епископ Альваро Кордовский(9в.) жаловался на своих единоверцев: «Многие из христиан читают стихи и сказки арабов,изучают сочинения их философов и богословов. Где теперь найдётся хоть один, ктоумел бы читать латинские комментарии на Священное Писание?Кто среди них Изучает Евангелия,пророков и апостолов?Увы!Все христианские юноши знают язык

И литературу арабов, читают и изучают арабские книги, тратят огромные суммы, чтобы составить мусульманские библиотеки. О горе! Христиане даже забыли свой язык и едва найдётся один из тысячи, кто сумеет написать приятелю сносное латинское письмо.»
Подробно можно прочесть об этом в книге академика И.Ю.Крачковского «Арабская культура в Испании» М, 1937 г.

2. Дороги в Пиренеях были проложены по приказу римского сената для переброски войск в Лузитанию (совр. Португалия) во время Вериатовой войны (150-140 г. г.), названной так по имени Вериата, руководителя сопротивления римскому вторжению.

3. Альфонс 8-король Кастилии (1185-1214 г. г.)

4. Мухаммад-ан-Насер-халиф в государстве альмохадов с 1199 по 1214 год.

5. Бытие, 16:12.

6. Второзаконие, 32:41:12.

7. Иоанн Кассиан Римлянин-Раннесредневековый церковный писатель, один из отцов церкви, почитаемый как католиками, так и православными, отмечающими 13 марта Кассьянов день.

8. Поликарп (69-155 г. г.)-епископ Смирны, лично знавший Иоанна и других апостолов. Был сожжён за отказ присягнуть императору Антонину Пию. Перед смертью он сказал, что у него один государь-Господь Иисус Христос. Очевидцы казни уверяли, что видели Как из обуглившегося трупа 86-летнего старца вылетела его праведная душа, превратившаяся в белую голубку.

9. Лионские мученики-общее название первых христиан, претерпевших жестокие муки в Лионе в конце царствования римского императора Марка Аврелия.

10. Ириней (135-202 г. г.)-епископ Лиона, один из первых отцов церкви. Главное произведение-«Против ересей»

11. Так считал святой Амвросий Медиоланский (340-397 г. г.), один из наиболее известных отцов церкви, епископ Милана, автор ряда богословских сочинений, реформатор хорового церковного искусства

ГЛАВА 36 УЖИН В САРАГОСЕ

Плодоносные долины Галльего и Иаллона, изобильно орошаемые полноводной Эбро, образуют сказочной красоты равнину, где в окружении апельсиновых рощ раскинулась неприступно-прекрасная Сарагоса, древняя столица мавританских эмиров.

Её твердыни были несокрушимы, а защитники бесстрашны. В жестоких битвах под её стенами сложили головы тысячи храбрых воинов Кастилии и Арагона, но водрузить христианские стяги на мусульманских бастионах не удавалось в течении столетий. Но надежда вернуть себе город, где некогда жил апостол¹, написавший здесь «Историю о рождении Марии», не оставляла христиан никогда. Четыреста лет она оставалась несбыточной мечтой, ибо даже объединившись, короли Леона, Кастилии и Арагона, не смогли осилить сарагосского эмира Мостаина²-наследственного врага испанских владетелей.

Тогда Альфонс Батальядор попросил подмогу у единоверцев за Пиренеями. Ему на помощь пришли рыцари со всей Аквитании. На этот раз мавры не выдержали христианского натиска и Сарагоса³

сдалась на милость победителей. Вдохновлённый одержанной победой, Альфонс обрушился на владения мусульман в Андалузии. Его армия насквозь прошла мусульманские земли и, искупавшись в тёплых водах пролива,⁴ торжествующей вернулась в Арагон.

За ней следовал огромный караван верблюдов, лошадей и мулов, нагруженных мешками с золотом и драгоценностями, а за ним тянулась бесконечная череда пленных. Если бы не внезапно налетевшая чума, унёсшая на обратном пути жизни почти всех знатных рыцарей, королевский поход был бы поистине триумфальный.

Размышляя таким образом, я выезжал в арагонскую столицу, где нас должен был ожидать доблестный король благородный дон Педро, о воинственных предках которого я недавно вспоминал.

Однако он нас не дождался. Со всеми своими рыцарями, он отправился в Толедо⁵, куда его попросил срочно прибыть его высочество король Кастилии Альфонс Восьмой⁷.

Нас встретил доверенный дон Педро граф Диего Гомес де Эррера. Он сообщил нам об извинительных обстоятельствах отъезда короля и отдал необходимые распоряжения по нашему размещению.

Архиепископ с телохранителями занял некогда принадлежавший знатному мавру большой белый дом, вокруг которого был разбит фруктовый сад, окружённый высокой альборрадой.⁸ Было уже темно, когда три десятка приближённых архиепископа, закончив приготовления к ночлегу, собрались на ужин.

Мы расселись за длинным столом, стоявшем под апельсиновыми деревьями между журчащими мраморными фонтанами и покрытым белой скатертью с золотой бахромой.⁹ Его освещало яркое пламя, ровно горевшее в глубоких чёрных чашах из толстого венецианского стекла. Все с вожделением поглядывали на серебряные кувшины, полные красного вина, разноцветные деревянные блюда, на которых в окружении копчёных каплунов, лежали зажаренные целиком поросята и огромные вазы, переполненные виноградом и фруктами. В ожидании благословения архиепископа, рыцари молчали, не притрагиваясь к пище и вину.

Арнольд вышел из дома в сопровождении графа Диего и, подойдя к столу, окинул взглядом присутствующих. Найдя меня, он жестом пригласил занять место рядом с ним. Я встал с боковой скамьи и пересел во главу стола, на стул с высокой спинкой и плоскими подлокотниками.

Его преосвященство прочитал *Te Gratias*¹⁰ и перекрестил сидевших.

Все облегчённо вздохнули и потянулись к вину, а осушив кубки, начали рвать на части жирных каплунов. Утолив первый голод, вновь выпили и, как водится, перебивая друг друга, весело и шумно заговорили о доблестях, о подвигах и славе, но больше об охоте и игре в кости. От выпитого вина приятно кружилась голова. Я смотрел в тёмно-синюю высоту ночного неба, сплошь усеянного яркими

блестками звёзд и думал о том, что, может быть, на одной из них, моей бессмертной душе уготована вечная жизнь.

Возможно, что там не хуже, чем в раю, а если верить еретикам, то намного лучше. Потому что обитателям рая обратный путь в этот мир заказан навсегда. Со звезды же душа может вернуться и, поселившись в тельце младенца, только-только появившегося на свет, прожить на земле ещё одну плотскую жизнь. И проделывать это можно снова и снова. Совсем недурно, чёрт возьми.

«Тебе совсем нельзя пить,- вдруг я явственно услышал внутри себя укоризненный голос.- Что будет с тобой после второго кубка, если после первого ты сразу же впал в ересь. Молись, дабы избавить свою душу от греха сомнения».

«Пить мне точно нельзя,- согласился я, не став спорить с самим собой.- А помолиться никогда не вредно .».

«Господи, не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым,»¹¹- начал было я, широко перекрестившись.

«Что заставляет тебя, сын мой, в час веселья осенять себя крестным знамением?»-недоумённо осведомился сидящий рядом архиепископ, тронув меня за плечо.

Я не нашёлся, что ответить.

«Не хочешь- не говори,- сказал Арнольд,- ты ведь не на исповеди».

Архиепископ разлил вино в тяжёлые чаши на высоких ножках:

«Да поможет нам Господь одолеть сарацин в честном бою»

«Хотя,-дабавил он, ставя на стол выпитую чашу и взяв с тарелки изрядный кусок хамона,¹² an dolus , anvertis, quis in hoste requirat*

Рыцари, услышав звучную латынь и решив, что это слова молитвы, все,как один, дружно перекрестились и сказали «Amen».

Арнольд и я одновременно рассмеялись.

Вино оживило архиепископа и он пребывал в прекрасном настроении.

«Мишель,- обратился ко мне его преосвященство,- я надеюсь, что ты согласен с тем, что ужин в саду располагает к приятной беседе куда больше, чем жесткое седло усталой лошади. Потому я предлагаю тебе продолжить наш весьма интересный разговор, прерванный пребыванием в Сарагосу.»

«Я весь внимание, ваше преосвященство»,- ответил я, склонив голову.

«Вот и прекрасно,- начал прелат.-Ты считаешь, сын мой, что катары, битвы с которыми идут в Лангедоке, заслуживают к себе такого же отношения, как и сарацины, сражения с которыми нас ждут в Испании?»

«Да, ваше преосвященство,- кивнул я,- те и другие заклятые враги матери нашей римско- католической церкви, а с её врагами не следует церемониться.».

«Несомненно, Мишель, несомненно. Но не следует смешивать врагов внешних и врагов внутренних. Первые могут стать друзьями, вторые же - никогда.

Сарацины- чужестранцы и иноверцы, с которыми, как с добрыми соседями, следует жить в мире, не навязывая им своего и не принимая чуждого нам.

Что из того, что обычай Ламеха¹³ не прижился у христиан, а наша привязанность к вину и свинине запретна для мусульман? Различий между нами превеликое множество. Но это совершенные пустяки, ибо

---

*Хитрость и храбрость равны на поле боя.(лат.)

мы одинаковы в главном: почитании Единого Бога и земной власти, исходящей от Его воли.

Еретики же, живущие рядом с нами, не заслуживают никакого снисхождения, ибо они, однажды предавшие Господа нашего Иисуса Христа во имя дьявола, продолжают губить человеческие души, закрывая от них свет евангельских истин завесой лживого учения, порочащего церковь и установленные законы.»

Архиепископ замолчал, разлил по чашам вино и, выпив, продолжал :

«Ныне еретики вошли в такую силу, что сумели собрать целые армии и с оружием в руках подняться на мать нашу римско-католическую церковь. А виновато в этом наше христианское милосердие. Двести лет катары беспрепятственно изливали мерзкую хулу на римского первосвященника¹⁴ и верных слуг его, смиренно увещевавших богоотступников одуматься и прибегавших к костру и бичеванию лишь тогда, когда перенести святотатства уже не было сил.

Но редкие пастырские наказания только распаляли еретиков. Ныне они подняли смуту и с оружием в руках вознамерились свергнуть власть римских пап, первым из которых был сам святой апостол Пётр, за верность Господу распятый вниз головой в садах Нерона, на Ватиканском холме¹⁵.

Вместо апостолического престола хотят презренные катары утвердить в Риме трон Вельзевула, на который воссядет их патриарх, скрывающийся в лесных чащобах Румелийских гор¹⁶. Знать Лангедока способствует замыслам сатаны. Мне хорошо известны имена изменников и- знает Господь- недалёк час расплаты.

Их подлым планам не суждено сбыться. Им никогда не достанутся земли и богатства католических монастырей и они не избавятся от уплаты латеранского гроша¹⁷. Корыстолюбие, а не любовь к вечно голодным «совершенным», падающих в обморок от случайного прикосновения женщины, заставляет тулузских еретиков сражаться с крестоносцами.

Продав душу дьяволу, они сбиваются в хищные своры и, как взбесившиеся псы, рыщут повсюду в поисках жертв, а находя их, купаются в крови католиков.

Но таких, слава Богу, не много. Остальные же, как и все люди, приспособляются к обстоятельствам, меняя свою веру также легко, как пророк Тересий¹⁸ свой пол. Сегодня торжествует Монфор и они

бьют поклоны в церкви. Завтра победит Раймунд и они откажутся от всех своих прежних клятв и обещаний¹⁹. Но вреда от них неизмеримо больше, чем от пары тысяч обезумевших фанатиков. Потому что они народ. Целый народ, забывший Бога и рукоплещущий унижению священнослужителей католической церкви.»²⁰

Архиепископ остановился, вынул из рукава рясы свернутый в трубку лист бумаги, перевитый тонким шёлковым шнурком и протянул его мне: «Вот, Мишель, можешь прочесть рулады некоего Жака Монрезора, молодого балбеса из Нима»²¹. Я развязал шнурок, расправил бумажный лист и быстро пробежал глазами сервенту, разгневавшую его преосвященство:

«Послушайте, свободные граждане города Нима, и вы убедитесь, что в том, о чём я пою нет ни единого слова вымысла.

Сервенту эту тот сложил,
Кто на земле недолго жил
Он выпил злую чашу.
Ты слышал песню нашу?
Дают реликвии доход
А главное- в церквах идёт
Продажа индульгенций²² бойко
Грехи, плати- вот это дойка!

Толпа церковников жадна
Привыкнув грабить издавна.
Живя бессовестным обманом
Церковник ловко лжёт мирянам
За мощи выдав зуб быка
Он им притронется слегка
К болящему- и дань берёт
Страдает от попов народ.»

В Лангедоке правда померкла, благочестие изгнано, вера осталась в Иерусалиме, а добродетель пошла по миру. Осталась одно терпение да и то скоро лопнет.»

«За такую писанину не грех и с палачом познакомиться», - сказал я, возвращая свиток архиепископу.

«Вот и я сначала решил его повесить,- в раздумье проговорил он,-но в конце концов, по случаю дня святого Мартина²³, решил оставит парня в живых, хотя в этот день его казнь была бы вполне уместна. Мои люди просто хорошенько высекли дерзкого негодяя и оставили лежать на булыжнике городской площади, мокром от его мочи и крови.»

Архиепископ замолчал. Он не был злым человеком и,если позволяли обстоятельства, старался избегать суровых наказаний. Однако издевательские куплеты распевавшего их молокососа вывели его преосвященство из себя и с паренька при всём честном народе спустили штаны.

«Терпение моё лопнуло, так же как и поганая шкура на спине гнусного стихоплёта. Думаю, что теперь он будет с подобающим почтением относиться к католическому клиру.»

Арнольд умолк и снова выпил.

«Видишь ли, Мишель, - наставительным тоном продолжил он свои рассуждения,- хотя блаженный Августин сравнивал невежественный

народ с шайкой окаянных и считал его по своей природе склонным ко всяким мерзостям, сам по себе он не опасен. Простолюдинов вполне можно обучить правилам приличного поведения для их же блага. Но когда среди сервов, вилланов и ремесленников появляются бойкие на язык говоруны, вроде нимского фигляра, жди беды. На этом свете есть четыре вида крикунов, которых трудно заставить замолчать. Это коммуна мужиков, спорящие женщины, стадо хрюкающих свиней и несогласные между собой каноники. Вторые смешны, третьи презренны, но да избавит нас Господь от первых и последних! Они разжигают костёр ненависти между сословиями от искр которого разгорается пожар внутренней войны.

«Conflata magna invidia seu bene seu male gesta premunt»*

Народ, ещё вчера, кроме работы в поле ни о чём более не помышлявший, сегодня, взбудораженный речами смутьянов о божественной бедности апостолов и богоугодным равенстве, захватывает замки и монастыри.

Начинаются убийства и грабежи, остановить которые можно только силой.»

«Так что, Мишель, - вздохнул его преосвященство, - все еретики суть разбойники и справедливо заслуживают смерти. В некоторых случаях, в отношении знатных особ, вполне достаточно строгого покаяния. Прочие же никакого снисхождения не заслуживают. Что же касается сарацин, то они не многим отличаются от нас тобой, Мишель. Трон своего халифа они так же чтут, как мы с тобой престол папы римского. С ними надо торговать, а не воевать. Но и война с ними выгодна церкви Спасителя, ибо для отпора врагу, она, как я уже тебе говорил, объединяет свою паству в единое целое, тогда как еретические смуты, сея раздоры, наносят глубокие раны

Телу Христову.»²⁴

Я недоумённо воззрелся на своего патрона.

«Не удивляйся, сын мой, - невозмутимо продолжал он. - Я не оговорился, а ты не ослышался. У христиан и мусульман много общего. Только понять это могут люди сведующие в книжной премудрости, разбирающие установления обеих религий без тупого фанатизма, нетерпимого в неспешных размышлениях о великих религиях.

К такому выводу пришёл я после памятного для меня нарбонского диспута.

Дон Педро, в честь своего знаменитого гостя, излечившего его от ноющей боли в спине, дал большой пир. Он запомнился мне не диковинными яствами и лившимся там рекой драгоценными рейхани и кутраббулем²⁵, а временем проведённым в обществе просвещённого собеседника, к тому же подарившего мне весьма поучительную книгу. Называется она «Воскрешение наук о вере».²⁶ Аль Араби перевёл её на латынь по просьбе парижского епископа Эда²⁷, с которым он от случая к случаю обменивался письмами. Я не хотел оставить преподобного Эда без редкого подарка и приказал переписать книгу факиха, а затем со специальным гонцом отправил её ему в Париж, в монастырь святой Женевьевы. Вскоре Эд её получил. На него она произвела такое

впечатление, что он, человек, ранее мне незнакомый, написал мне несколько весьма обширных посланий, содержание которых сделало нас большими друзьями. Ознакомившись с «Воскрешением наук о вере», могу сказать, что я во многом согласен с написавшим её мудрейшим улемом, её написавшим. Как, впрочем, и с мыслями, коими поделился со мной сам аль-Араби в устной беседе. Если ты хочешь, мы можем их обсудить?»

---

*Если возникает большая ненависть, хорошие ли, плохие ли дела-гнетут(лат.) «Конечно, ваше преосвященство, - ответил я - мне всегда по душе учёные беседы».

*****

«Аль Араби, как и блаженный Августин, считает особо трудным вопрос соотношения бессмертной души со смертным телом, ибо она, заключённая во плоть, всегда от неё страдает. Тело- источник греха- непостижимым образом способно подменить благие порывы человеческой духа соблазнительными картинками возбуждающих пороков, ослепляющих даже праведников. Те, кому удаётся побороть дьявольские наваждения, получает в награду спокойствие души и желание навсегда отрешиться от мирской суеты. Не об этом ли говорит Аврелий Августин в своей «Исповеди»?

Также как и он, Аль Араби считает, что найти необходимое равновесие между душой и телом может только сам верующий путём глубоких размышлений над Священным Писанием, посещением Божьих храмов и исполнением предписанных ритуалов. Всё это верно и спорить здесь не о чем.

Согласен я также с сарацинским богословом и в том, что знания в нашем мире разделены Творцом с начала времён. Для тех, на ком лежит Господня благодать- сокровенное, остальное - для всех прочих. Так же обстоят дела и с имуществом. У некоторых его избыток, а у других его мало или нет совсем . В Святых книгах обеих религий отношение к этому одинаковое: имущественное уравнивание есть смертный грех перед Богом.

Сказано в Библии: кто в каком звании призван перед Господом, тот должен в нём и оставаться.²⁸ Написано в Коране: «мы одним дали преимущество над другими».²⁹ Духовный долг избранных применять мудрость в повседневных делах на благо тех, кому предназначено следовать их наставлениям.

От народа надо требовать исполнения существующих законов, а не обсуждения священных книг, содержание которых до них доходит в пересказах проходивцев, шарлатанов и душевнобольных. И здесь я не нашёл ничего, противоречащего христианству, ибо сказано в Писании: «Остерегайтесь производящих разделения и соблазны вопреки учению, которому вы научились»³⁰

Архиепископ пожевал губами, глубоко вздохнул и вновь процитировал Коран³¹:

« Не препирайтесь с обладателями Книги³², и говорите мы уверовали в то, что ниспослано нам.» И это совершенно верно, ибо непозволительно обсуждать начала веры. Сказано: «Блаженны не видевшие и поверившие».³³ Разум должен замолкнуть когда говорит Господь. Паства не способна уразуметь смысл, скрытый за образами Священных Писаний.

Они должны просто верить и в этом их счастье. Вносящих смуту в душевный покой приходящих в храмы, следует сурово наказывать, ибо они по воле лукавого ведут народ к гибели, а государство к разрушению. И в Коране упомянуто, что «дьяволы из людей и джиннов внушают друг другу обольщение» ³⁴ Об этом говорил мне премудрый аль Араби, ссылаясь при этом на некоего аль - Бухари³⁵, чьё имя он проносил с большим почтением. Так что, Мишель, сарацины тоже не жалуют своих еретиков. ».

«Да, ваше преосвященство,- поддержал я архиепископа,- не жалуют. Один мой добрый знакомый, большой книголюб, побывавший в далёких странах, рассказывал мне о том, как одному весьма известному жителю Багдада, отрубили голову только за то, что он во сне посмел назвать себя Богом. Звали этого горожанина аль Халладж³⁶. Он, как никто другой, овладел запретным искусством выхода из собственного тела и, в поисках истины, часто его покидал.

Однажды, сидя под пальмой на берегу реки, он спал с открытыми глазами и время от времени громко произносил: « Верьте в меня, ибо я есть истинный Бог .». Его слышали и он оказался на эшафоте.

И ещё сообщил мне мой учёный друг о кровопролитии, устроенной еретиками в священном мусульманском городе и об ужасной каре, постигший вождя других святотатцев, осмелившегося восстать против самого халифа.

« А как это было?- заинтересовался архиепископ.

« Как вы знаете, ваше преосвященство,- начал я- священным городом мусульман

является Мекка Аравийская. Там находится храм Кааба³⁷, в котором хранится чёрный камень, считающийся воплощением самого Аллаха.

Каждый верующий в Него хотя бы раз в жизни должен посетить этот храм и прикоснуться к великой святыне.

Так вот её, после захвата Мекки и осквернения святого источника, называемого Земземом, увезли с собой еретики, именовавшие себя карматами³⁸.

Много крови пролилось для того, чтобы чёрный камень вновь оказался на своём месте.

Что же касается врага халифа, то его звали Бабек. Он был храбр, умел управлять войсками, а многочисленные еретики хураммиты³⁹ поддерживали его .

Подобно презирающим Библию альбигойцам, он презирал Коран, убивал священников в мечетях и разрешил всё запрещённое пророком.

Простолюдины верили ему, как самому Богу и тысячами стекались в его лагерь. Много лет Бабек⁴⁰ одерживал победы, но в конце концов был разбит, взят в плен и предстал перед халифом Мутасимом⁴¹. «Сын собаки,- сказал ему халиф,-зараза твоих мыслей отравила здоровое тело моей державы и принесла смерть множеству моих подданных. Слова, которым научил тебя Иблис⁴², увели правоверных с дороги верности и привели их в тупик гибели. Ныне для тебя наступил день возмездия, ибо предать тебя мучениям- сама мудрость, а казнить - наивысшая справедливость ».

И приказал халиф отрезать пленнику руки и ноги.

Когда Бабека лишили одной руки, у него изменился цвет лица. Тогда он наполнил ладонь другой кровью текущей из плеча и вымазал ею свое лицо.

«Зачем ты это делаешь?- спросил его владыка сарацин.

«Затем, что бы свидетели моей казни, не говорили потом, что я побледнел от страха перед смертью,- ответил мужественный еретик.

«Ты хочешь, слуга шайтана, остаться святым героем в памяти одураченных тобой людей, не знающих, что ты - гнусный предатель, обещавший императору Рума перейти в его веру и под его руку, если он даст тебе армию для продолжения войны со мной. Но смерть твоя запомнится людям не твоею стойкостью, а казнью, которой я тебя предаю за твои грехи перед Аллахом».

Бабек был зашит в сырую бычью шкуру так, что оба её рога пришлись ему к заушным впадинам и был повешен высоко над землёй на кривом суку высохшего дерева. И так он висел, пока не умер в страшных мучениях в ссохшийся шкуре быка, заживо съеденный червями».

Страшный конец моего рассказа его преосвященству весьма понравился.

«Воистину этот Бабек заслужил своё наказание,-одобрительно отозвался архиепископ о приговоре халифа.-и я,клянусь Спасителем,точно также поступлю с Сикардом, Аймериком и Гильпертом⁴³,если Господу будет угодно отдать их в мои руки.».

Видимо, хорошо себе представив этот момент, прелат улыбнулся и неожиданно спросил:«А как имя твоего учёного друга, знающего столь назидательные примеры воздаяния за преступления богоотступничества? »

«Его зовут, ваше преосвященство, отцом Бенедиктом, а прозвище Поляк. Он, так же как и вы,верный слуга святого престола весьма высокого ранга. Какого точно, я не знаю. Мы познакомились с ним в аббатстве Фонфруа, куда он привёз грамоту о назначении брата Петра де Костельно легатом его святейшества папы Иннокентия в Тулузском графстве и провели с ним вместе семь дней.»

«Я знаю это имя,- архиепископ с удивлением взглянул на меня.- Отец Бенедикт-один из самых влиятельных людей из ближайшего окружения папы, хотя он не кардинал и даже не архиепископ, а всего лишь нунций, посланник по секретным делам. Он постоянно в разъездах, поэтому я, как ни старался, так и не смог нанести ему визит и

засвидетельствовать своё почтение»

Арнольд ещё раз внимательно посмотрел на меня и укоризненно произнёс:

«Я не знал, друг мой, что у тебя столь высокие покровители. Может быть ты попросишь благоволящего тебе отца Бенедикта, чтобы он помог скромному архиепископу получить титул герцога Нарбона. Я думаю, что для него это не составит труда. Знающие люди говорят, что единственный человек, которому его святейшество никогда не отказывает- это отец Бенедикт. Возможно потому, что он никогда ни о чём не просит. По крайней мере, письменных прошений в папскую канцелярию от него не поступало. Я полагаю, что несколько его слов, сказанных папе будет достаточно для того, что бы мою голову украсила герцогская диадема.. Разумеется, Мишель, твоё ходатайство будет оценено по достоинству.»

«Ваше преосвященство,- совершенно искренно воскликнул я -для вас я сделаю всё, что в моих силах. Но я не знаю, когда мы встретимся с отцом Бенедиктом и встретимся ли вообще когда-нибудь. Мне неизвестно, где он находится и как его искать.»

«Поиски его предоставь мне,-обрадованно рассмеялся Арнольд.- А сейчас пора спать. Утром мы выступаем. До Толедо путь не близкий.» Его преосвященство дружески похлопал меня по плечу, поднялся из-за стола и направился в дом. Я последовал его примеру. Пир вокруг нас был в самом разгаре и на наш уход никто не обратил внимания

Примечания к главе 36

1.Иаков.

2.Эмир Мостаин правил в Сарагосе в конце 11века.

3.Взятие Сарагосы произошло в 1118 году.

4.Гибралтара.

5.Толедо был столицей Кастилии.до16 века.

6.К королям Кастилии и Арагона,в отличии от других европейских государей, было принято обращение «ваше высочество». Обращение «ваше величество» вошло в официальный протокол после брака Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского в 1479 году..

7.Альфонс8-король Кастилии в 1185-1214г.г.

8.Альбаррада-стена,сложенная из камней нескреплённых между собой известью.

9.В Испании скатерти ввели в быт мавры ещё в 8 веке.Тогда как первое упоминание о скатерти в Европе относится к середине 13 в, ко времени Людовика Святого(1215-1270г.г).

10.Te Deum-католическая молитва перед обедом.

11.Псалом,140:4.

12.Хамон-вид окорока.

13.Обычай Ламеха-многожёнство.Библейский патриарх Ламех,отец Ноя, был первым человеком имевшим две жены.(Бытие,4:19.).

14.Впервые слово катары упомянуто в южнофранцузских хрониках в 996 году.

15..Об этом факте сообщает известный церковный писатель 2 века Ориген,добавляя, что о распятии вниз головой попросил сам святой Пётр,так как он,по его мнению, был недостойн такой же казни как Гоподь Иисус Христос.

16.Румелийские горы-горные местности на юго-западе Балкан.

17.Латеранский грош-церковная десятина.

18. О способности пророка Тересия менять свой пол сообщает греческий писатель-сатирик 3 века Лукиан в своей книге «Разговоры в царстве мёртвых», хорошо известной в Европе в 11-13 в.в.
19. Вероучение альбигойцев запрещало давать какие-либо клятвы и обещания.
20. Имеется ввиду население Лангедока и Прованса, большинство которого были еретиками.
21. Ним-город в Лангедоке, недалеко от Авиньона.
22. Индальгенция-в католической церкви полное или частичное отпущение грехов, а также письменное свидетельство об этом. Торговля индальгенциями процветала в 12-13 в.в.
23. Праздник святого Мартина отмечался в католической Европе 11 ноября. По традиции в этот день в средневековой Франции крестьяне начинали резать свиней.
24. Тело Христово-церковная организация во всей её совокупности.
25. Рейхани и кутрабуль-сорта очень дорогих восточных вина с добавлением редких пряностей и рейхана, благовонной травы, одного из видов базилика..
26. «Воскрешение наук о вере» («Ихйа улум ад-дин»)- книга, автором которой является один из самых знаменитых суфиев Абу Хамид Мухаммад Газали(1058-1111г.г.). Широкообразованный учёный, он был сановником при дворе сельджукских султанов и преподавателем в медресе «Низамийя» в Багдаде и Нишапуре. Продолжатель идей Фараби и Ибн-Сины, Газали считал, что основой познания является интуиция, а основой религии- любовь к Богу. Последние годы провёл в суфийской обители в Тусе, где и умер, окруженный немногочисленными учениками.
27. Эд-парижский епископ(2-ая половина 12-первая треть 13в.в). Один из основателей Парижского университета. В 1207 году он организовал студенческие коммуны при монастырях святой Женевиевы и святого Виктора.
28. 1Послание коринфянам, 7:24.
29. Коран, сура 17, аят 22.
30. Послание римлянам, 16:17
31. «Обладатели Книги»-мусульманское духовенство.
32. Коран, сура 29.. Среди прекрасно образованных южнофранцузских и испанских прелатов знание Корана было довольно редким, но далеко не уникальным фактом. Ещё в тысячном году монах Герберт из аббатства Ориньяк(будущий папа Сильвестр 2), несколько лет слушавший лекции арабских учёных в Каталонии и Андалусии, перевёл Коран на латынь дабы католические иерархи смогли ознакомиться с мусульманским вероучением. Известно также, что император Священной Римской империи и сицилийский король Фридрих 2 Гогенштауфен(1194-1250г.г) читал Коран в оригинале и часто цитировал его на приёмах послов из исламских стран и в своих посланиях к восточным монархам.
33. Евангелие от Иоанна, 20:29.
34. Коран, сура, аят 112
35. Имеется ввиду Мухаммад ибн-Исмаил аль Бухари-знаменитый среднеазиатский богослов, подготовивший вторую, после Корана, вероучительную книгу ислама «Аль-Джами ас-Саких»-сборник хадисов(рассказов) о деяниях, поступках и изречениях пророка Мухаммеда. Всего таких сборников, признанных каноническими, шесть. Сборник ал-Бухари Самый авторитетный из них.
36. Аль-Халладж-известный мистик 9-10 веков. Один из предсавителей багдадской школы суфиев, создавший учение о «фане»-растворении души суфия в Боге, которое ведёт к «бака»-вечности бытия. Казнён в 922г.
37. Кааба-мусульманский храм в Мекке, место паломничества верующих. В одну из его стен вмурован Чёрный камень, главная святыня мусульман, во время посещения храма правверным надлежит касаться его рукой или губами.
38. Карматы-еретическая секта, близкая по своим идеям к маздакитам. В 930 году карматы из Бахрейна захватили Мекку, перебили её жителей и увезли с собой святыню ислама

«чёрный камень» из храма Кааба В 9-11 в.в. на Востоке словом «кармат» определялось общее понятие «еретик».

39.Хурамиты(хурамдинцы)- еретическая секта,получившая широкое распространение в Иране и Азербайджане.Её основала Хуррама, жена Маздака которая спаслась при разгроме маздакитов и продолжала проповедовать идеи маздакизма.Сильные в военном отношении, хурамиты вели многочисленные войны с Арабским халифатом, хураммиты представлял реальную угрозу существованию ислама

40.Восстание Бабека продолжалось более 20 лет,с 816 по837г.г.

41.Халиф Мутасим правил с 833 по 842г.г.

42.Иблис(араб.)-дьявол.

43.Сикард,Гильберт и Аймерик-«совершенные», известные проповедники-альбигойцы в начале 13 века.

ГЛАВА 37 КОРОЛЕВСКАЯ РЕЧЬ

Солнце палило немилосердно. До Толедо оставалось два дневных перехода. По три человека в ряд, одетые в железо, французские пехотинцы, со щитом спиной, длинными копьями на плечах и коротким мечом у пояса, за медленно и тяжело шагали узкой и пыльной дорогой, теснимой с обеих сторон невысокими холмами, покрытыми густым кустарником.

Рыцари, окружавшие архиепископа, в такт мерной поступи своих лошадей, слегка покачивались в седлах, клевали носом и казались уснувшими. Я ехал рядом с его преосвященством и тоже дремал. Но вот холмистая местность сменилась равниной и вялость, вызванную жарой и скукой, как рукой сняло. Рыцари наперебой предлагали легату составить авангард и завтрак вечеру прибыть в столицу Кастилии и там подождать уставшее войско. Долго его уговаривать не пришлось. Черепаший шаг, ему, также как и всем, изрядно надоел. Он отдал необходимые распоряжения барону Анри де Моренну и инфансону1 Санчо де Овиедо и сотня рыцарей во главе с его преосвященством пустили своих коней в галоп.

Звения сталью доспехов, мы проскакали мимо устало бредущих копейщиков и, обгоняя друг друга, понеслись к узкой полоске сиреневого горизонта. Сколько лет прошло, а я и сейчас помню пряный запах свежескошенной травы и невинную красоту белых цветов, чувствую упругость встречного ветра и ощущаю удивительную радость, переполнявшую меня, летящего на своей легконогой валенсуэле.2Мне казалось, что спешу я не на кровавую битву, а в сладостные объятия прекрасной баронессы де Вийон, где я обрету бессмертие.

Вокруг нас, по волнистым косогорам, бежали изумрудные линии виноградников.

Последние лучи заходящего солнца отражались на золотых узорах рыцарских панцирей, когда вдалеке показались тонкие шпили церквей и соборов Толедо.

С неба спускался прохладный поток прозрачно- бирюзового воздуха, смешавшегося с сероватым дымом пастушеских костров. Лёгкие сумерки, окрашенные в прозрачно-алые цвета заката, придавали окружающей нас картине неповторимый оттенок притаившейся печали.

Столица Кастилии стояла на холмистом правом берегу неширокой плавно – текущей Тахо. Островерхие пёстрые кровли, зубчатые стены Пуэрто дель Соль и две треугольные башни на воротах Биагра Нуова, словно расступались там, где возносились к небесам латинские кресты церкви Санта Мария- ла – Бланка.

Воины, стоявшие на стенах цидатели, заметили отряд скачущих рыцарей и доложили о прибытии французских крестоносцев. Об этом ясно говорили гербы на развивающихся знаменах, флажки на копьях и стяг с покрытым золотыми квадратами чёрным орлом - знак нарбонского архиепископа.

Встретившие нас короли Арагона и Кастилии были неразговорчивы и явно чем-то удручены. Как оказалось, их расстроила малочисленность нашего отряда. Но когда

его пресвященство сказал им, что на подходе его армия, состоящая из двух тысяч рыцарей, десяти тысяч всадников тяжёлой кавалерии и пятидесяти тысяч панцирных пехотинцев, королевские лица просияли, а Альфонс Кастильский пригласил нас отобедать.

В назначенный час, сняв доспехи и переодевшись в светское платье, все приглашённые собрались в огромной зале королевского замка, где расселись за столами на длинных лавках, покрытых альфомбрами- разноцветными кордовскими коврами из толстой шерсти.

Его высочество задерживался. Гости, делясь последними новостями из Андалусии, негромко переговаривались. Халиф Мухаммад ан- Насер, рассеяв немногочисленные гарнизоны горных крепостей, приближался к границам Кастилии. Он бы мог давно уже быть у Аларкоса,³ где однажды им была одержана громкая победа, прославившая его имя среди сарацинских владык, но по непонятным причинам новоявленный Аттила⁴ надолго задержался у Сальватьерры, небольшого, хорошо укреплённого замка в Толедских горах. У Альфонса появилось столь необходимое ему время для сбора войск.

Раздался звонкий удар гонга и герольд, открыв высокие арочные двери, торжественно провозгласил: «Его высочество король Кастилии Альфонс⁸» Появившийся король, стремительно прошёл к своему, похожему на трон, креслу. Был он в чёрном бархатном камзоле со стоящим воротником, подчёркивающим ширину его плеч. На левой стороне груди был нашит серебряный крест, имеющий форму меча. Талию короля опоясывала тонкой работы агухета.⁵

Её золотая пряжка была сделана в виде распластавшего крылья грифона, в рубиновых глазах которого огонь сотен свечей отражался вспыхивавшими искрами надменного высокомерия.

Альфонс поднял руку и, выдержав паузу, заговорил: « Благородные

рыцари!

Ныне для нас настал час великих испытаний. Сам святой апостол брался за меч дабы защитить Господа нашего Иисуса Христа⁶. Халиф Мухаммад двинул на христиан свирепые полчища диких племен магрибских пустынь, повелев уничтожить не только всех христиан, но и саму память о нашей святой вере. Лазутчики доносят, что только арабов, идущих с ним не менее ста пятидесяти тысяч, восемьдесят тысяч андалузских всадников, а число пехотинцев они назвать не могут, так как пересчитать их невозможно. Кроме того, хал

ифа сопровождает пятидесятитысячное войско чернокожих рабов. Ни одно из христианских государств не выдержит удара такой армии, как не выдержал его я восемнадцать лет назад у Аларкоса.

Острую боль поражения, я, как мог, лечил бальзамом надежды на будущую победу. С радостью в сердце я вижу, как по призывному зову господина нашего папы Иннокентия, идут в Кастилию воины-крестоносцы со всех сторон христианского мира. Даже с холодных берегов Амфитрионального моря⁷ спешат к нам на подмогу братья-тевтоны⁸. А отважные рыцари Франции, Лангедока, Прованса, Бургундии, Ломбардии, Пьемонта, Сицилии, Арагона, Наварры и Португалии уже здесь.

Пусть будут прославлены имена тех, кто не щадит себя, защищая от нечестивых агарян христианские земли и веру нашу в Святую Троицу! И да простятся всем, принявшим крест, большие и малые прегрешения до скончания их дней, а после смерти они войдут в настезь распахнутые для них двери рая и вкусят там неизреченное блаженство вечной жизни!

Благородные рыцари! Я поднимаю этот кубок за нашу победу!

In Domine nostri Ihesu Christi !*

In Domine nostri Ihesu Christi !- эхом откликнулись рыцари и, встав, сдвинули кубки.

---

*Во имя Господа нашего Иисуса Христа!(лат.)

Примечания к главе 37

- 1.Инфансон-мелкий дворянин в Каталонии в 11-14 в.в.,рыцарь.
- 2.Валенсуэла-порода испанских лошадей,известная своей резвостью
- 3.Аларкос- в этом месте в 1185 году произошла битва между кастильской армией Альфонса 8 и войсками альмохадов под командованием халифа Абу Якуба – аль-ансура,который наголову разбил кастильцев.
- 4.Аттила-вождь гуннских племён,жестоко опустошавший Европу в середине 5 века, за что был прозван «бичём Божьим».
- 5.Агухета-пояс с пряжкой,украшенный всевозможными украшениями.
- 6.Имеется ввиду апостол Пётр,мечом отсекавший ухо рабу Малху в Гефсиманском саду. Об этом говорится в Евангелии от Иоанна,18:10.
- 7.Амфитриональное море-средневековое название Балтийского моря.
- 8.Тевтонские рыцари во главе с Генрихом фон Зальцем подошли к полю битвы, когда она уже заканчивалась и приняли участие в самом её конце.

ГЛАВА 38 НЕМОЙ ПРОВОДНИК

К вечеру следующего дня подошли французские войска, а ещё через два дня мы выступили на юг, навстречу альмохадам. Наш путь лежал по опустошённым возвышенностям и равнинам давно забывших о плуге земледельца. Изнуряющая жара и трудности передвижения в горах умерили боевой дух части крестоносцев. Однако богатая добыча, взятая после короткого и удачного штурма крепости Калатрава, из которой кастильский и арагонский короли не взяли себе не единого мараведи,¹ вновь их воодушевила. Между тем дьявол - вечный противник человеческого единения - помутил разум многих католических воинов, повернув его к зависти и корыстолюбию. Он заставил их отступить от намеченной цели и изменить своему обещанию данное ими папе и королю Альфонсу сражаться с сарацинами до победного конца. За несколько дней до решающей битвы около тысячи рыцарей неожиданно заявили, что они слагают с себя крест и возвращаются домой. Король Альфонс не стал принуждать их остаться, но ничего не дал им с собой в обратный путь и они вернулись в свои земли ни с чем.

Поддавшись дьявольским наущениям, хотели уехать и рыцари из Пуату, но их земляк, благородный Теобальд де Бласон, кастилец по происхождению, устыдил их и они остались.

Узнав об ослаблении христианских сил, халиф перешёл в наступление и перекрыл все проходы в горах Сьерра-Морены. Неизвестно, чем бы закончился наш поход, если бы не помощь одного соларьегос², пастуха, одиноко живущего со своими овцами высоко в горах. Он помог крестоносцам обойти заставы альмохадов в ущелье Лоза по только одному ему известным тропам.

Мы без урона прошли все опасные места и развернули свои боевые порядки на весьма обширном плоскогорье, рядом с небольшим селением Лас Новас де Толоса.

Мне не удалось, как я не пытался, узнать имя нашего проводника. Он заслуживал щедрой награды и его преосвященство намеревался её ему дать. Без него вся крестоносная армия могла бы погибнуть в горных теснинах.

Дон Гутер де Ментинар и Жерар де Барре, два рыцаря шедших за ним следом, говорили мне, что за всю дорогу пастух не вымолвил ни слова, изредка, взмахом руки, показывая нужное направление. Когда же крестоносцы вышли к Толосе, он, подобно королю Родриго³, бесследно исчез. По крайней мере, больше его никто не видел. Его не искали, потому что он был никому не нужен.

Примечания к главе 38

1. Мараведи-мелкая серебряная монета.
2. Соларьегос-название крепостных в Кастилии в 11-13 в.в. Они были лично свободными, но созртели некоторую экономическую зависимость от сеньоров.
3. Последний вестготский король Родриго, правивший всего год (710-711 г.г.), без вести пропал на 8-ой день битвы при Кавадонге с арабским полководцем Джебел-ат-Тариком на берегу Гибралтара, названного так по имени этого военачальника. Вестготы её проиграли, после чего арабы завоевали почти весь Пиренейский полуостров.

ГЛАВА 39 НОЧНОЙ РАЗГОВОР

В ночь перед битвой мне не спалось. Раздумывая о том, что наступающий день может стать последним днём моей жизни, я решил покаяться. По своему обыкновению, я прибегнул к помощи своего воображения, представляя себе те места ада¹, куда бы я мог бы быть помещён за свои прегрешения. Мест таких оказалось немало. Обозревая их, я натерпелся страха и незаметно для себя заснул.

Ужасный сон, привидевшийся мне, странным образом принёс мне незаслуженное прощение и даже несколько взбодрил меня.

Безобразный демон – страж адских ворот – с телом великана и головой буйвола, огромными ручищами, обросшими чёрными щетиной, схватил меня за ногу и, раскочав, выбросил из обиталища грешников.

«Чтобы попасть сюда, поживи ещё», – проревел он мне вслед.

«Мои дела не так уж плохи», – открыв глаза, с глупой радостью подумал я и, чтобы спокойно спать до рассвета, собрался было выпить стакан вина, но не успел.

Полог палатки откинулся и я увидел лицо архиепископа Арнольда, освящённое огнём факела.

«Мишель, – окликнул он меня, – ты не спишь?»

«Нет, ваше преосвященство», – отозвался я.

«Мне надо с тобой поговорить. Вставай и выходи. Я тебя жду.»

«Одну минуту, ваше преосвященство», – сказал я и, поднявшись с толстого войлока, служившему мне постелью, шагнул за прелатом. Архиепископ стоял спиной ко мне и смотрел туда, где раскинулся невидимый

лагерь мусульман, светившийся в ночной темноте лишь желтоватыми точками бесчисленных костров. Рядом с ним на воткнутом в землю копье, горел привязанный к нему факел.

«Мишель, – повернулся ко мне Арнольд, – мой приход к тебе в столь поздний час, вызван двумя обстоятельствами, касающимися нас обоих. Вот тебе тысяча золотых номисм²». Архиепископ подал знак стоявшему поодаль слуге. Тот подошёл и поставил у моих ног весьма объёмистый холщёвый мешок, перетянутый конскими возжами.

«Этого хватит, чтобы превратить Лорте в достойное тебя жилище, где ты сможешь, ни о чём не заботясь, спокойно жить до конца своих дней. В завтрашней битве ты участвовать не будешь. Твоё дело - перо и бумага.

Всё, что ты увидишь на поле боя, ты должен хорошенько запомнить, а затем изложить в хронике Нарбоннского диацепа. Кроме того, и это самое главное, ты должен обязательно остаться в живых и во чтобы то ни стало выполнить мою просьбу. Возьми вот эти драгоценности.»

Его преосвященство протянул мне прошитый со всех сторон кожаный кошель, похожий на плоскую квадратную подушку. Каждая строчка шёлковой нити была дважды опечатана красной восковой печатью.

«До завтрашнего вечера,- продолжил он,- ты будешь его хранителем. Содержимое кошеля тщательно пересчитано, но сколько там драгоценностей, я тебе не скажу. Если Господь сохранит мне жизнь и я буду в добром здравии, я его у тебя заберу. Если же нет, то ты, своевременно покинув поле сражения, увезёшь его в Нарбонн, где передашь маркизе Марии де Виламур. Она приедет за ним в сопровождении моего верного слуги по имени Жером, который точно знает, сколько камней и золота я тебе дал. Алмазы, рубины и изумруды, которые ты вручишь маркизе- знак моей вечной любви к ней и нашему сыну Анри.

Я верю тебе и думаю, что ты выполнишь мою просьбу надлежащим образом. Но горе тебе, Мишель, если маркиза Мария не получит мой дар или получит его не полностью.»

«Я сделаю всё так, как вы желаете, ваше преосвященство, и никак иначе. Если, конечно, Господь убережёт меня от копья африканского всадника или стрелы сарацинского арбалета.»

«Не обижайся, сын мой, на слова угроз и недоверия,- положив мне руку на плечо,

сказал архиепископ.- В наше время верность и бескорыстие *alio corvo rario** и даже очень богатые люди легко теряют голову из-за денег. Но я знаю, что ты честен, как Марк Регул³, и поэтому я доверил тебе свою тайну и свои сокровища».

В ответ я промолчал, а его преосвященство, отвернувшись от меня, заговорил совсем о другом.

«Я уверен, Мишель,- промолвил он, смотря на яркие капли сарацинских костров, дрожащих во тьме безлунной ночи,- в том что победа будет за нами. Вчера я видел сон. Два, совершенно лысых дровосека⁴, у ног которых лежали погнутые топоры, сидели на срубленной ими бузине⁵. Они пили вино и закусывали кусками мяса, которые срезали с барашка, зажаренного ими на вертеле. Это вещий сон. Я видел его ранним утром.⁶»

Архиепископ замолчал и обернулся ко мне. Неожиданно в его глазах мелькнула весёлая искорка: «Нет ли у тебя в палатке, сын мой, хорошего вина?»

«Есть, ваше преосвященство,- ответил я. – Правда, я не могу сказать хорошее оно или нет, но, подаривший мне его вчера, граф де Ла Фер уверял меня, что оно превосходно, потому что изготовлено монахами Энейского аббатства, что стоит в Шаролейских горах, а им по части виноделия нет равных.».

«Что верно, то верно.- согласился архиепископ.- Нет лучшего вина, чем в подвалах бургундских монастырей».

Я пошёл в палатку и принёс оттуда графский подарок- малый бочонок вина и две оловянные кружки. Вино оказалось отменным и вскоре бочонок опустел.

«Вино что золото,
И крепко и старо.
Даёт покойный сон
И не язвит нутро.»

---

*Встречается реже, чем белая ворона.(лат.)

Эти две строчки из застольной песни вагантов архиепископ пропел после последнего глотка и, хлопнув меня ладонью по спине, сказал:

«А теперь, Мишель, ложись спать. Тебя разбудит гром боевых барабанов.»

Примечания к главе 39

- 1.Этот вид духовных упражнений в средневековье был широко распространён среди монахов католических монастырей.
- 2.Номисмы- старинные золотые византийские монеты высокой пробы.
- 3.Марк Регул-древнеримский консул.Взятый в плен карфагенянами,он был отпущен ими в Рим для ведения переговоров об обмене пленными под обещание вернуться обратно.Регул переговоры проводить не стал,а,попрощавшись с семьёй,вернулся в Карфаген,где был казнён.
- 4.По древней традиции,большая удача приходит в образе человека с лысой головой.
- 5.Бузина в Испании считается Иудиным деревом,тогда как в остальных христианских странах эта роль отводится осине,на которой повесился предавший Иисуса Иуда Искарот.
- 6.По средневековым поверьям, вещие сны сняться только ранним утром, на восходе солнца.

ГЛАВА 40 ПОТЕРЯННЫЙ ЯТАГАН

Проснуться меня заставила не барабанная дробь,а тронувший меня за плечо слуга его преосвященства Жак. Он сказал мне, что архиепископ ждёт меня у себя. Ополоснув лицо холодной водой, я попросил Жака помочь мне затянуть кожаные ремни лёгкой кирасы, опоясался мечом, надел шлем без забрала и сел на коня. Через полчаса я был у палатки его преосвященства.

Арнольд был уже в седле. Серый в яблоках гасконский жеребец¹

перебирал копытами и, казалось, не чувствовал на себе тяжести железного всадника. На треугольном щите, с закруглёнными краями, висевшем на седельной луке, были изображены два жёлтых леопарда, держащих обнажённые мечи и стоящих друг против друга на задних лапах. Над их головами был отчеканен золотой крест.

Внизу, серебром на алой ленте значился девиз «За крест и веру». Те же герб и девиз были на знамени и флажке копья. Архиепископ что-то говорил окружавшим его полукольцом рыцарям. Увидев меня, он в знак приветствия кивнул головой, махнул рукой и наша кавалькада поскакала к шатру короля.

Стоящий на высоком холме, он был виден издалека. На каждом из двух вбитых в землю высоких шестах с маленькими перекладинами у самого верха, висел геральдический щит с родовым гербом кастильских королей²: два льва и два замка. Альфонс, в короне и позолоченных латах сидел на коне и молча смотрел на огромную толпу рыцарей и простых воинов в некотором отдалении стоявших перед ним с обнаженными головами. Позади короля застыли в сёдлах магистры всех рыцарских орденов и множество знатных сеньоров, развернувших свои боевые стяги во славу Господню. Все ждали королевского слова. Но он безмолствлвал.

Видимо, король не хотел говорить не дождавшись легата его святейшества папы римского архиепископа Арнольда Амори, приведшему ему на помощь огромное войско.

Но вот его высочество заметил светлый пурпур французской орифламмы³ и приказал расступиться, а когда мы остановились перед ним, он жестом пригласил нас встать около него. Архиепископ занял место рядом с королём, а сопровождавшие его рыцари смешались с королевской

свитой. Запели трубы герольдов, призывая к полной тишине.

Воцарилось безмолвие, нарушаемое лишь шелестом знамён.

«Друзья мои,- голос Альфонса был чист и громок.- Сегодня перед решающей битвой с силами тьмы, из века в век пытающихся одолеть свет христианства, я хочу сказать вам о том, что моё сердце болит за каждого из вас, кому будет не суждено увидеть нашу победу. Если для неё нужна будет и моя жизнь, я без колебаний отдам её во имя торжества Господа нашего Иисуса Христа и Святой Троицы. Я молю Спасителя о том, что бы Он соединил наши души на вечные времена в райской обители. Соратники! У вас есть ещё время попросить меня о том, чего вам не хватает для боя и я немедленно исполню вашу просьбу. Кроме того, я, Альфонс ⁸, король Кастилии, клянусь именем Бога и в присутствии своих вассалов в том, что все свободные воины, сразу же после битвы получают золотые шпоры и в дальнейшем будут именоваться идальго»⁴.

На невиданную доселе милость пеоны⁵ ответили бурей ликования, а бискайцы⁶, воодушевлённые королевской речью, чуть было сразу не

ринулись в бой. Их командиру Диего де Гара стоило немалого труда сдержать боевой пыл своих солдат.

Тем временем король отдавал последние распоряжения.

Центр христианской армии занимали французские и кастильские рыцари с тяжеловооружённой пехотой. За её плотными рядами, под небесно-голубым стягом с золотым ликом Пречистой девы Марии, стояли король Альфонс и архиепископ Арнольд.

На правом фланге ждал своего часа король Арагона благородный дон Педро.

На левом - отряд наварцев под командованием знаменитого Шарля Беамонте⁶. За ним тянулся густой лес копий рыцарей Португалии, Галисии и Астурии⁷.

В резерве, вокруг кароччио⁸, над которой был вознесён благодатный крест и треугольные хоругви с ликами святых, стояли на коленях рыцари Ломбардии, Пьемонта и Монферрато⁹. По своему обыкновению, перед боем они молча молились, опустив головы и держа шлемы в руках.

«Пускай летит мавританская конница, - думал я, - ей ни за что не пробить стальную стену крестоносцев.»

Рыцарям не терпелось завязать сражение. Один за другим, они выезжали из своих рядов и громко вызывали на поединки сарацинских воинов.

Пехотинцы, потрясая копьями и топорами, извергали на противников потоки непристойных издевательств.

Мавры, не понимая оскорблений, хранили спокойствие и, ровняя ряды, ждали сигнала к атаке.

Армия халифа напоминала огромный двойной полумесяц. Центр его занимала арабская пехота, а фланги - андалусские и берберские всадники, различаемые по форме клинков и щитов. Круглые щиты и прямые мечи - кончары предпочитали берберы, адарги¹⁰ и альфанги¹¹ были привычными для андалузцев. Те и другие были в остроконечных шлемах без забрала, кожаных панцирях со сплошь нашитыми на них стальными плоскими шестигранниками и таких же штанах.

Для наблюдения за ходом сражения, по повелению халифа, в полулиге от передовых линий, воздвигли огромное деревянное возвышение, точь в точь как усечённая пирамида, рисунки которой я видел в книге Оттона Строителя¹².

Пленные хаджибы¹³ рассказывали мне, что халиф Мухаммад ан-Насер, в монашеской одежде календера¹⁴ сидел под златотканым куполом мизалы¹⁵ на большой подушке, туго набитой овечьей шерстью и вполголоса читал фатиху¹⁵. Такие же подушки, но размером поменьше, были разбросаны на коврах, покрывавших обширную площадку на вершине деревянного холма.

На одной из них лежал ятаган. Арабская вязь, выбитая на его изогнутом клинке обещала его владельцу власть, славу и богатство: «Владеющей мной владеет всем».

Такую надпись на кривом клинке приказал выбить халиф Омар¹⁶ после взятия Нехавенда.¹⁷

И ещё говорили хаджибы, что ятаган второго халифа приносит несчастье. Они читали об этом в книге «Деяния правоверных». Почтенный толкователь хадисов¹⁸ ал-Балазури²¹, упомянул в ней о некоем прорицателе, предрёкшим Омару насильственную смерть, если он не избавится от своего меча, так как слова, вырезанные на его лезвии были святотатственны, ибо только один Аллах Величайший может владеть всем.

Халиф, добродушно оценив дерзкое предсказание в 10 ударов плети, не пожелал расставаться с любимым оружием. Через 10 лет в мечети, во время вечернего намаза, ударом кинжала его убил христианин²².

Время от времени ан-Насер вставал, подходил к самому краю площадки и, положив руки на перила ограждения, смотрел на заполненную войсками долину., откуда доносилось ржание коней и рёв верблюдов. Между горбов этих быстрых, но несуразных животных, неподвижно сидели зинджи²³, завернувшиеся белые альбурнусы²⁴. Чернее мыслей дьявола были их непроницаемые лица с красноватыми навывкат глазами. Мухаммад обернулся к почтительно склонившим головы в белых и зелёных тюрбанах мутасарифам²⁵, муфтиям.²⁶ и сейидам.²⁷ Победная улыбка сверкнула на его сухом лице, обрамлённом чёрной густой бородой:

«Пленники нам не нужны. Пусть сегодняшний день навечно посеет ужас в трусливых душах презренных гяуров, ибо везде, где стоят церкви и монастыри, пройдут мои бесстрашные воины, оставляя за собой смерть и пепел!»

«Да будет так, о великий! - хором отозвались приближённые.

«Слава Рустема²⁸ и Хаджаджа²⁹ померкнет, а долина Батха³⁰ озарится светом моих ослепительных побед! Лучшие ножны для меча - потоки вражеской крови. Бейте в гонг и вперёд во славу Аллаха!»

Мускулистый негр, широко размахнувшись, ударил медным молотом в большой бронзовый круг, висевший на перекладине у подножия пирамиды. Величественный звук всколыхнул необозримые сарацинские полки. Встрепенулись мавританские стяги.

«Аллах акбар»²⁸ загремело в ответ на призыв халифа и арабская пехота, наклонив копья, под треск тамбуринов²⁹ и надрывные завывания аньяфил³⁰, густой широкой волной плавно потекла в атаку. Плотнo сомкнув обтянутые красной кожей сердцевидные щиты, до шеи закрывавшие копыеносцев, они клыкастой стеной уверенно шли вперёд. Я с леденящей сердце тревогой смотрел на сарацинскую фалангу, остановить которую казалось невозможным.

Но вот до меня донеслось негромкое пение латинского гимна: «Dona nobis victoriam, Domine»* Я обернулся и увидел, что навстречу ей, под знамёнами святого Георгия и Пречистой Девы, мерно шагал авангард крестоносцев-отважные бискайцы Диего де Гара.

Ещё мгновение и долина Толосы стала долиной Иосафатовой - местом Страшного Суда.³¹ Повисшие на копьях первые шеренги обеих сторон были смяты. Остальные сошлись в беспощадной схватке. Один мавр, огромный как Фермагут³¹, железной палицей разбивал головы рвущихся вперёд бискайцев. Его кольчуга была забрызгана бело-красными хлопьями мозга и крови. К нему устремился Рамон де Агилар, рыцарь с багряным крестом Алькантары ³²на белом плаще.

Мощным ударом копья он пробил грозного исполина наскозь.

Тот, падая, вместе с последним вздохом, нанёс страшный удар коню кастильского воина, вбив ему в голову острый шип тестеры³³. Конь замертво рухнул на землю. Сразу несколько сарацин бросились к упавшему крестоносцу, но добить его они не успели. Сражавшийся рядом оруженосец дона Рамона соскочил с коня и поставил на ноги своего господина и он встретил нападавших с мечом в руке. Он остался жив и я пил с ним вино в честь нашей победы на королевском пире в толедском замке Алькасар.

Битва становилась всё ожесточенней. Пелена стрел застилала солнце, блистали клинки, ломались копья и копыта лошадей топтали отрубленные головы. Бискайцы и пришедшие к ним на помощь французские латники, начали было теснить сарацин, но они вдруг неожиданно расступились и на христиан, сметая всё на своём пути, понеслась андалусская конница.

Бискайцы, а затем и французы, не выдержали стремительного натиска и шаг за шагом начали отступать. Ещё минута и отступление могло бы превратиться в беспорядочное бегство. Сарацины уже громко кричали «Альгасара»³⁴ и с ликованием

предвкушали победу. Но в этот момент король Альфонс всей тяжестью своей закованной в броню кавалерии обрушился на совсем уже было торжествующих альмохадов. С правого фланга, прорубившись сквозь яростно сражающихся всадников халифа и разогнав чернокожих верблюжьих верховых, на андалусцев понеслась железная лава французских и арагонских рыцарей. И не было силы, которая могла бы её остановить.

Лучшие мавританские воины тщетно пытались одолеть крестоносцев.

---

*Даруй нам победу, Господи!(лат.)

Непобедимый в поединках, доблестный сювари³⁵ Тахир-ад-Дин, славное имя которого было известно всем рыцарям испанских королевств, вырвался из тесноты битвы. Подбрасывая копье и выкрикивая своё имя, он вызывал на поединок любого рыцаря, слышавшего его голос.

Вызов принял оказавшийся неподалёку архиепископ Арнольд. Несколько раз они сшибались, но оба оставались в сёдлах. Копья оставались целыми, однако щит мавра оказался пробитым, хотя раны он не получил. Ответный удар сарацина пришёлся в стальной нагрудник

архиепископа, но вреда ему тоже не принёс. Поединщики легко повернули своих коней и, крутясь один вокруг другого, старались неожиданным ударом выбить противника из седла. Ловкий и быстрый Тахир ускользал от грозного копья Арнольда и, в свою очередь, стремительно атаковал. Архиепископ, отбив все атаки, решил, положась на силу своей руки, испытать судьбу. Он метнул тяжёлое копье в сарацина. Тот поднял коня на дыбы и он получил страшную рану. Копье на треть древка вошло в открытую конскую грудь. Тахир выпрыгнул из седла и прикрывшись адаргой стал ждать архиепископа. Арнольд не воспользовался своим преимуществом. Он сошёл с коня и медленно пошёл на сарацина, держа щит и меч в опущенных руках. Тахир осыпал его градом могучих ударов. Арнольд ответил тем же. Погнулись латы, разбились щиты и оба воина истекали кровью. Никто никому не уступал, но уже было заметно, что в искусстве боя на мечах папский легат превосходил отважного сювары.

Он с трудом отбивал удары, которые, отбросив щит, без усталости наносил ему архиепископ, держа рукоятку меча двумя руками. Но вот сарацин замешкался, не успел защититься и получил смертельный удар.

Меч Арнольда рассек шлем мавра и он, с надвое разрубленной головой, выронив семитарру³⁶, упал на колени перед архиепископом. Арнольд, сняв шлем, отвернулся от своего поверженного врага и медленно пошёл к своему коню.

А вокруг в пламени смерти кипела жаркая битва. Словно две могучие волны сходились и переплетались в жестокой схватке два войска. Напоённая кровью земля, остро отточенной гранью пролегла здесь между двумя мирами, вздрагивала от злобного лязга железа и крика умирающих воинов. Арагонские идальго и каталонские мосены являли чудеса доблести и героизма. Впереди их, сияя золотой короной на шлеме, мчался их бесстрашный король благородный дон Педро. Вот он оказался в кольце гулямов³⁷ и над его головой засверкала грозная сталь арабских клинков. Но поднялся грозный меч короля и раздались стоны нападавших.

Какой-то храбрый всадник на храпящем коне, размахивая арканом, тщетно пытался пленить короля. Быстрый, как молния, удар и отсечённая голова бюрюме³⁸ с пучком золотистых перьев на круглом шлеме с глухим стуком упала на землю.

«Христианский меч сильнее сарацинского ятагана, - подняв забрало, закричал дон Педро. - Вперед, арагонцы! Господь хранит храбрецов!»

А в ответ неслось: «Ифрит, иншаллах, ифрит!»*.

Воистину прав был трубадур, сказавший, что враги короля Арагона плачут на поле брани также громко, как смеются его друзья за праздничным столом.

Солнце давно уже перешло в зенит, но исход сражения не был ясен.

Крестоносцы стояли насмерть и все атаки сарацин не могли поколебать их мужество. Роковой удар армии халифа нанесли итальянские рыцари и отряд личной охраны короля Альфонса- последний резерв христианского воинства. Не выдержав их яростного натиска мавританская конница начала пятиться назад, а вскоре обратилась в безоглядное бегство. За ней бросая оружие, побежала арабская пехота, а следом, давя её, с дикими криками понеслись остатки берберской кавалерии. Началось побоище. Бегущих рубили и резали до темноты. Скорбный свет серебряной луны тускло отражался в блестящих лужах чёрной крови.

Ночь спасла мавров от полного истребления.

Через несколько лет Хуан де Мендоса, осведомлённый человек из свиты кастильского архиепископа Бернальда, приехавший по делам в Нарбон, говорил мне, что на земле Толосы нашли свою смерть более ста тысяч мусульман.

Халифа Мухаммада среди них не было. Поняв, что битва проиграна, он не стал ждать неминуемого разгрома. Предав погибающую армию воле Аллаха, Мухаммад на вороном жеребце с сотней телохранителей умчался в Хаену³⁹, потеряв в бешеной скачке старинный ятаган не верящего предсказаниям халифа Омара, знавшего живого пророка.

Нам досталась несметная добыча. В шатрах лагеря и телегах обоза золота, серебра, драгоценных камней, дорогого оружия и утвари было столько, что их с избытком хватило на всех.

Три дня мы праздновали победу, а на четвёртый двинулись на юг, в глубь Андалусии, неся гибель мусульманскому миру.

«Сравняем с землёй Хиральду и Месхиту⁴⁰!-кричали у ночных костров пьяные солдаты, уставшие от дневных грабежей.

От Баэцы до Убэды⁴¹ было всё разрушено и сожжено, а жители перебиты.

Я думаю, что такая же участь постигла бы Севилью и Кордову⁴², но, как это уже не раз бывало, поход возмездия остановили распространившиеся болезни.

Пришлось возвращаться назад, в Кастилию В Толедо мы вступали как триумфаторы.

Духовенство пело гимны, народ забрасывал нас цветами и угощал вином. По случаю великой победы, король Альфонс объявил

---

*Злой дух, клянусь Аллахом, злой дух !(араб.)

двухнедельные торжества и просил всех быть его гостями.

Архиепископ не возражал, но после трехдневного пира с двумястами рыцарей отбыл в Лангедок. Оттуда пришли известия, что почти во всех замках стоят гарнизоны Монфора и вот - вот падёт сама Тулуза.

Усиление графа Симона не входило в планы архиепископа и он поспешил домой,

Примечания к главе 40

1. Гасконь славилась выведенной там породой лошадей, способных без усилий нести на себе тяжелооружённого рыцаря. Помимо особого метода их выездки, они откармливались специальным сортом ячменя, выращиваемого для этой цели.
2. Герб Кастилии в начале 13 века представлял из себя треугольный щит с несколько закруглёнными углами. Он был разделён на 4 части. В каждой из двух левых было изображено по замку, в правой по льву. Причём в верхней части герба лев был изображён ниже замка, а в нижней – выше.
3. Орифламма – боевое знамя французских королей.
4. Идадьго – общее название кастильского рыцарства. Король сдержал своё обещание. Все кастильцы, участники сражения, получили рыцарское звание. Причём многие простолюдины, известные королю по прежним битвам, были возведены в рыцарское достоинство перед самым сражением.
5. Пеоны – крестьяне-участники ополчения.
6. Бискайцы – гасконцы, жители земель, прилегающих к побережью Бискайского (Гасконского) залива.
7. Беамонте – известный в 11-13 в.в. графский род в Наварре.
8. Галисия и Астурия – исторические области в Испании, бывшие одно время королевствами.
9. Каррочио – тяжёлая повозка в упряжке из 8 волов, с водружённым на ней церковным знаменем. В её передней части была укреплена дароносица с освящёнными хлебами и вином. На повозке стоял священник.
10. Ломбардия, Пьемонт и Монферрато – исторические области в Италии.
11. Адарга – большой мавританский щит овальной или сердцевидной формы.
12. Альфанга – короткая изогнутая сабля с обоюдоострым концом.
13. Отто Строитель (Отто Фрайзингенский) – знаменитый архитектор, строитель готических соборов в 12-начале 13 века.
14. Хаджибы – придворная должность, камергеры.
15. Календеры – мусульманский монашеский орден. Его члены носили одежды особого покроя, брили бороды и головы и жили подаянием.
16. Мизалла – символ власти, особый вид зонта, который держали над головой мусульманских владык.
17. Фатиха – 1-ая сура Корана, по значению соответствующая православному «Отче наш» или католическому «Pater noster». Фатиху принято читать во всех сколько-нибудь важных и торжественных случаях.
18. Омар – ибн-аль-Хаттаб – второй из первых четырёх мусульманских халифов, считающихся святыми приемниками пророка Мухаммеда. Правил с 634 по 644 г.г. Во время его правления были завоёваны Ирак, Сирия, Египет и большая часть Ирана.
19. Нехавенд – крепость недалеко от столицы Ирана Ктесифона, разрушенного войсками халифа Омара в 642 года.
20. Хадисы (араб.) – предания о поступках и изречениях пророка Мухаммеда. Совокупность хадисов составляет сунну. Большая часть хадисов возникла в конце 7 – начале 8 века.
21. Ал-Балазури – арабский историк, умер в 892 году. Автор «Книги завоеваний стран» и «Деяний правоверных».
22. Халифа Омара в 644 году в мечети во время убил христианин Абу Лулуа, перс по происхождению.
23. Зинджи – арабское название чернокожих рабов. Происходит от названия острова Занзибар, где находилось арабско-бантусское государство, известное в истории средневековья как империя Зендж, бывшая одним из крупных центров работорговли.
24. Альбурнусы – широкие плащи, обычно белого цвета.
25. Мутасарифы – чиновники в странах мусульманского Востока.
26. Муфтии – правоведы и богословы.
27. Сейиды – лица духовного звания

- 28.Рустем -легендарный герой поэм и сказаний в мусульманских странах.
- 29.Хаджадж-известный своей жестокостью правитель Ирака,живший в конце 7-начале 8 века..
- 30.В долине Батха расположена Мекка,священный мусульманский город.
- 31.Аллах акбар!-Аллах велик!
- 32.Тамбурин-небольшой барабан цилиндрической формы.
- 33.Аньяфила-мавританская боевая труба с длинным прямым стволом,слегка расширенным на конце.
- 34.Долина Иосафатова-место,где согласно Библии,должен произойти СтрашныйСуд.
- 35.Фермагут- великан-язычник, сражённный Роландом. Персонаж средневековых французских эпических поэм.
- 36.Крест Алькантары-красно-багровый крест на серебряном поле,нашиваемый рыцарями этого ордена на левую сторону белого плаща.Военно-религиозный орден Алькантары основан в 1156 году братьями Суэро и Гомесом Барриентос по совету саламанкского отшельника святого Хулиана де Перейро.В 1177 году орден был утверждён папой Александром 3.
- Дону Гомесу Барриентосу было пожаловано звание приора ордена.В 1183 году папа Луций 3 пожаловал ему титул магистра и назначил ордену устав святого Бенедикта.
- 37.Тестера-острый шип длиной около 30 см.Пристёгивался ремнями на середину лба рыцарского коня.
- 38.Альгасара-боевой клич мавров.
- 39.Сювари-всадник,владелец лена,феодал в некоторых мусульманских странах.
- 40.Семитарра-тяжёлая мавританская сабля.
- 41.Гулямы-низшая категория воинов-кавалеристов в мусульманском влйске.
- 42.Бюрюме-титул феодала в некоторых странах арабского Востока.
- 43.Хаэна-город в Андалусии.
- 44.Хиральда-название мечети в Севилье,одной из самых высоких -93 метра-мечетей того времени
- 45.Месхита-соборная мечеть в Кордове,построенная в 10 веке.
- 46.Баэда и Убэда-андалузские города, к югу от Толедо.
- 47.Севилья –один из политических и культурных центров мусульманских государств на Пиренейском полуострове.

ГЛАВА 41 ОБВИНЕНИЯ ПРЕЛАТОВ

Однообразие порождает скуку. Помятуя об этом, я отложу на время повествование о боях и походах, весьма похожих друг на друга, и, по своему обыкновению поразмышляю о вещах неосязаемых, но, тем не менее, определяющих течение не только нашей жизни, но и всей истории от начала мира.

Её события, где и когда бы они не происходили, являются результатом бесконечной войны душевных страстей, начавшейся у райского древа познания в смущаемом дьяволом человеческом разуме.

Прошу тебя, мой досточтимый читатель, снисходительно отнестись к моим рассуждениям. Они поверхностны и имеют одну-единственную цель: дать тебе возможность немного отдохнуть,обратив свой умственный взор, уставший от красного цвета, к спокойному рассмотрению обстоятельств, побуждающих людей как к добру и благочестию, так ко злу и мерзости.

Господь наш Всевышний не проводил границ между странами, не называл их королевствами и империями, не делил род людской на знать и простолюдинов.

Он дал всем нам, грешным, свои заповеди. Следуя им душа человека, сидящего на троне или в поте лица своего трудящегося в поле, будет благоденствовать, а сам он будет жить долго и счастливо. Забвение Господних заветов ведёт к множеству несчастий, войнам, ересям и мятежам, извечным спутникам смерти.

Сильные мира сего, не ведающие истинной добродетели, из-за гордыни и корыстолюбия, распаляемых в их душах дьяволом, обрекают своих подданных на нищету и погибель. Ради золота они продолжают воевать даже тогда, когда сам папа призывает их к христианскому миру. Его святейшество Иннокентий 3 считал, что сорняки альбигойской ереси выполоны и на смену силе принуждения должно придти врачующее пастырское слово. Оно, подобно целебному бальзаму, затянет нанесённые раны и навсегда исцелит заблудший народ Лангедока от вкушённого ими ядовитого напитка богоотступничества, коим обильно угощали его альбигойские проповедники.

Архиепископу Арнольду было приказано оставить в покое южные графства, так как там повсюду раздавался ласкающий слух колокольный звон, а на мессы стекался весь окрестный люд.

Папа благосклонно принял посольство Тулузы, прибывшим в Рим с жалобами на утеснения, чинимые там графом Симоном де Монфором. Его святейшество, в ответ на клятвенные заверения хранить верность апостолическому престолу, обещал мир и уважение имущественных прав всем сеньорам, кто с оружием в руках притивостоял крестоносцам. Ободрённые приёмом в Латеранском дворце, послы поспешили домой, желая как можно скорее обрадовать графа Раймунда и дона Педро хорошими новостями.

Папа приказал своему легату Арнольду и графу Симону немедленно прекратить войну в Лангедоке и идти в Кастилию, к королю Альфонсу, дабы помочь ему вытеснить из пределов испанской земли вероломное племя сарацин. Но приказ его святейшества остался не выполненным. Дело в том, что война за чистоту веры, коей она была шесть лет назад, к этому времени таковой быть уже перестала. Она превратилась в войну за сохранение завоеванного, а чаще всего просто оправдывала и прикрывала настоящие разбои и грабежи богатых городов и замков, объявленных логовищами еретиков. *Multis utile bellum**

Граф Монфор, владения которого теперь простирались от Пиренейских гор до берега океана, стремился во чтобы то ни стало узаконить свои приобретения. Однако сделать это было куда труднее, чем разгромить армии альбигойцев.

Граф Раймунд Тулузский, чьи земли он отторг, считал его бесчестным и бессовестным узурпатором, коему слишком долго везёт в сражениях, а Педро Арагонский - опасным врагом, появившемся на границах его

королевства. Неторопливый и дальновидный парижский король Филипп-Август рассматривал сурового графа своим вероятным противником в будущей борьбе за укрепление власти Капетингов в Аквитании. Легат Арнольд ненавидел Монфора за то, что тот не признавал за ним права на титул герцога Нарбонна и насмешливо называл его «ваша преосвящённая светлость»¹ Сложившееся положение вещей

никого не устраивало и поэтому война была неизбежна. Начало её сдерживало отсутствие весомого повода, оправдывавшего возобновление крестового похода. Открыто пойти против миротворческих указаний его святейшества никто не решался и прелаты начали долгие переговоры, завершившиеся в конце концов несчастной для еретиков и их защитников Мюрейской битвой.

Сначала в Лаворе был объявлен церковный собор. На него съехались все епископы и аббаты Тулузского диоцеза и прибыли архиепископ из Бордо.

Председательствовал на нём нарбонский архиепископ Арнольд.

Присутствовали там и непримиримые враги Симон де Монфор и благородный дон Педро

С глазу на глаз арагонский король встречался с его преосвященством и Монфором.

Граф был немногословен и умел обуздывать свою речь. Его молчание было красноречивее слов, кивок головы и жест могли заменить смысл весьма

---

*Война стала выгодна многим(лат.)

искусно выстроенных речей.

Арагонский государь, бывший хорошим оратором, напротив, несколько раз выступал перед собравшимися прелатами и знатными крестоносцами с длинными речами, защищающими лангедокских баронов. Однако желаемого действия они не возымели. Собор остался глух к доводам короля. Раздасадованный неудачей, дон Педро внезапно покинул Лавор.

Вскоре из Тулузы, где он остановился, прибыло королевское посольство, состоявшее из духовных особ. Они привезли послание арагонского монарха². Зачитывал его епископ Урхельский Павел ровно час³. Запомнил я это потому, что, слушая его речь, я дважды переворачивал стоявшую передо мной ампулету³.

Дон Педро оправдывал действия всех своих лангедокских вассалов, сражавшихся против крестоносцев и недвусмысленно намекал на возможность оказания им вооружённой помощи. Но послание короля никого не испугало. Его содержание, с комментариями участников собора, решили довести до сведения папы Иннокентия.

Три дня, с полудня и до поздней ночи, я под диктовку архиепископа Арнольда записывал прегрешения Раймунда Тулузского, Роже де Фуа, Бернарда Комменжа, Гастона Беарнского, Анри Арманьяка и прочих знатных сеньоров.

Раймунд более года держал в своих сырых и мрачных подземельях аббатов Муассака и Монтобана. Отпустил он их только тогда, когда богатая парентелла священников вручила ему 12 тысяч солидов выкупа. Без всяких на то оснований был изгнан со своей кафедры епископ Аженский. Митра была ему возвращена, когда он выложил за неё 15 тысяч золотых флоринов. Получая их, граф Раймунд издевательски говорил прелату, что он его чрезвычайно высоко ценить, уравнивая с 15 тысячами святых⁴. Кроме всего прочего, тулузскому графу вменялось в вину гибель духовных и светских крестоносцев, покровительство еретикам и всем, кто словом и делом наносил ущерб матери нашей римско-католической церкви. Граф де Фуа обвинялся в грабежах монастырей и бесчисленных убийствах крестоносцев и паломников, идущих через его владения в Сант-Яго де Кампостела поклониться мощам святого апостола Иакова. Граф Роже де Фуа не просто враг католиков-этот факт его преосвященство подчёркивал особо- он был их ужасным палачом. Подобно гонителю христиан,страшному императору-язычнику Валериану⁵, граф наслаждался муками своих пленников, тела которых он превращал в куски окровавленной плоти и,как тиран Мезенций⁶,сам изобретал чудовищные пытки. Тяжесть преступлений остальных пособников ереси была не менее велика и все они должны были понести за содеянное суровую кару. Однако король Арагона препятствует торжеству справедливости. Если его высочество и дальше будет покрывать убийц добрых католиков, то он сам должен быть объявлен еретиком, а его страна подвергнута интердикту. Здесь, по моему разумению, его преосвященство хватил через край. Как можно отлучать от церкви истинно католическое королевство, чей государь только что прославился в войне за торжество Святого Креста. Впрочем, не так давно лангедокские полки, ведомые государями Тулузы, отважно сражались в землях Палестины во славу Иисусову, а сегодня тулузский владетель- предатель Бога и церкви, а Лангедок-еретический край. О содержании письма легата и его угрозах стало известно дону Педро, но они ничего не изменили в намерениях гордого испанца,в своё время отказавшегося принести вассальную присягу самому папе, могущественному Иннокентию 3. У себя на родине он пользовался всеобщей любовью. Арагонские рыцари стеной стояли за своего овечьего ратной славой короля и поднимались на его врагов по первому зову. Верные католики,они не любили крестоносцев,считая их за корыстолюбцев,возжелавших под предлогом войны с еретиками, прибрать к рукам имущество и домены графа Тулузского, родственника дона Педро, сын которого, к тому же, был женат на его сестре. Поэтому, когда дон Педро призвал их к походу против Монфора, они, все как один, явились к нему в Сарагосу со своими отрядами.

Король, которому после Толосской битвы папа прислал особую грамоту, где ему выражалось благоволение, сообщил в Рим о том, что отказ легатов его святишества удовлетворить представленные им Лаворскому собору предложения по умиротворению Лангедока, он считает несправедливыми,и, оскорблённый этим, вооружается против крестоносцев.

Однако на этот раз Иннокентий прислал дону Педро грозное предупреждение о возможных последствиях союза с тайными и явными врагами апостолического престола.

На такой ответ король не рассчитывал, но по другому не могло и быть.

Архиепископ Арнольд, поддержанный митроносцами Бордо, д,Э и Консеррана, а также легатом папы Феодосием, обвинил Раймунда Тулузского и всех, кого взялся защищать арагонский король, в предательских связях с врагами Рима императором Оттоном и английским королём Иоанном Безземельным, сенешаль которого Савари де Малеонб разрушал и грабил в окрестностях Нима и Монпелье католические храмы и монастыри.

Он вешал аббатов на верёвках церковных колоколов, а несчастных монахов выгонял в поле и,выпуская своры голодных гончих псов, устраивал на них настоящую охоту.

Сам же Савари со своими приспешниками, пронизывали сердца бегущих стрелами из луков и арбалетов, похваляясь друг перед другом меткостью своей стрельбы.

Даже у андалузских эмиров и разбитого магрибского халифа Насера просил помощи тулузский граф,обещая ему беспрепятственное строительство мечетей и беспошлинную торговлю во всех городах Лангедока и Прованса. Неопровержимые доказательства были собраны на сей счёт.

Я не верил своим ушам,когда записывал то,что говорил архиепископ Арнольд.По прежнему не испытывая ни какой злобы к графу Раймунду и не переставая восхищаться доном Педро,я всё же считал,что тот и другой заслуживают строгого наказания.

И они, по воле Господа, его не избежали.

Примечания к главе 41

1. «Ваша светлость»-обращение,принятое к герцогу.»Ваше преосвященство»-к архиепископу и кардиналу.

2.Речь идёт о так называемых «Петициях короля Арагона к прелатам,собравшимся на собор в Лаворе»

3.Ампольета(«ampolletas»)-песочные часы,где песок из верхней части стеклянного шара пересыпался в нижнюю за 30 минут.В 13 веке их изготовлением славилась Севилья.

4.На одной стороне золотого флорина,чеканившегося в 13 веке,было изображение святого Иоанна Крестителя,считавшегося патроном Флоренции.

5.Валериан-римский император в 253-260 г.г.Во время его правления отмечены массовыми репрессии против христиан,превзошедшие своими и жестокостью все предыдущие.Впервые было конфисковано всё имущество христианских общин,лишены своих званий сенаторы и крупные военачальники-христиане,в ссылку отправлены знатные матроны,а «цезарионы»,т.е.члены имперской администрации обращены в рабов.

6.Савари де Молеон-верный вассал английского короля,сенешаль,командир отряда басков,воевавшего против крестоносцев.

ГЛАВА 42 СМЕРТЬ КОРОЛЯ

Удача- дело божественного провидения, несчастья- следствие человеческих грехов. Для победы у дона Педро было всё, кроме Божьей помощи. Спаситель даровал её горстке крестоносцев. Они повергли во прах огромную альбигойскую армию, в победу над которой мало кто верил.. В нашей жизни часто происходят необъяснимые вещи. Ответа на них искать не надо, а нужно просто знать, что замысел Божий о человеческом бытии включает в себя и то, чего, по рассуждению нашего невежественного разума, быть не может.

Если бы было бы иначе, невозможны были бы чудеса и диковинные неожиданности, коим нет числа в этом мире.

Однако ход моих беспорядочных мыслей, настраивая на столь любимые мною отвлеченные размышления о Промысле Божьем, вновь уводит меня в сторону от начатого рассказа. Поэтому я, дабы его продолжить, снова возвращаюсь в Мюре, неподалеку от которого, на полях Савердена, расположилась войска арагонского короля благородного дона Педро. Говорят, что когда во главе альбигойских полков, он покидал Тулузу, в пустой церкви Сен-Сернен вдруг сами собой зазвонили колокола и в их перезвоне многие горожане, пребывавшие в приподнятом настроении, явственно слышали протяжный плач скорбных слов: «Defunctos ploro ! Funero plango !»*

Зловещее предзнаменование истолковали как знак скорой победы. Сам же король не слышал зова смерти.

Первый штурм Мюре был неудачным. Его гарнизон, помня об участии единоверцев верцев в Пюжолле и Тулузе, стоял насмерть. Когда же они, с высоты донжона, увидели появившиеся на другом бегеги Роны знамёна Монфора и сталкиваемые в воду бастерны, их силы удвоились.

Альбигойцы были отброшены из предместий и, заметив штандарты крестоносцев, идти на новый приступ не решились. Еретики, теряя драгоценное время, и на следующий день протоптались на месте.

Монфор, напротив, был смел и стремился навстречу судьбе, не обращая внимания на беспокойные сны своей жены Алисы, тревожные знамения и осторожные советы духовенства отказаться от сражения и начать переговоры. Граф Симон не сомневался в своей победе, которую должен был подарить ему Господь.

Его преосвященство архиепископ нарбонский Арнольд, встретившись с

---

*Оплакиваю мёртвых! Рыдаю на погребении!(лат).

осторожные советы духовенства отказаться от сражения и начать переговоры. Граф Симон не сомневался в своей победе, которую должен был подарить ему Господь.

Его преосвященство архиепископ нарбонский Арнольд, встретившись с графом в аббатстве Бальбон, тоже пытался склонить его к миру с доном

Педро.

Легат ещё раз напомнил ему о воинской славе, рыцарской доблести и многочисленности войск знаменитого короля.

«Что вы можете, граф, противопоставить арагонцу? У вас почти нет пехоты и едва наберётся тысяча рыцарей. У него две тысячи рыцарей и сорок тысяч копейщиков, не считая лучников и арбалетчиков. Не кажется ли вам, что такой перевес весьма опасен?»

«Нет, ваше преосвященство, не кажется. Вот, прочтите,»- граф протянул прелату свернутый трубочкой лист серой бумаги.

Легат развернул его и быстро пробежал глазами. Это было письмо дона Педро графине Анне Луизе. В нём король клятвенно заверял красавицу, что ради её прекрасных глаз, он вернёт ей её фамильные замки, захваченные крестоносцами.

«Что вы хотите сказать, граф, своей запиской:- недоумённо спросил архиепископ.- Всем известно, что король дамский угодник.»

«В этой записке,- ответил Монфор,- залог моей победы, ибо сражающемуся во имя Господне не страшен человек, поднявший меч ради женских прелестей.»

Граф встал со скамьи и направился к часовне, стоявшей неподалёку, на опушке леса.

Там он преклонил колени перед распятием и долго молился.

Тем временем небо затянуло тучами, подул холодный ветер, загремел гром и пошёл проливной дождь. Из-за ужасного ливня, похожего на потоп, было ничего не видно в двух шагах. Никогда я ещё не видел столь грозного неба. Оно пылало как горн, а молнии сверкали так ярко и были так ужасны, что я подумал, что настал конец света.

Когда же граф вышел выше из часовни, в разрывах сплошь застилавших небеса темно-серых облаков, ярко сияло солнце.

Всегда суровый граф улыбнулся и сказал, что нас ждёт великая победа.

Мы двинулись к Мюре.

Там, на берегу полноводной Гароны, состоялось ещё одно совещание прелатов и Монфора. Священники стояли за переговоры, рыцари за войну.

Перевес оказался на стороне духовенства. Они, составив представительную Делегацию, направились в лагерь дона Педро. Но дойти до него они не смогли.

Заметив издали большую процессию в белых, золотых и лиловых одеяниях, навстречу ей, с угрожающим возгласами поскакали воины Тулузы, Руссильона и Фуа.

Миролюбивые аббаты и епископы поняв, что ни о каких переговорах не может быть и речи, повернули назад.

Преследовать их всадники не стали.

Перед решающей битвой отслужили мессу. Граф Монфор стоял на коленях и молился, еле шевеля губами. Когда он встал, с него упал панцирь. Граф

невозмутимо осмотрел его и, увидев, что у него лопнули ремни, приказал принести себе новый. Надев его, он сел на коня, и слегка кольнул шпорами его бока. Конь вдруг громко заржал, встал на дыбы и сбросил графа на землю. Но и тут Монфор не потерял присутствия духа. Он спокойно велел поднявшим его оруженосцам привести ему другого скакуна.

Между тем осаждённые крестоносцы готовились к последнему бою. Они соборовались³, поклялись друг перед другом ни отступить ни на шаг, и, развернув знамёна с родовыми гербами, вышли за крепостные ворота. Первые две атаки альбигойцев были отбиты, а когда еретики атаковали в третий раз, крестоносцы пошли на хитрость. Они обратились в мнимое бегство. Преследуя их с торжествующими криками победного ликования, альбигойцы растеклись по узвилистым улочкам предместья. Слишком поздно граф де Фуа понял, что французы обвели его вокруг пальца. Рыцарская конница легко разорвала не плотные ряды пехотинцев и ударила в тыл его атакующим отрядам, обратив их в бегство. Вдохновленные удачей, крестоносцы понеслись на арагонцев, где хорошо было видно королевское знамя.

Перед сражением дон Педро облачился в латы простого идадьго, а свой позолоченный доспех и шлем с короной он отдал своему верному вассалу графу Диего де Эррера, тому самому, кто встречал нас в Сарагосе. От его руки пал в тот день ни один знатный крестоносец, но и он сам погиб, сражённый смертоносной секирой Флорана де Вилля.

Де Вилль и его друг, Алан де Руси, перед боем поклялись во что бы то ни стало убить или пленить арагонского короля.

И вот венценосный рыцарь лежал у ног своего коня.

Спешившись, де Вилль снял с убитого шлем и увидел незнакомое лицо.

Дон Педро, сражавшийся поблизости, заметил своего коня без всадника.

Перекрывая грохот сражения, он, подняв забрало, закричал: «Я жду того, кто меня искал.»

Но не довелось де Виллю и Руси сойтись с королём в смертельном поединке. Жаркая схватка увела дону Педро в сторону. Не знаю удалось бы им даже и вдвоём одолеть дону Педро, если бы не удивительная случайность.

В самый разгар боя силы вдруг оставили могучего короля и его страшный толедский меч выпал из его руки. Не смог он удержать и секиру, тут же поданую ему оруженосцем. На теле дону Педро не было ни одной царапины, но он, выронив щит, еле держался в седле.

И тут снова появились Вилль и де Руси. Копьё де Вилля насквозь пробило оруженосца, закрывшего собой своего государя, а Алан де Руси, привстав на стременах, обрушил на голову короля страшный удар двуручного меча.

Шлем раскололся и его широкое лезвие застряло в королевском затылке.

Дон Педро замертво рухнул на трупы, изрубленных им крестоносцев.

Говорили, что в смерти отважного короля была повинна графиня де Фуа, в жарких объятиях которой он провёл ночь перед боем и так ослаб, что на утреннем богослужении не мог стоять во время акафиста.³

Битва на полях Савердена едва не стала последней и для самого Монфора. Какой-то арагонец едва не выбил его из седла, а оказавшийся рядом ловкий альбигоец разрубил ему шлем. Графу Симону повезло. У еретика сломался меч и голова графа осталась цела. Ударом щита Монфор убил альбигойца, а мечом поразил арагонца.

После гибели дона Педро, Раймунд и Роже де Фуа так и не смогли вновь собрать свои войска в боевые порядки. Альбигойцы, увидев забрызганного кровью громадного Монфора, без шлема, на огромном коне с мечом в руке несущегося во главе стальной лавины своих рыцарей как сверкающая молниями грозная туча, были объаты паническим ужасом. Побросав оружие, они побежали, на ходу срывая с себя доспехи. Мало кому из них удалось спастись.

Примечания к главе 42

1. Бастерны-повозки, предназначенные для переправы через реки.
2. Соборование-одно из христианских таинств, совершаемое у постели больного. В католической церкви- благословение умирающему.
3. Акафист(от греч. akaphistos-несидящий)-песнопения во время в честь Иисуса Христа, богородицы и святых, при исполнении которых молящиеся должны стоять.

ГЛАВА 43 Пальма доминиканцев и судьба Одиссея

После Мюрейского избиения еретики и их защитники пребывали в жалком состоянии.

Сопrotивляться дальше у них не было сил и, рассчитывая на справедливость папы, граф Раймунд отправился в Рим. В его свите был весь цвет лангедокского рыцарства.

Тем временем Тулуза, которой помогали арагонцы, не открыла ворота крестоносцам Монфора. Поход на неё не удался и взбешённый граф приказал опустошить окрестные городки и замки. Папа, узнав о злодеяниях графа, направил в Лангедок ещё одного легата- кардинала Петра Беневентского, человека, искусного в ведении переговоров.

Его мягкие речи убеждали противников лучше острых мечей.

Мой патрон к этому времени утратил интерес к войне с катарами и делил своё время между пастырскими поездками по епархии и мечтами о герцогском титуле, занимавшими его больше всего на свете.

Сначала о своём заветном желании он говорил только со мной, но вскоре перестал его скрывать и от остальных, нередко появляясь на ужин не в архиепископском одеянии, а в мантии и диадеме герцога. В эти моменты его покидала присущая ему невозмутимость и он, далеко не молодой человек, облечённый большой властью, превращался в легкомысленного юнца, изрядно хлебнувшего крепкого вина.

Архиепископ громко смеялся, нескромно шутил и показывал хитрые приёмы владения мечом, секреты которых он знал не хуже, чем лукавое искусство правильного применения соритов и утидов¹.

Монфор, узнав о нескрываемых вожделениях архиепископа, задумал во что бы то ни стало ему помешать. Противостояние двух бывших соратников

порою доходило до вооруженных стычек.

Вскоре об этом стало известно его святейшеству и он глубоко опечалился. Папа прислал архиепископу письмо, в котором говорил о своём удовлетворении воцарившемся в Лангедоке миром, завоёванном совместными усилиями всех католиков, верных апостольскому престолу. Теперь, указывал его святейшество, следует не ссориться друг с другом из-за суетных благ мира сего, а помышлять о Господе и деле Его- крестовом походе в Святую Землю, где, разгромив сарацин, утвердить христианский крест на вечные времена.

Если письмо Иннокентия к архиепископу, коего он называл любезным братом, можно было назвать увещательным, то послание Монфору было строгим и гневным. Тот, кто не проявляет милосердия, предупреждал папа, сам не заслуживает его. Графу предписывалось неукоснительно исполнять волю церкви, подчиняться приказам легатов и готовиться к войне в Востоке.

Монфор не посмел ослушаться его святейшество и передал бывшего у него в заложниках малолетнего короля Арагона Хайме магистру тамплиеров Гильому де Монтредону.

Однако на этом его покорность заканчивалась. Он не хотел сражаться с сарацинами ни в Сирии, ни в Андалусии.

Поддерживаемый папскими легатами, кардиналом Петром и реймским архиепископом Робертом, Монфор решил прочно закрепиться в Лангедоке и превратить его в свой наследственный домен. Расчёты его были отнюдь не беспочвенны.

Враг папы, английский король Иоанн Безземельный, высадился в Ла-Рошели и выбил крестоносцев из нескольких крепостей. Его союзники, император Оттон и фландрские графы, после победы над Филиппом-Августом, намеревались нанести удары по землям, завоёванным Монфором. Еретические бароны, обрадованные этими известиями, устремились под знамёна Иоанна, своего сюзерена. Но их надежды на силу британского оружия оказались напрасными.

Сын Филиппа, принц Людовик², нанёс поражение Иоанну в Ларошской битве³, а через несколько дней сам отец наголову разбил германского императора со всеми его союзниками при Бувине.

Иоанн, узнав о французских победах, забыл о своих аквитанских вассалах и спешно отплыл в своё Оловянное королевство⁴. Из Лондона он, в обмен на пятилетнее перемирие, отправил в Париж 60 тысяч серебряных марок.

Победы Капетингов были для альбигойцев равносильны вынесению смертного приговора.

Помощи было ждать неоткуда, а против их почти безоружных городов и замков стояли тысячи закалённых в боях крестоносцев Монфора. Теперь он безраздельно властвовал во всём Лангедоке и отказываться от обширных владений был не намерен.

Собственно говоря, никто и не настаивал на этом.

Легаты папы благоволили графу и, собравшись в Монпелье, все как один, проголосовали за то, чтобы Монфор стал государем Юга. Единственным несогласным был архиепископ Арнольд, но и он не решился противиться воле большинства. Да это было и ни к чему, Легаты, каким бы значительным не было их влияние в римской курии, не могли дать графу Симону законную инвеституру. Мой многоопытный патрон, вполне резонно полагал, что все эти сборища- так он презрительно называл собрания прелатов в пользу Монфора- забава для дураков. «Вот увидишь, Мишель,- говорил он мне,- даже сам его святейшество государь папа не рискнёт увенчать Монфора короной при живом и здоровом законном правителе. Такое решение оттолкнёт от него всех коронованных особ, а на это папа пойти не может. Потому что его главная цель- освобождение Святой Земли от сарацин, а подготовка крестового похода требует мира и единодушия во всех христианских землях. Ради этого его святейшество не то что не наградит Монфора, но вполне может отлучить его от церкви за лангедокские жестокости. Вспомнит, например, государь-папа о том, что солдаты безжалостного графа изувечили безоружных цистерцианских монахов в Брассанпуи⁵, грабили ломбардских купцов- ни в чём не повинных мирных католиков, а однажды обобрали до нитки набожных датчан, родственников королевы Ингеборги, жены Филиппа-Августа, шедших в Галисию⁶ на поклонение мощам святого апостола. Я думаю, что на чаше весов справедливости грехи Монфора перед матерью нашей римско- католической церковью перевешивают его заслуги. Ему нужна не награда, а индульгенция. Не помешает и покаяние.». Архиепископ стукнул кулаком по подлокотнику кресла: «Будь моя воля, я бы направил графа Симона на 5 лет к Вальдемару Победоносному⁷. Он готовится к войне с лесными язычниками и храбрые воины ему очень нужны.» Его преосвященство оказался прав. Лишь заступничество кардиналов позволило Монфору избежать анафемы. Права на неограниченное владение Лангедоком он не получил, хотя на Латеранском соборе его объявили графом Тулузским, но только до тех, пока церковь не признает графа Раймунда раскаявшимся и искупившим свои грехи. Надо сказать, что принявший такое решение собор в Латеране⁸ был событием знаменательным и великолепным. Мне довелось присутствовать на нём качестве секретаря архиепископа, получившего приглашение от самого папы. Я по сей день благодарю Господа за Его соизволение показать мне весь христианский мир во всей его красоте и величии. Послы императоров и королей, патриархи, магистры монашеских и рыцарских орденов, епископы, аббаты, приоры, знаменитые богословы и сотни знатных сеньоров заполнили огромный зал Латеранского дворца и слушали проникновенные слова высшего пастыря вселенской церкви

Иннокентия о благодатном свете христианства и священном долге освободить Гроб Господень.

Вселенский собор- событие величайшее. Рассказывая о нём следует доподлинно знать о совокупности всех обстоятельств его вызвавших, быть осведомлённым во всех тонкостях обсуждаемых там вопросов, а также ознакомиться с всеми принятыми на нём решениями.

Обо всём этом я знаю совсем немного, поэтому воздержусь от его пространного описания, а лишь отмечу то, что ясно сохранила моя память. К примеру, там много говорилось об обретении клиром скромности и смирения, но о том как этого хотели добиться, я не припомню, а вот общая торжественная клятва монархов и знатных рыцарей двинуться на завоевание Иерусалима весной 1217 года не забылась, так же как и всё то, что касается альбигойцев.

Возмездие им обрело форму суровых законов. Земля Лангедока и Прованса всегда бывшая для еретиков доброй матерью, в одночасье превратилась для них в злобную мачеху. Никто под страхом отлучения от церкви не мог свободно с ними общаться. Исповедываться отныне можно было только у приходского священника, а беседы о Божьем Слове также допускались только в церкви.

Вне её стен проповеди были строжайше запрещены. Нарушители подлежали препровождению в тюрьму и публичному бичеванию. Тем, кого арестовывали дважды, грозил костёр, либо, в лучшем случае, виселица. Епископы обязывались объезжать свои епархии в сопровождении трёх опытных людей и выведывать места убежищ еретиков. Если они этого не делали, то вполне могли лишиться своей кафедры.

Вместе с катарами, скорбная доля досталась и иудеям.

Отныне во всех христианских городах им запрещалось жить рядом с католиками. Для поселений евреям выделялись особые места, именуемые итальянским словом «гетто». Кроме того, они обязывались нашивать на одежду жёлтый кружок, а при выходе на улицу надевать круглую шапочку с пришитыми к ней небольшими рожками.

Рыцари, как я уже упоминал, ездили только на ослах и имели право носить только одну шпору.

«Э, Мишель,-сказал мне как-то в Монпелье один полупьяный шевалье,- Одиссей был царём, а умер в образе старой клячи». Так что можно считать, что нам ещё повезло».

Это был смех сквозь слёзы, ибо в Лангедоке от пьянящей свободы, коей так гордились его жители, остались одни воспоминания.

Зато чёрно- белое знамя доминиканской инквизиции, водружённое на городской ратуше, сурово напоминая о новых временах домокловым мечом повисло над их головами. Хищно-пронзительные взгляды монахов в коричневых рясах, коих облекли властью и силой, заставляли горожан при встрече с ними съёживаться и громко бормотать: «Един Бог, одна вера».

Надо сказать, что папа Иннокентий монахов не жаловал, разрешения на учреждения монашеских орденов не давал, но по каким-то причинам

Доменику, будущему святому, отказать не смог и вскоре доминиканцев, нашивших на свои рясы изображения собак, из разверстых пастей которых вырывалось трёхязыкое пламя¹⁰ и именовавших себя «псами Господними», знали повсюду.

Вместе с ними пришёл в еретические города и селения церковный суд, донине вызывающий там страх и ужас. Через него излился на богоотступников гнев Божий.

Так исполнилось пророчество Иеремии, сказавшего о Господе, что действует Он без пощады и выбрасывает богоотступников из их земель и не оказывает им милосердия¹¹.

Я был знаком с Иорданом, вторым, после Доменика, генералом доминиканского ордена. Однажды, застигнутый ненастьем, он и ещё несколько его спутников, остановился на ночлег в моём замке. За ужином мы долго беседовали на благочестивые темы.

Одну из них - о радостях целибата¹² я пропустил мимо ушей, а из остальных в памяти остались упомянутые главой доминиканцев два факта из жизни отцов церкви, имеющих некоторое касательство лично ко мне. Один из них заставил меня сожалеть о своём малодушии, а второй одарил надеждой. Блаженный Иероним, по его собственному свидетельству, постоянно грешил чтением языческих книг, листать которые и я имею пагубное пристрастие. За это прегрешение святой переводчик Библии, был подвергнут бичеванию по повелению самого Иисуса Христа, явившемуся к нему с укоризненным порицанием в полночный час, когда он стоял на молитве и каялся в своих грехах.

«Если святого высекли за чтение Цицерона, то уж с меня-то наверняка спустят шкуру.» - тоскливо думал я, слушая отца Иордана. И тут же мысленно наложил на себя епитимью, решил навсегда отказаться от Лонга¹³, Овидия¹⁴, Лукиана¹⁵ и Макробия¹⁶.

Но и после этого, я не мог отказывать себе в ни с чем нисравнимом удовольствии в одиночестве открывать старинные книги, приглашающие меня стать собеседником великих и мудрых людей давно прошедших времён. Я знаю, что за нарушение обета меня ждёт строгое наказание, но я ничего не могу с собой поделать.

Una salus est misericordia dei nostri.*

Ведь заслужил же его покаявшийся в Миланском соборе император-язычник Феодосий¹⁷, внявший смиренным увещаниям святого Амвросия и принявшим христианство на смертном одре.

Архиепископ Арнольд тоже пытался призвать Симона де Монфора к покаению и смирению перед церковью, но граф, не в пример императору, не внял наставлениям его преосвященства. Между ними выросла стена непонимания, преодолеть которую никто не стремился.

Граф жаловался в Рим на вмешательство Арнольда в светские дела, а сам архиепископ в течении двух лет-срок, который отмерил Господь Монфору

---

*Единственное спасение - милосердие Божие(лат.)

прожить после битвы при Мюре¹⁸, старался получить от святого престола разрешение на его интердикт, но безуспешно. Может быть, в конце концов, Монфора и отлучили бы, но его святейшество Иннокентий³ почти сразу же после завершения Латеранского собора скоропомтижно скончался, а наследовавший ему Гонорий¹⁹ не успел, потому что погиб сам Монфо. Смерть обоих была неожиданной.

Папа, находясь в Перудже, сильно простудился, но продолжал заниматься церковными и государственными делами. Вместо врачей, о своей болезни его святейшество советовался с астрологом Амброджио Вереze, человека, по убеждению приближённых папы, весьма сведущего в ремесле лекаря. Но на этот раз чудодейственные мази и порошки звездочёта не помогли и папе становилось всё хуже и хуже.

Временами он, обливаясь холодным потом, терял сознание. После того, как к его ступням начали прикладывать оловянные шары, наполненные горячей водой²⁰, он ненадолго пришёл в себя.

«Я был достойным преемником святого Петра.» Это были последние слова, услышанные от его святейшества окружающими папу кардиналами.

После них он вновь впал в беспамятство и тихо отошёл к Господу²¹.

Его тело, облачённое в богатые одежды, было выставлено на катафалке в церкви Сан-Эрколано. Ночью туда проникли воры и, раздев покойного донага, украли знаки папской власти. Прелаты, пришедшие утром отслужить панихиду по усопшему, увидели в гробу

Обнажённые останки владыки христианского мира, Открытые ладони его вытянутых рук, как бы говорили смотрящим на него прелатам, что на встречу с Господом он не взял с собой ничего.

Граф Симон, одержимый неистовым стремлением воцариться в непокорной Тулузе, погиб под её разрушенными стенами. Смерть ему, как некогда царю Пирру²², принёс камень, брошенный женской рукой. Очевидцы рассказывали, что каменное ядро франдиболы²³ попало прямо в голову старого крестоносца.

Граф упал как подкошенный. Кулаком правой руки он ударил себя в грудь и испустил дух. Так закончилась полная побед и поражений жизнь Симона де Монфора. Он хотел молча построить могущественное королевство и ради этого отдал свою жизнь, оставив о себе память как о жестоком фанатике, сокрушившем оплоты альбигойских еретиков.

Примечания к главе 43

1. Сориты и утиды-виды силлогизмов в средневековой логике.

2. Принц Луи-будущий Людовик 8(1187-1226г.г.), король Франции с 1223 года. Отвоевал у англичан Пуату, Перигор и ряд других французских территорий. В 1226г. возглавил поход против альбигойцев.

3. Битва при Ларош-о-Муане произошла в июле 1214 года.

4. Оловянные острова или Кассетериды- средневековое название Англии.

5. Брассанпуи-замок в Гаскони, сохранился до настоящего времени и охраняется государством как исторический памятник.

6. Гробница святого апостола Иакова находится в Галисии, в г. Сант-Яго де Кампостела.

7. Вольдемар Победоносный (1202-1241 г.г.) - датский король. Вёл длительные войны с язычниками Ливонии и Эстонии. Основал г. Ревель, у входа в Финский залив.
8. На Латеранском соборе, 12 вселенском соборе, состоявшемся в ноябре 1215 года присутствовало более четырёхсот епископов, около тысячи аббатов, магистры всех рыцарских и монашеских орденов, патриархи восточно-христианских церкви, послы императоров и королей, а также сотни знатных сеньоров.
9. По преданию, Одиссей был превращен служанкой волшебницы Цирцеи в лошадь, в образе которой он состарился и умер.
10. Иногда на рясах доминиканцев были изображены свирепого вида собаки, держащие в пасти горящие факелы.
11. Иеремия, 16:13.
12. Целибат - обет безбрачия, даваемый католическими священнослужителями.
13. Лонг - древнегреческий писатель 2-3 в.в. н.э., автор любовного романа «Дафнис и Хлоя».
14. Овидий (43 г. до н.э. - 18 н.э.) - древнеримский поэт. Известны его «Метаморфозы», эпос о превращениях людей и богов в животных, созвездиях и т.д., а также его поэма «Наука любви» и любовные элегии.
15. Лукиан (120-190 г.г.) - древнегреческий писатель-сатирик. Самые известные произведения «Мениппова сатира», «Разговоры в царстве мёртвых» и др. Оказало большое влияние на творчество Эразма Роттердамского, У. Гуттена, Ф. Рабле, Д. Свифта и Вольтера.
16. Макробий, Амвросий Феодосий - латинский писатель 5 века. В его «Сатурналиях» содержатся всевозможные сведения о мифах, обычаях и т.п. Древнего Рима.
17. Феодосий I Великий (346-395 г.г.), римский император с 379 года. Преследовал еретиков-ариан и язычников.
18. Монфор погиб в 1216 г. на 66 году жизни.
19. Гонорий - римский папа с 1216 по 1227 г.г.
20. Оловянные шары, наполненные горячей водой, считались в средние века хорошим средством для лечения простуды.
21. Папа Иннокентий III скончался 17 июля 1217 года, в возрасте 56 лет.
22. Царь Пирр (319-273 г.г. до н.э.) - царь Эпира, небольшого государства на юго-западе Греции. Успешно воевал с Римом. После одной из своих побед лишился почти всей своей армии. Отсюда выражение «Пиррова победа», то есть победа равносильная поражению.

ГЛАВА 44 ПРОРОЧЕСКИЙ ЗНАК

Об альбигойской войне, которая ещё не закончилась, можно рассказывать и дальше. Волнующий разум дух альбигойцев продолжает будоражить провансальский народ, но рыцари, пытаясь вернуть себе свои замки, отнятые крестоносцами, идут в бой уже без благословения альбигойских епископов. Только на башнях Монсегюра развеваются жёлто-красные флаги катаров. Его владелец, барон Пьер Роже Мирепуа, также как и его прадед, заклятый враг католиков. Не было преступления, которое бы он не мог совершить ради боготворимых им «совершенных» и не было такой жертвы, которую бы он отказался принести ради своей веры. Его сюзерен граф Раймунд, не был таким непримиримым врагом папы, но именно его считали за главного защитника ереси.²

Смерть графа да будет скорбным уроком всем злословящим Спасителя и мать нашу римско-католическую церковь!

В предчувствии неизбежного конца, лёжа на смертном одре, отлученный от церкви тулузский сеньор со слезами на глазах тщетно просил соборования.

Стоящий у постели умирающего рыцарь Блез де Венсенн накрыл его своим плащом, на левом плече которого был вышит восьмиконечный крест госпитальеров и граф, прежде чем расстаться с жизнью, смог его поцеловать. Говорят, что непогребённое тело Раймунда, наполовину съеденное крысами, истлело в деревянном ящике, брошенном у кладбищенской ограды. И ещё говорят, что в минуту смерти графа, на бледной, туго натянутой коже его лба, появилась красноватая лилия, пророческий знак того, что все земли еретиков в Лангедоке и Провансе отойдут к первородной дочери церкви святого Петра, коей издревле считалось любимое Богом Французское королевство.

Я думаю, что именно так и случиться.³

Примечания к главе 44

1. Монсегюр будет взят 15 марта 1244 года после 10-ти месячной осады. На следующий день, у пещеры Сабартэ, на Поле костров, будут сожжены последние 200 «совершенных». Четверых спас барон Мирепуа, уведя их в горы из своего замка по подземному ходу. По некоторым сведениям свои загадочные реликвии и несколько «тайных» книг, в которых, помимо священных текстов их вероучения, изложены простые рецепты сохранения вечной молодости и красоты, а также заклинания самого пророка Мани, дающие выучившим их, необоримую силу влияния на людей и верный путь к приобретению богатства и власти, они спрятали в одной из многочисленных пещер Пиренейских гор, недалеко от озера Эстанис де Ангонелла. По другой версии, сундук с секретными свитками был зарыт в окрестностях церкви Санта-Колома. Озеро и церковь находились тогда на территории графства де Фуа (современная Андорра). Кроме того, есть свидетельства захоронения секретных книг альбигойцев в кастильском монастыре Сан Миллан де ла Коголла.

2. Любопытно, что Латеранский собор объявил Раймунда истинным католиком.

3. В 1248 году, не оставив наследников мужского пола, умирает Раймунд⁷. Все его владения переходят к его дочери, вышедшей замуж за Альфонса Пуатье, брата короля Людовика 9 и Лангедок отошёл к французской короне. После их смерти в 1271 году, последних представителей дома Сен-Жиллей, имеющих права на тулузское графство, оно было включено в королевскую область. Последний катар по имени Белибасти, живший в замке Вийеруж-Терминез, был сожжён в 1321 году.

ГЛАВА 45 ПИСЬМО ИЗ РИМА

Предыдущая глава, мой досточтимый читатель, должна была завершить моё повествование. Но поразмыслив над написанным, я решил ещё кое-что добавить. Я умолчал о многих значительных событиях ещё и потому, что после гибели графа Симона, мой патрон архиепископ Арнольд редко покидал Нарбон.

В его сердце вместо позвавшей в крестовый поход ненависти к еретикам, прочно поселилась любовь к ботанике. Почти весь свой досуг он посвящал собиранию лекарственных растений и никогда не расставался с книгой Диоскорида¹. Он заглядывал в неё при каждом удобном случае и не упускал возможности поделиться со мной своими успехами в искусстве приготовления лечебных бальзамов. Кроме того, вместе с маркизой Марией де Виламур, архиепископ, подолгу жил в Марселе, у своего старого друга, сеньора д'Орейля², с которым они часто выезжая в Ка марг³,

полюбоваться на розовых фламинго, в изобилии водившихся на тамошних болотах.

Время текло тихо и незаметно. Я по прежнему состоял в должности дефензора и, не будучи обременён своими обязанностями, так же, как и архиепископ, читал всевозможные сочинения, но чаще всего я открывал «Лестницу в небо».

Несказанная радость переполняла меня, когда я, вкушая наслаждение от простых и понятных слов этой чудесной книги, переходил к изложенным в ней упражнениям.

Во время занятий ими, я весь отдавался ощущениям, которые, не оставляя в душе ничего земного, несли меня в радужные выси. И тогда я понимал, что погоня за удовольствиями плоти, также бессмысленна и бесполезна, как наполнение водой дырявого кувшина.

Моему безмятежному существованию ничего не мешало, но я всё больше и больше скучал

по своей супруге и детям, навещать которых я мог довольно редко. Когда разлука стала невыносимой, я решил оставить весьма доходную службу у расположенного ко мне архиепископа.

Поговорить с ним о своём возвращении домой я наметил на день всех святых.⁴ Но его преосвященство сделал это раньше.

Как-то рано утром он зашёл в мою комнату, мало похожую на обычные кельи монахов. «Да, сын мой,- сказал архиепископ, показывая пальцем на застланную шёлковыми одеялами широкую кровать и кресла, спинки которых были украшены арабесками⁵ из слоновой кости,- бедность тебя не влечёт. Но,- Арнольд жестом подавил готовые сорваться с моих губ слова оправдания-я тебя ни в чём не виню. Ты ведь не кордильер, нищенствующий во славу Божью, а чиновник, не связанный орденом уставом. Поэтому ты можешь жить так, как тебе позволяют твои средства. Похоже, что они у тебя есть.»

«Вы щедры, ваше преосвященство,»- с благодарной улыбкой поклонился я. «Ты достоин большего.»

Архиепископ опустил в кресло, пригласив сесть и меня.

«Помнишь, Мишель, - начал разговор его преосвященство,- я обещал наградить тебя, если, с твоей помощью, получу герцогский титул. Вчера его святейшество государь папа Гонорий прислал мне инвеституарную грамоту⁶, которой я добивался столько лет и прислал мне в подарок «Книгу влияния Римской церкви»⁷, написанную им, когда он был кардиналом-настоятелем собора святых Иоанна и Павла. Устно посланец его святейшества передал мне поздравление отца Бенедикта, ныне находящегося в Риме. Кроме того, тебе велено передать вот этот пенал.»

Архиепископ протянул мне светло-серую серебристую трубку, закрытую еле заметным колпачком. Он был бы совсем не видим, если бы не свисавший из-под него тонкий шёлковый шнур с неровным диском красной восковой печати. На ней был изображён ангел со склонённой головой и опущенными крыльями, державший в руках иерусалимский крест.

Я снял колпачёк , потянул за шнурок и вынул оттуда тонкий лист коричневого пергамента, исписанного по-французски красивым твёрдым почерком.

«Да пребудет мудрость Гаваонская⁸ во веки веков с читающим эти строки,»- прочёл я про себя первую строку римского письма.

«Что же пишет тебе нунций апостолического престола , если это, конечно, не секрет? – спросил меня архиепископ.

«Нет, ваше преосвященство, не секрет. С вашего позволения , я прочитаю.»

«Я буду рад услышать речь любезного и учёнейшего отца Бенедикта».

«Да пребудет мудрость Гаваонская с читающим эти строки во веки веков- повторил я вслух начало письма

1Помни, что размышляя о Господе,ты бережёшь свою душу от пороков.

2.Помни, что начала всех вещей просты и коренятся в человеческом сердце.

3Помни, что необходимо следит за ходом своих мыслей,ибо они порождают все страсти в душе человеческой.

4Помни, что всякая добродетель есть середина между двумя крайностями.

5Помни, что ничего нельзя обновить силой.

6Помни, что несчастен тот,кто не знает к чему он должен стремиться.

7Помни, что не нужны слова там, где нужны действия.

8Помни, что тот, кто читает разумно и с выбором получает меньше сведений, но больше знаний.

9Помни, что благоразумному следует быть в мыслях с меньшинством,а в речах с большинством.

10Помни, что думая о врагах,ты должен умерять свою ненависть, ибо время сглаживает всё.

11Помни, что справедливое возмездие богоугодно.

12 Помни, что ты обретёшь радость и счастье,только тогда,когда, идя путём благочестия, ты никому не будешь навязывать избранный тобой путь.»

Я замолчал. Архиепископ, перебирая чётки,тоже некоторое время безмолствовал, видимо, размышляя над услышанным. Затем он, улыбнувшись,

сказал:«Воистину ценен подарок

отца Бенедикта,ибо «приобретение разума гораздо лучше золота и

предпочтительнее отборного серебра».9Я же в свою очередь тоже хочу

отблагодарить тебя за оказанную протекцию и дарую тебе на вечные времена замок Труа-Фрер и тысячу золотых иперпиров10.Барон Труа-Фрер ни в чём не должен нуждаться.»

«Барон?- воскликнул я, не понимая о какой протекции идёт речь.

«А почему бы и нет?- сказал архиепископ.- Чем ты хуже Раймунда де

Сальваньяка⁹, купца из Кагора, получившеготакой же титул от графа Симона за то, что он забывал о деньгах, отданных ему в долг.

Хотя, может быть,тебя переполняет желание уподобиться Пьетро Челлани¹¹ или ты хочешь взять пример с Бернардо Квинтале¹².

Я не могу удерживать тебя от благих помыслов. Скажи и ты займёшь среди цистерцианцев подобающее тебе место»

«Нет, нет, ваша светлость». Я подумал, что такое обращение понравится архиепископу больше, чем обычное «ваше преосвященство».

«Я преклоняюсь перед этими людьми, но подражать им я не в состоянии.»

«В этом нет большого греха,- поддержал меня архиепископ-Иоанн Златоуст советовал не вступать на путь безраздельной добродетели, ибо идя по нему непременно оступишься»

«Воистину так, ваша светлость.- согласился я- Что же касается пожалования вашему верному слуге, то оно сделало меня счастливым. И единственно, чего я сейчас хочу, так это немедленно отправиться в свой замок.»

«Ну, что же, господин барон, не смею вас более задерживать и желаю вам всего самого наилучшего.»

С этими словами архиепископ встал и, перекрестив меня, пошёл к двери. На пороге он обернулся и сказал: «Не забывай, Мишель, что о мире людей заботиться Бог. Ты же исполняй Его заповеди, думай о себе и благе своих близких. Ценность прожитой жизни, в том, что, кроме доброй памяти, останется от тебя детям. Богатство презирает лишь тот, кто потерял надежду его приобрести и тот, у кого пропал разум от количества золота, хранимого в собственных подвалах.»

Дверь закрылась и я остался один на один со своими мыслями. Я думал о Лорте, где жила моя жена, присматривавшая за моим отцом-глубоким стариком. Там же недавно обосновался и мой старший сын Виктор, достойный стать новым Цинцинатом¹³. Второй мой сын Генрих, поклонник феи Урганты¹⁴, воевал в Святой Земле и, судя по редким вестям, приходившим оттуда, был жив и здоров. Теперь, когда я, по воле Божьей, стал богатым и знатным, мои раздумья сосредоточились на улаживании семейных дел, которые давным-давно следовало привести в порядок.

И вот-хвала Всевышнему!- время этому пришло. Свою старость, уже стоявшую на пороге, я проведу с любимой женщиной и одним из своих сыновей. Лорте можно оставить Виктору в полное владение, а Роберт, когда вернётся из Палестины, будет жить со мной в Труа-Фрер.

Всё сложилось именно так, как я и хотел. Помолившись, я стал собираться в дорогу. Меня ждал родной дом.

Примечания к главе 45

1. Диоскорид-древнеримский врач 1 века н.э. По национальности грек. Основное сочинение «О лекарственных средствах», где он описал все известные к тому времени медикаменты растительного, животного и минерального происхождения.
2. Сеньор д'Орейль-один из влиятельных феодалов в Провансе.
3. Камарг-район в дельте Роны, недалеко от побережья Лионского залива. Острова, протоки, солончаковые луга и болота. Места зимовок европейских уток, гнездовья фламинго.
4. День всех святых-1 ноября.
5. Арабески-название орнамента, сложившегося в искусстве мусульманских стран. Строится по принципу бесконечного развития геометрического, растительного или эпиграфического мотива.
6. Инвеституарная грамота-юридический документ, дающий право на владение феодалом.
7. «Книга влияния Римской церкви» написана самим папой Гонорием³, в бытность его

- кардиналом-настоятелем собора святых Иоанна и Павла. Папа Гонорий был одним из лучших финансистов того времени и долгое время ведал всеми доходами папской курии.
8. Мудрость Гаваонская-Гаваон, гористая местность в окрестностях Иерусалима.
9. Притчи, 16:16
10. Иперпир-золотая византийская монета высокого достоинства в 11-15 в.в.
11. Пётр Челлани под влиянием проповеди святого Доменика передал своё богатство доминиканскому ордену и ушёл в монастырь. Позднее возглавил Тулузскую инквизицию.
12. Бернардо Квинтале первый богач, ставший странствующим францисканским монахом, живш им подаянием.
13. Цинциннат-древнеримский консул, известный своей любовью к сельскому хозяйству, которым он увлечённо занимался в перерывах между военными походами.
14. Фея Урганта считалась покровительницей странствующих рыцарей.

ГЛАВА 46 ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Почти четверть века я живу в Труа-Фрер и у меня ни разу не возникало желание оттуда уехать. Правда, в мои годы и ехать-то уже особо некуда, но, бывает, что кому-то и на старости лет дома не сидится. Мне же хорошо в Труа-Фрер, гавани покоя, куда меня после стольких бурь и треволнений незаметно привезла ладья Петрова. 1

Высокие стены моего замка отгородили меня от остального мира и я рад, что всё происходящее в нём происходит без меня.

Там по прежнему бушуют молодые страсти. Ныне они для меня ничего не значат и не могут заставить вновь сесть на коня, или, по крайней мере, отдать приказ открыть ворота и опустить подъёмный мост. Я не вижу в делах людей ничего волнующего, кроме того, что они могут нарушить мой покой, который ныне мне ничто не может заменить.

Я состарился и нахожу удовольствие лишь в размышлениях о делах давно минувших дней. Часть этих размышлений составила книгу, к написанию которой меня призывали отец Бенедикт и святой Ремигий, но взяться за перо заставило лишь лицезрение ада.

Когда же книга была закончена, я не мог вразумительно объяснить самому себе кому она нужна и что с ней делать дальше. Не зная чем занять себя, я понемногу стал погружаться в мягко засасывающую меня трясину безделья. Крылья моей души бессильно повисли и советы отца Бенедикта перестали меня воодушевлять. Я стал лёгкой добычей лениво-чавкающих мыслей, появляющихся из потока теплой жижи убаюкивающе-сытых дней, неумолимо нёсших меня к темным берегам Ахерона².

«Te colui virtus, ut rem, ast tu nomen inane es»*-уныло брюзжал я, осушая очередной кубок вина, густого как кровь пилигрима, умершего от жажды в пустынях Святой Земли. Но вино не помогло мне скрасить серые старческие сумерки. Неизвестно откуда взявшиеся печаль и уныние сделали меня своим пленником и освободиться от их крепких пут у меня не было сил.

Однажды, не выдержав течения собственных мыслей, влекущих меня на заклание, как жертвенную овцу и мучавших не хуже, чем инквизитор, бескорыстно любящий своё ремесло, я встал на колени перед распятием и горько заплакал.

«Господь мой,- летел к небесам вопль моего сердца,- внемли моим слезам, ибо я изнемог³. Я шёл по жизни ведомый Тобой и с именем Твоим на устах. Во славу Твою я очищал свою грешную душу от соблазнов и пороков. Я думал, что избавился от них навсегда. Но вот сейчас, на склоне лет, я понял, что в борьбе с искушителем я жестоко проиграл. Adhaesit pavimento anima mea!** На словах я небесен, а сердце моё по прежнему приковано к земле цепями лени, скуки, тоски и уныния. Я в отчаянии, Господи. Прошу Тебя, помоги мне вновь обрести душевные силы дабы отразить нападки сатаны или убери меня с лица земли. Ты дал мне долгую жизнь и всё равно мне уже немного осталось». После такой жаркой молитвы я ободрился и ночью, как когда-то в молодости, мне прекрасно спалось. «Вот бы всегда так,- думал я, не открывая глаз в утренней полудрёме. «А так и будет,- вдруг услышал я знакомый голос,- если ты перестанешь бездельничать и досаждать Господу глупыми просьбами, выполнить которые вполне в состоянии сам. Nec Deus intersit nisi dignus vindice nodus inciderit.***» Слова отца Бенедикта пролились на меня целительным дождём. Я почувствовал необыкновенный прилив сил, но никак не мог открыть глаза и подняться с постели. «Зачем тебе видеть меня?»- вновь услышал я голос отца Бенедикта.- Ты же сам писал, что люди лишены мудрости,потому что больше склонны верить глазам, а не ушам. Не уподобляйся им. Будь мудрым, лежи и слушай. Я прочитал твою книгу и, хотя первый опыт всегда неуклюж, должен тебе сказать, что она мне понравилась. Во всяком случае получилась она лучше, чем я ожидал. Трудился ты усердно и сумел соединить простую историю своей жизни с величием таинственной красоты мыслей учёных мужей,

---

*Чтил я тебя добродетель,ты же лишь имя пустое.(лат.)

**Прилипла к праху моя душа (лат.)

***Бог не должен сходить для развязки пустяковых узлов.(лат.)

просветлённых Господом, так , что они стали частью тебя, а сам ты, состоя из многих, оказался един.Это меня особенно радует.»

Похвала отца Бенедикта меня воодушевила и мне захотелось высказать ему кое-какие соображения по поводу моего сочинения.

«Пока помолчи,- строго посоветовал мне отец Бенедикт, как всегда, опережая мои слова и не обращая внимания на мои желания.- Я вижу, что весьма удачное завершение порученного тебе дела, особенной радости тебе не принесло. Более того, ты стал нудным ворчуном и ленивым любителем аликанте⁴.Почему?»

«Не знаю, святой отец,- промямлил я. От только что прогретого меня воодушевления не осталось и следа.-Всё произошло само собой. Когда я

поставил точку в своих записках, во мне почему-то пропал интерес ко всему на свете. Только вино поддерживало меня в эти тягостные дни. Но из-за него я забросил свои упражнения, стал болеть и к концу концов, поняв, что дальше так жить нельзя, попросил Господа забрать меня к Себе.»

«Никому, кроме Бога, неведомо, что лучше жить или умереть и потому Господь не слышит самоубийц», - мрачно прервал меня отец Бенедикт. Как мог ты, человек, искушённый в открытой тебе науке предупреждения дьявольских ловушек, попасть в самую простую из них, предпочтя труду во имя расцвета собственной души убивающему её пьянству. А теперь ты, не пытаясь одолеть сатанинское коварство, беспомощно разводишь руками и даже собираешься на тот свет, где тебя, слава Богу, ещё не ждут. Такое малодушие называется предательством.

Ты, крестоносец, отмеченный вниманием Господа, позорно бежал с поля духовной брани, ничего не сумев противопоставить бесовским атакам. Между прочим, не таким уж и сильным».

Острые стрелы справедливого осуждения поразили меня целебным стыдом и мне захотелось доказать отцу Бенедикту, что я ещё кое-чего стою и способен справиться с охватившими меня тоской и печалью, внушенными мне ухмыляющимся духом тьмы так ловко, что я и не заметил. Тем более, что дорога к победе над ним мне была хорошо знакома. Она должна начинаться с обретения новой цели. Прежняя, поставленная передо мной отцом Бенедиктом была достигнута, а новой не было. Отсутствие её привело к пустому времяпровождению и лени. Лени же, к вящему удовольствию сатаны, заставляет забывать человека о том, что душа обязана трудиться. Это беспамятство и делает человека рабом дьявола.

Какую же цель мне поставить перед собой, чтобы моя жизнь вновь обрела смысл?»

«Насчёт этого не беспокойся, - услышал я ласковый голос отца Бенедикта, - Я тебе подскажу. Самое лучшее для тебя написать ещё одну книгу».

«Ещё одну книгу?» - воскликнул я, вопросительно устремив на моего невидимого собеседника взгляд своих слипшихся глаз - О чём же я могу написать, святой отец?»

«О многом, сын мой, о многом. Мало ли поучительных историй прошлых веков храниться в библиотеках христианских монастырей. Кто знает, может быть, старинная повесть, записанная в древнем манускрипте, поможет кому-то избежать ошибок в настоящем или будущем. Хотя это маловероятно. Люди не хотят учиться на примерах своей прежней глупости. Однако всё равно надо пытаться удерживать грешников ото зла, ибо жизнь человека держится попытками приобщиться к Господу и Его заповедям. Напиши ещё раз о промысле Божьем в жизни народов и царств. Либо доведи до конца историю альбигойской войны.»

«Я ничего не успею написать, святой отец. Мне вот-вот стукнет восемьдесят».

«Никому не дано знать времена и сроки. С телом у тебя всё в порядке, а душа, я чувствую, вновь оживает. Так что покупай чернила, бумагу же и

необходимые книги я тебе пришлю через неделю. Начнём всё заново.». «Начнём,- согласился я- Только я не могу понять происходящее: сон это или явь?»

«А какое это имеет значение?- легко рассмеялся отец Бенедикт.- Разница между ними невелика, а можно сказать, что её нет совсем. Ты можешь мне сейчас сказать, чем была твоя жизнь: сном или явью? Прошрое, живущее в твоих воспоминаниях, мало чем отличается ото сна, а будущего просто нет. Поэтому трудись сегодня, забыв о вчерашнем и не слишком думай о том, что будет завтра. Вся жизнь человеческая всего лишь несколько слов тихой молитвы перед причастием»

«Вы, как всегда правы, святой отец,- сказал я,- хотя то, что вы говорите, мне совсем не по душе, но все равно это- истинная правда. Чем была бы моя жизнь, не будь в ней встречи с вами почти пятьдесят лет назад? Наверное, я бы умер от ужаса и горя.»

«Может быть,- снова тихо рассыпался в перезвоне смеха отец Бенедикт- но ведь ты же не умер. Так что утром молитва, днём труд и укрепляющие тело занятия, а вечером перо и бумага. Итак каждый день. Pulchrum autumnus pulcher* Ты ведь хочешь, как некогда Кассиодор, умереть столетнем старцем в летнем саду под щебетанье птиц. Так что за работу. И вот ещё что. Чуть было не забыл» Отец Бенедикт помолчал, а затем торжественно обратился ко мне, не зрячему, лежавшему на своей широкой кровати, вытянув руки поверх одеяла: «Удовлетворённый сделанным тобой, я оставляю тебе подарок, который, возможно, вдохновит тебя на продолжение богоугодных дел». Я почувствовал перекрестившие меня пальцы отца Бенедикта, открыл глаза и увидел висевшую на стене картину, краски которой источали дивный аромат и светились в предзакатных сумерках. На ней был изображён спускающийся с небес архангел Гавриил. В левой руке он держал зеркало, а в правой зажжённый фонарь⁵. Его лицо было удивительно похоже на лицо отца Бенедикта

---

* Прекрасна осень прекрасных(лат.

КОНЕЦ

Примечания к главе 46

1. Ладья Петрова –католическая церковь.
  2. Ахерон-река мёртвых в греческой мифологии.
  3. Псалом, 141:16
  4. Аликанте-сорт испанского сладкого вина, производимого в г. Аликанте(историческая область Валенсия)
  5. По традиции, архангел Гавриил, символизирующий свет истинных знаний и благих вестей, изображается с райской ветвью, принесенной им Пресвятой Деве или с разгоняющим мрак неверия и невежества светящимся фонарём в правой руке и зеркалом, отражающим этот мир-в левой.
-

